Знаменитые пары СССР

Алла Ларионова
Николай Рыбников

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Алла Ларионова и Николай Рыбников – популярнейшие актеры отечественного кино середины прошлого века. Она блистала на экране, покорив своей красотой весь мир. Он, не знавший себе равных в ролях простых рабочих парней, был символом советской эпохи. Ей объяснялись в любви всемирные знаменитости. По нему сходили с ума женщины.

Мало кто верил в прочность их союза. А они прожили вместе тридцать лет и три года, как пишется в сказках. «Я счастливая женщина, – говорила Ларионова. – Я снималась в кино, и меня очень любил Коля Рыбников». А Рыбников самым значительным событием в своей жизни считал встречу с ней.

- Лиана Полухина
  -
  - Алла и Николай
  - Самая красивая
  - Знаки судьбы
  - Ее звездный час
  - Черно-белое кино
  - «Любовь – это то, что не перестает»
  - Николай Рыбников
  - Время «Тревожной молодости»
  - Его звездный час
  - Вместе
  - Формула жизни
  - Друг мой Колька
  - Белые вороны
  - После звездной поры
  - Возвращение к жизни

Лиана Полухина
Алла Ларионова и Николай Рыбников
Любовь на Заречной улице

© Полухина Л., 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Алла и Николай

Я пишу эту книгу о замечательных актерах советского кино Николае Рыбникове и Алле Ларионовой, когда их уже нет на свете. Но остались фильмы, в которых они играли, остались их дочери, Алена и Арина, остались друзья, в сердцах которых живет память о них, остались благодарные поклонники их таланта.

Они были очень разные: москвичка, красивейшая женщина, блестящая исполнительница «костюмных ролей», «светская львица» – и он, родом из провинции, в лучших своих ролях близких ему по духу простых рабочих парней выразивший нашу эпоху.

Соединила их большая любовь.

Их однокурсник по Институту кинематографии, Вадим Викторович Захарченко, которого в студенческие годы связывали с ними сложные отношения, на склоне лет признался:

– Аллочка и Колька выделялись на курсе… лучше всех были, правдивее. Они взяли от жизни все, что можно. Прославились, знаменитыми стали, потому что умели любить.

Потому что умели любить…

Читая очерки о Николае Рыбникове и Алле Ларионовой, интервью, данные ими журналистам, беседуя с их дочерью Аленой, друзьями и коллегами, я каждый раз убеждалась в справедливости этих слов. Не только любимая профессия, работа, семья, дети, друзья, но само это великое чувство – любовь – было смыслом их жизни. Любовь озарила их своим светом, была источником творческого вдохновения, как магнит, притягивала к ним людей.

Самая красивая пара советского кинематографа: Алла Ларионова и Николай Рыбников.

«Я счастлива, потому что в моей жизни было кино, и еще меня любил Коля Рыбников!»

(Алла Ларионова)

Эта книга и об их любви.

Самая красивая

Долго из-за суеверия даже близким друзьям не говорила, о ком пишу. Говорила только, что о киноактерах – муже и жене. Но один из любопытствующих, самый настойчивый, не отступался.

– Ну хорошо. Скажи хотя бы, как назвала бы ты главу о ней, без упоминания, конечно, имени.

– «Самая красивая».

– Алла Ларионова! – мгновенно догадался он.

…Говорят, Марина Цветаева просила дочку, четырехлетнюю Алю, описать воробья, эту серую, невзрачную, ничем не примечательную птичку. Задача трудная не только для ребенка. Но легче ли, даже взрослому, описать что-то яркое, необыкновенное, бросающееся в глаза, – красивую женщину, к примеру?

Князь Мышкин у Достоевского, потрясенный красотой Настасьи Филипповны, говорит, что красоту трудно судить: красота – как загадка. Мы описываем, по сути (если беремся за это), не саму красоту, которая и вправду несет в себе великую тайну, а скорее наше впечатление от нее.

Герой чеховского рассказа «Красавицы» с одинаковой силой потрясен красотой девочки-армянки и русской девушки лет семнадцати, встреченной им на одной из железнодорожных станций.

«Я увидел обворожительные черты прекраснейшего из лиц, какие когда-либо встречались мне наяву и чудились во сне, – описывает он армяночку. – Передо мной стояла красавица, и я понял это с первого взгляда, как понимаю молнию… Это была именно та красота, созерцание которой вселяет в нас уверенность, что вы видите черты правильные, что волосы, глаза, нос, рот, шея, грудь и все движения молодого тела слились вместе в один цельный, гармонический аккорд…»

Русская девушка, разговаривавшая через вагонное окно с какой-то пассажиркой, тоже была, и в этом не сомневался никто из окружающих, «замечательная красавица». Но если описывать ее наружность по частям, продолжает рассказчик, то «действительно прекрасного у нее были одни только белокурые, волнистые, густые волосы, распущенные и перевязанные на голове черной ленточкой… Все же остальное было или неправильно, или же очень обыкновенно. Но тем не менее девушка производила впечатление настоящей красавицы, и, глядя на нее, я мог убедиться, что русскому лицу для того, чтобы казаться прекрасным, нет надобности в строгой правильности

черт. Это была красота мотыльковая». Секрет и волшебство ее, читаем в рассказе, заключались в улыбке, игре лица, в грации движений в сочетании с молодостью, свежестью, с чистотой души, звучавшей в смехе и в голосе.

Ларионова соединила в себе эти два типа красоты. Правильные черты лица: в меру высокий лоб, хорошей формы брови, красиво очерченные губы, нежная линия щек с чуть выдающимися скулами, четкий подбородок – и смазанный профиль со вздернутым носом. Лучезарная улыбка, никакой «классической строгости» во взгляде, серебряный смех…

Некоторые считали, что она похожа на Аллу Константиновну Тарасову, ведущую актрису МХАТа. Кинозрителям она знакома по фильмам «Гроза» (Катерина), «Петр I», где она играла будущую императрицу Екатерину, «Без вины виноватые» (Кручинина).

Сходство находили упорно, высказывали даже предположение, а некоторые были уверены, что Алла – ее дочь. Ларионова, отрицая свое родство со знаменитой актрисой, говорила, что мать ее, большая любительница театра, довольно часто, и будучи в положении – тоже, ходила на спектакли во МХАТ – и именно «на Тарасову», и что в честь ее она названа Аллой. Однако с именем, как известно, черты лица не передаются…

А с Аллой Константиновной она встретилась лишь однажды, на приеме в Георгиевском зале Кремля.

– Здравствуйте, доченька! – сказала Тарасова, подойдя.

Ларионова в ответ спросила:

– Алла Константиновна, вас тоже замучили?

– Еще как! Но я всем говорю: к сожалению, у меня только сын, и нет такой прекрасной дочери.

Другие (я отношусь к ним) находят между ними мало сходства. У Ларионовой – ни солидности Тарасовой, ни трагического излома бровей, ни подспудной, а то и явной истеричности в некоторых ролях. Тарасова играет веселость, счастье, жизнерадостность, если того требует роль. Она больше склонна к ролям трагическим. Стихия Ларионовой – радость, улыбка, легкость, сказка, в которой побеждает добро. Драма требует от нее перевоплощения, игры. К тому же не надо забывать, что она профессиональная киноактриса, что накладывает на весь ее облик особую мету.

В Ларионовой сияние звезды соединилось с глубинным внутренним светом. Она озарила экран победительной, сказочной, истинно русской красотой. Ее красота была естественной, не вымороченной, не «натруженной», не в шрамах от подтяжек, искусно замаскированных пластическими

хирургами. Она не перекраивала лицо, как, к примеру, Мэрилин Монро – нос, хотя и считала свой нос некрасивым.

Она вообще была недовольна своей внешностью. В одном из интервью она поделилась своей несбыточной мечтой – быть высокой, длинноногой, худой и стройной. И то, что она изначально не ощущала себя неотразимой красавицей, не несла себя как хрустальную вазу, не задирала нос, еще больше привлекало к ней людей.

Внешняя красота поражает, восхищает, но мнение, что она не зависит от внутренней сути человека, – поверхностное.

Помните, у Николая Заболоцкого?

> … и что есть красота,
> И почему ее обожествляют люди?
> Сосуд она, в котором пустота,
> Или огонь, мерцающий в сосуде?

Ларионова была умна, обаятельна, интересна как человек. Всегда хорошо говорила. Даже если на подготовку выступления ей давалось пять минут, экспромт всегда был хорошо и небанально построен.

Подобно Наташе Ростовой, она, как губка, впитывала все доброе, интересное. Способная к саморазвитию, не давала душе лениться. Умела любить, дружить, сострадать.

С ней приятно было общаться и работать. Вячеслав Шалевич, который пригласил Ларионову в свой антрепризный спектакль «Коварство, деньги и любовь» по Зощенко (это было уже в конце ее жизни), говорил, что она органично влилась в их команду, состоявшую из Марианны Вертинской, Михаила Воронцова и его самого. Командность же в антрепризе, по его твердому мнению, заключается не только в том, что вы играете на сцене, но и в том, как вы едете вместе в купе, как живете в гостинице, какие у вас капризы, претензии, обиды. У Аллы Ларионовой при всем уровне ее знаменитости претенциозность напрочь отсутствовала. Она могла жить где угодно, ехать в каком угодно купе – всегда товарищ, всегда помощник.

Алла Дмитриевна Ларионова (1931–2000) – советская актриса театра и кино, народная артистка РСФСР (1990). Супруга Народного артиста РСФСР Николая Рыбникова

Ее любили мужчины, ей поклонялись зрители, ее одолевали письмами, не всегда, скажем так, умными. Порой, конечно, это не

могло не утомлять, не вызвать досады. Но она не жаловалась, ценила внимание. «К этому надо правильно относиться, – говорила она, – как к дару, который надо беречь. Ведь в этом мире никто никому ничего не должен. И потом – надо уважать людей».

Она достойно распорядилась своей красотой, талантом, жизнью. И как жаль, что надо говорить об этом в прошедшем времени.

Знаки судьбы

Алла Ларионова родилась 19 февраля 1931 года в Москве. По народному поверью, родившимся в самом коротком месяце, «февраликам», на роду написано (как и родившимся в мае) маяться.

Поверье в данном случае не оправдалось. Ударов судьбы, правда, она не избежала (а кто их избежал?), но всю жизнь ей сопутствовала удача.

До последних дней своей жизни Ларионова занималась любимым делом, с первых ролей в кино получила всемирное признание, любила и была любима, познала полноту семейного счастья, объездила всю страну, много раз бывала за рубежом… И хоть не миновала ее горькая чаша людской зависти, клеветы, забвения и одиночества, она не сетовала на судьбу и считала себя счастливым человеком.

Ее родители познакомились в отряде Котовского. Отец Дмитрий Андреевич, член партии с 1918 года, был настоящим честным ленинцем. Работал там, куда посылала партия. Был депутатом Бауманского райсовета Москвы. Был директором небольшой фабрики, затем директором райпищеторга. Своим служебным положением никогда не козырял, не использовал его в личных целях. Долгое время семья – у Аллы был еще старший брат Владимир – жила в старом доме на первом этаже (это при солидных-то должностях главы семейства!). Вход был со двора. Во двор выходили задняя стена кинотеатра и дверь, через которую его покидали зрители после окончания сеанса. Они громко обменивались впечатлениями от увиденного, и это, конечно, доставляло неудобство жителям дома, особенно поздно вечером. Став уже известной актрисой, Ларионова шутила: чему тут удивляться (в смысле ее успеха), ведь я с ранних лет знала, что нравится кинозрителям, а что нет!

Жили скромно. Сколько она себя помнит, говорила Ларионова, у них в доме всегда был пустой холодильник. Захочется чего-нибудь вкусненького – у папы один ответ: пойдите в магазин и купите. Таков уж был Дмитрий Андреевич – бескорыстный, не оборотистый. Внешне он был типа Охлопкова – высокий, представительный, держался с достоинством.

Умер он в 1967 году от меланомы – неосторожно срезал родинку во время бритья.

Мама Валентина Алексеевна, хотя и имела всего четыре класса образования, была человеком интеллигентным, умным, деятельным. Всем в доме, сначала своем, а потом в семье дочери,

заправляла она: вела хозяйство, растила внучек, была всем опорой. «Не представляю, как бы мы жили без нее», – не уставала повторять Алла. Умерла Валентина Алексеевна в 1992 году.

Алла росла типичным советским ребенком: детский сад, школа, Дом пионеров, пионерский лагерь… Однажды на загородную дачу детского сада приехала какая-то киногруппа с камерой, из всех детей отобрали двух мальчиков и девочку, отсняли и уехали. Той девочкой была Аллочка Ларионова.

Она вовсе не была открыточным ангелочком. С фотографии тех лет на нас смотрит веснушчатая девочка с короткими, по детской моде тех лет, волосами с челкой. Но было, было в ней что-то такое, что выделяло ее из общей массы.

Во время войны семья эвакуировалась в Татарию, потом вернулась в Москву.

Однажды (Алла тогда была восьмиклассницей) ее остановила на улице женщина и спросила: «Девочка, хочешь сниматься в кино?» – «Хочу». Женщина эта оказалась ассистентом режиссера Надеждой Кушнеренко. Встреча эта, говоря высоким стилем, стала судьбоносной. Пройдет три года, и Ларионова будет учиться во ВГИКе, кстати, на одном курсе с Яковом Сегелем, сыном Кушнеренко.

А тогда… Впрочем, предоставим слово Георгию Натансону, ныне известному кинорежиссеру, поставившему, среди других, такие фильмы как «Старшая сестра», «Еще раз про любовь», «Посол Советского Союза», а в молодости работавшему ассистентом у Пырьева, Довженко, Птушко. Свой очерк «Воспоминания об Аллочке» Натансон опубликовал в газете «Москвичка» в 2000 году, вскоре после смерти Ларионовой.

«Вспомнилась мне Алла еще школьницей, девятиклассницей, тогда она впервые появилась на съемочной площадке фильма „Жизнь в цвету“, переименованного затем Сталиным в „Мичурин“.

Тот эпизод, который воскрес в моей памяти, снимался в большом цветущем яблоневом саду в Кунцеве, под Москвой. Я был ассистентом Довженко (постановщика фильма. – Л.П.). Задолго до начала съемок Александр Петрович дал мне и другому ассистенту, Надежде Кушнеренко, задание: найти 12 девушек-красавиц, которые, стоя на лестницах у цветущих яблонь, опыляли бы цветы. Надежда Кушнеренко появилась на просмотре с Аллочкой Ларионовой. Едва Александр Петрович увидел ее, он просто озарился и, конечно, поставил Аллу на первый план. Это был первый съемочный день в жизни Аллы Ларионовой. Ну а я в нее влюбился в ту же минуту. Вот истинно русская красавица, спокойная, гордая и величавая. Ее золотые волосы, подсвеченные

солнцем, превращались в нимб над головой.

Оказалось, мы жили почти рядом, у метро „Бауманская“. Я позвонил ей, и мы встретились. Мы гуляли по улицам, сидели на лавочках бульвара, и я ей признавался в любви. Ну, конечно, много говорили о кино. Я вспоминал о своей работе с Иваном Пырьевым, которому ассистировал на съемках фильма „Секретарь райкома“ и „В 6 часов вечера после войны“. Рассказывал о Марине Ладыниной, Михаиле Жарове, Евгении Самойлове, о ВГИКе, который я окончил, куда советовал ей поступать.

– А ты думаешь, меня примут?

– Конечно, примут, ты же такая красивая!

– А разве во ВГИК принимают по красоте?»

…Могу с уверенностью сказать: не только интересные, способные увлечь «фабрикой грез» рассказы Георгия Натансона, но и само участие Аллы в съемках, пусть в массовках (еще был «Поезд идет на восток»), предопределило ее путь в кинематограф: редко кто из вкусивших эту сладкую отраву найдет от нее противоядие. Да и будет ли у кого желание его искать? Могу с высокой степенью достоверности описать, что Алла-школьница чувствовала, перешагнув порог киностудии.

Дело в том, что как раз в те же годы, будучи восьмиклассницей, я была приглашена на съемки в массовках – с той лишь разницей, что ассистент режиссера пришел к нам в школу, и фильм снимался на Киностудии имени Горького.

Киностудия эта находилась в Ростокине, в здании Института кинематографии, точнее, институт арендовал здание у киностудии.

Алла Ларионова на первых выступлениях в детской самодеятельности

Ночь я, естественно, спала плохо, в школу не пошла и, едва дождавшись утра, поехала на студию к назначенному часу. Я ехала в трамвае, от волнения ничего не соображая. Всю дорогу меня била внутренняя дрожь. По наивности я думала, что там тоже будут отбирать из нас достойных. Я ехала, как на экзамен по иностранному языку, учебник по которому и в руках не держала. Сердце колотилось где-то в животе.

Но никакого отбора больше не было! Сердце встало на место. Лишь внутри гулял сквознячок волнения, когда встретившая нас в вестибюле ассистент режиссера объясняла, что нам предстоит делать: мы будем учениками школы, директор которой – главная героиня фильма «Сельская учительница» Варвара Васильевна (ее играла Вера Марецкая), а учительницей в нашем классе будет ее бывшая ученица. Затем нас повели в костюмерную.

Школа, по сценарию, была предвоенная, смешанная (мы же учились в раздельных, женских и мужских, – золотое время!), школьной формы не существовало, и я воззрилась в безмолвном восхищении, как Козетта на куклу в витрине, на темно-голубое платье с белоснежной пикейной кокеткой. Но его бестрепетной рукой сняли с вешалки и понесли примерять какой-то девочке. Сердце упало. Тут костюмерша, бросив на меня взгляд, сказала: «Это больше, пожалуй, подойдет светленькой!». И платье досталось мне. Я была счастлива! Мне наложили грим цвета

золотистого загара, отчего я стала синеглазой и красивой, и наконец повели всех нас на съемочную площадку – в класс.

Оператор Сергей Урусевский, молодой, высокий, худощавый, стал колдовать с установкой света, а режиссер Марк Донской, чуть постарше, невысокого роста, очень подвижный, окинув нас цепким оценивающим взглядом и кое-кого пересадив, объяснил, как следует вести себя во время съемок. Не напрягать взгляд, не щуриться, не реагировать на камеру, а главное – не смотреть в объектив (короче, не думать о белом слоне). И никаких посторонних шумов: съемка идет с синхронной записью звука.

Мы сидим за партами. Учительница – актриса Анна Лисянская – ведет урок. Донской – весь внимание. Урусевский курсирует по рельсам между рядами парт. Мы не дышим. Тихо стрекочет камера…

– Сто-о-оп! – вдруг раздается крик Донского. – Куда смотрите?! Убрать тень от микрофона!

Поднимается суета. Оператор возвращается на исходную позицию. Свет перемещают. Тень исчезает. Я внутренне съеживаюсь от страха. Мне жалко людей, которые забегали, как пришпоренные.

Но вот все налажено. Выбегает женщина с хлопушкой с номером кадра и дубля, ударяет в нее и убегает. Съемка продолжается. Оператор задерживает камеру на моем лице, затем отводит ее в сторону… Режиссер говорит «стоп» и направляется ко мне. Сердце падает. Жду окрика. Но Донской ладонями приглаживает мои волосы, подзывает гримершу:

– Попудрите ее – нос блестит. А в перерыве причешите. Возьму ее в эпизод.

Я взорлила!

В перерыв все отправились в буфет. Чай был очень горячий, и взрослые доливали в него воду из графина. С тех пор я всегда так поступаю. Вообще все, что происходило на студии, до, казалось бы, непримечательных событий и мельчайших деталей студийного быта, в моих глазах обретало глубокий смысл и значение.

…А эпизод, в котором меня сняли – я была «при мальчике», который запустил планер в классе, и планер этот угодил учительнице в голову, юному авиамоделисту грозило наказание, а я его защищала, – из фильма вырезали. Так я стала жертвой и по сей день не изжитого в кинематографе явления – купюр.

Я болезненно переживала этот щелчок по носу, но на моем отношении к кино, на моей в него влюбленности это никак не отразилось. Забыты были и окрики режиссера, и ощущение полной от него зависимости, и страх сделать что-то не так, и

горечь обиды, когда тебе предпочитают других. Я уже прочно сидела в этой прекрасной, медом мазанной ловушке.

Думаю, и юная Ларионова, глотнув воздуха «Мосфильма», уже не хотела, не могла дышать никаким другим. Так оно и было: именно тогда она твердо решила, что после школы пойдет учиться на актрису.

…Но закончу рассказ о моей «кинокарьере», тем более, что он не только обо мне.

Когда на экраны вышел фильм «Молодая гвардия», имевший, как и роман Фадеева, по которому он снят, огромный успех, наша школа решила устроить вечер встречи с актерами, сыгравшими молодогвардейцев. Во ВГИК командировали меня (как «своего человека в кино») с подругой.

Со священным трепетом мы вступили в обиталище небожителей. Все, все мне здесь казалось как бы подсвеченным изнутри. Надо же! Киноактеры! И на каждом шагу! Сердце замирало, как в скоростном лифте, при виде знакомых по экрану лиц.

Вот нарядная, оживленная Ляля Шагалова – Валерия Борц. Как мы ревновали к ней Сергея Тюленина – в фильме и Сергея Гурзо – в жизни!

А вот и сам Гурзо с женой Наташей. Мы уже знали, что у них маленькие близнецы, мальчик и девочка, которым родители дали свои имена. Мы купаемся в лучах обаяния Сергея, приятель тянет его за рукав выпить, Наташа не может удержать.

В коридоре у окна заплаканная Нонна Мордюкова – Ульяна Громова выясняет отношения с мужем, тогда еще никому не известным Вячеславом Тихоновым.

Инны Макаровой – Любки Шевцовой – в тот день в институте не было. К Владимиру Иванову, исполнителю роли Олега Кошевого, мы поехали в общежитие на Трифоновскую. Общежитие барачного типа, титан с кипятком на пятачке при входе, уходящий вдаль полутемный коридор… Но оно, конечно, не казалось нам будничным и убогим: какие люди там жили! (Ощущение нас не обмануло – действительно, там жили известнейшие впоследствии актеры театра и кино – Михаил Ульянов, к примеру.)

Миссия наша, естественно, провалилась. Да и наивно было надеяться на успех: «молодогвардейцам» буквально не давали проходу, их рвали на части, а они к тому же еще не окончили институт.

Неудача не обескуражила меня. Напротив, если я раньше и колебалась, то теперь твердо решила: буду поступать только во ВГИК. Жизни без него, без его атмосферы, без живых легенд

экрана, которых здесь можно было вот так запросто встретить, учиться и затем работать рядом с ними, я уже себе не представляла.

Понимая, что актрисы из меня не получится, режиссера и оператора тоже, по зрелом размышлении (уж очень хорошо я сочинения писала!) подала документы на сценарный факультет. Через несколько дней приехала узнать расписание консультаций и экзаменов.

Площадка возле института уже с утра была запружена жаждущими и страждущими.

К нам – я была с двумя подругами – устремился какой-то оператор с просьбой попозировать ему: он хотел опробовать цветную пленку на наших голубых платьях разного оттенка. Нам освободили пространство на солнечной стороне, и мы внутренне ликовали, подчиняясь приказам оператора под любопытствующими и не без зависти взглядами многочисленных зрителей. Чем не киносъемка?

Как на крыльях, я влетела в здание института и лицом к лицу столкнулась с Марком Семеновичем Донским. Поздоровалась. Он машинально кивнул, собрался было пройти мимо, но, взглянув на меня, остановился.

– Откуда ты, прелестное дитя? А главное – куда? Я помню тебя.

– Поступаю вот…

– На актерский?! Девочка моя, талантливо сидеть в классе – это еще не значит…

– Нет, на сценарный.

На мгновение он онемел и воззрился на меня, как на сумасшедшую. Наконец обрел дар речи.

– Дай твой телефон, я позвоню родителям! Черт знает что задумала!

Телефона у нас не было. Донской схватил меня за руку и потащил в какую-то комнату.

– Ты совершаешь чудовищную ошибку! «Сочинения она хорошо пишет! По литературе – пять!» – передразнил он кого-то. – Какой из тебя сценарист? – кричал он на меня, как на родную. – Сценарии пишут Габрилович, Симонов, Михалков! Помимо драматургического таланта, здесь большой жизненный опыт нужен. Школьные сочинения – цыплячий писк! Ты бы хоть со знающими людьми посоветовалась! Они бы тебе объяснили, что сценарный на сегодняшний день – факультет безработных. Курс набирается раз в два года, по 14 человек. А фильмов в год – меньше десяти. Дипломированных актеров много незанятых, мы снимаем их в эпизодах, массовках. Наших сценаристов – тоже,

чтобы они хоть как-то существовали. В «Молодой гвардии» немецкого часового убивает ножом парень со сценарного!

Я молчала. Что тут возразишь? Донской был прав.

– Да и не примут тебя, на твое счастье! Куда тебе тягаться с бывшими фронтовиками? Поступай в какой-нибудь другой институт. Не дури. Забирай документы, пока не поздно!

Алла Ларионова с мамой. 1950-е гг.

…Так закончился мой «очный» роман с кино. А «заочному», видимо, суждено было стать пожизненным.

Я никогда не соглашусь, что прославленные киноактеры такие же люди, как все. Нет, не такие. Понятие «звезда» означает высшую степень популярности, сильное и почти магическое воздействие красоты или таланта, личностного обаяния (а чаще того, другого и третьего) на наше сознание.

Иное дело, как сам актер распорядится этим даром небес. Одни суетятся, потребительски относятся к своему дару, мельчают, искусственно поддерживают горение – и гаснут. Другие до последнего часа горят чистым и верным светом, даже из-за туч – для всех нас.

Как Алла Ларионова. Именно потому еще она не такая, «как все».

Я не без прицела рассказала о Киностудии им. Горького, о ВГИКе конца сороковых, о встречах с актерами, сыгравшими молодогвардейцев, о разговоре с режиссером Марком Семеновичем Донским на тему перспектив у студентов института: именно в это время, точнее, годом раньше, в 1948-м, получив аттестат зрелости, Алла Ларионова подала документы на актерский факультет.

Набирали актеров и режиссеров (тогда они еще учились вместе) в свою мастерскую Сергей Герасимов и Тамара Макарова. Это был следующий набор после тех, кто снимался в «Молодой гвардии».

Надо сказать, что на Герасимова Ларионова не произвела впечатления, он не хотел ее принимать. Это, естественно, ее очень огорчило, но вряд ли было неожиданностью. О таланте ее судить было еще рано, о своей же внешности, в отличие от окружающих, она была невысокого мнения. «Я была крупная, нескладная, как обрубок, курносая, неотесанная», – вспоминала она о себе тогдашней. Впрочем, она всегда была самокритична.

Ее все-таки приняли – настояла Тамара Макарова. Сергей Аполлинарьевич уступил ей, но впоследствии снял Ларионову только в одном своем фильме – «Дорога правды». Во ВГИКе ходило поверье: сняться у Герасимова – это как получить талисман, приносящий счастье. Ларионова «завладела» этим талисманом уже после того, как стала знаменитой, – в 1956 году.

На ее курсе учились из ныне широко известных Кулиджанов, Ордынский, Сегель, Николай Рыбников. В учебных спектаклях она играла довольно разноплановые роли. К примеру, Матильду де ля

Моль в «Красном и черном» Стендаля, графиню, утонченную даму, и Анфису из «Угрюм-реки» В. Шишкова, молодую женщину «из простых», сибирячку.

Мир большого кино распахнул перед ней двери еще в студенческие годы. А случилось это так.

Непревзойденный мастер фильмов-сказок Александр Птушко, знакомый зрителям по «Новому Гулливеру» и «Каменному цветку», готовился снимать фильм-былину «Садко» и подыскивал актеров. Разумеется, с помощью своих ассистентов. А одним из них был Георгий Натансон, тот самый, который три года назад работал у Довженко.

Вот что он пишет в своих «Воспоминаниях об Аллочке», о которых уже упоминалось в этой книге:

«На главную роль Садко был утвержден известный актер, русский красавец Сергей Столяров. А на роль Любавы Птушко поручил нам, его ассистентам, найти необыкновенной красоты молодую актрису. После тщательных поисков мы представили Птушко около 200 молодых актрис! Одну за другой он их тут же забраковал. Тогда я сказал Александру Лукичу, что у меня есть знакомая студентка 2-го курса актерского факультета ВГИКа. Очень красивая девушка, Алла Ларионова, которая, по моему мнению, может сыграть Любаву.

– Мне нужна, Георгий, профессиональная актриса, а не студентка.

Мы снова и снова представляли актрис-красавиц. Птушко их вновь „резал“. Я еще раз напомнил Александру Лукичу об Алле.

– Ну давай, давай, вызывай свою протеже, – бросил в раздражении Птушко, только чтоб я отстал. – Посмотрю уж, каков твой вкус. Но поиски продолжай. Готовьтесь к поездке в Ленинград и особенно в Киев и Одессу, там наверняка найдется то, что нам нужно.

Когда на „Мосфильме“ перед Птушко появилась Алла Ларионова, он, как и Довженко, озарился и воскликнул:

– Есть Любава! Иди, девочка, в соседнюю комнату, читай сценарий, готовься к съемкам. С Герасимовым договорюсь…».

Съемки проходили под Москвой, на берегу Пестовского водохранилища. Там был построен город Новгород, с крепостью, домами, деревянными мостовыми и тротуарами, с пристанью с кораблями. Декорации стоили огромных денег, но фильм их вернул государству с большой прибылью. Одной из основных линий картины была любовь Садко и Любавы. Во время походов Садко за моря-океаны Любава ждала его. Стояла на крепостной стене и вглядывалась в морскую даль.

Весна перетекала в знойное лето, дождливую осень сменяла

холодная зима. А Ларионова в одном платье. Она не жаловалась, снималась увлеченно, режиссер и вся киногруппа относились к ней хорошо. А Георгий Натансон так просто был увлечен ею…

Сделаю небольшое отступление.

В наших фильмах, порой даже среднего уровня, заняты, как правило, прекрасные актеры, каких у нас немало. Однако честь открытия какого-нибудь таланта приписывается исключительно режиссеру. В этом лишь доля истины.

Бывает, что сценарист пишет сценарий, имея в виду определенного исполнителя. Бывает, режиссер, приступая к съемкам, уже знает без кинопроб, кого он будет снимать. Но чаще он выбирает актеров и актрис из кандидатур, которые предлагают ему его ассистенты.

Это они «забрасывают сети» в театры, посещают учебные и самодеятельные спектакли, ходят (вернее, ходили; сегодня, кажется, этого нет) на актерскую биржу труда, засматриваются в лица прохожих, противостоят натиску настырных мамаш юных дарований (правда, эти кошмарные мамы возникли сравнительно недавно, больше того – в те времена родители были чаще всего против того, чтобы их дети снимались, по многим причинам)… И все это с одной целью – найти нужный типаж, «лицо», которое желает видеть режиссер в будущем фильме. А потому несправедливо, что раньше в титрах не писали фамилии ассистентов, помощников режиссера, тогда как сегодня в заключение фильма идет нескончаемый (по закордонному образцу!) список всех, кто имел хоть какое-то отношение к нему, вплоть до водителей киногруппы.

…Пусть запоздало, но отдадим должное Георгию Натансону, полвека назад стоявшему у истоков актерской судьбы Аллы Ларионовой.

«Садко» положил начало не только кинокарьере, но и всемирной славе Аллы Ларионовой.

В 1953 году она впервые выехала за рубеж, на Венецианский международный кинофестиваль, на котором фильм-сказка был удостоен «Серебряного льва» («Золотого» в тот раз никому не присудили). Своим успехом фильм был обязан не только непревзойденному мастерству режиссера Птушко, таланту красивого русского актера Сергея Столярова (вспомните «Цирк», в котором он играл) – Садко, но и поистине сказочной красоте Аллы Ларионовой – Любавы.

Это был настоящий триумф!

«Русские привезли неописуемое чудо красоты!», «Алла неотразима. Ее появление на кинофестивале – уже успех!» – писали зарубежные газеты. Был выпущен журнал «Алла», целиком

посвященный ей. После просмотра «Садко» голливудские агенты, режиссеры, продюсеры предлагали ей контракты на съемки в зарубежных фильмах.

– Тогда я была в шоке, – говорила Ларионова в интервью корреспондентке «Совершенно секретно». – А сегодня думаю: вряд ли они сделали бы меня суперзвездой. Скорее всего, я нужна была им как экзотика. По своей натуре, мне кажется, я не была создана для Голливуда. Хотя… Да что сегодня говорить об этом! (Это был 2000 год, март. В апреле она умерла. – Л.П.) В Венеции другие за меня отвечали: мол, у нее контракты чуть ли не на пять лет вперед! Но я-то знала, что работы эти пять лет как раз больше, может, и не представится.

В этом отношении мало что от нее зависело. Она справилась с тем, что зависело от нее: не потеряла голову от небывалого успеха, а обрела веру в свою счастливую звезду.

В том же 1953-м вышли два фильма с ее участием: «Вихри враждебные» и «Команда с нашей улицы».

В первом она играла Веру, девушку из богатой семьи, ушедшую в революцию. Во втором – пионервожатую Олю. Роли эти дались ей легко – достаточно было ее внешних данных, естественного поведения в предложенных обстоятельствах и личного обаяния.

Кадр из кинофильма «Садко». 1953 г.

«Тридевять земель обошел, на дне морском побывал, а

ничего нет краше земли родной! Вот оно, наше счастье!»

(из к/ф «Садко»)

Что касается «Команды», там, по сути дела, и играть было нечего. В основе фильма лежал конфликт «хорошего с лучшим», что, впрочем, характерно для многих фильмов того времени.

Пионервожатая Оля (хорошая!) не признавала значения физкультуры и спорта, ей больше нравилось, когда ребята занимались «тихими» играми. Приехавший проверять пионерский лагерь товарищ из райкома то ли комсомола, то ли партии, которого, кстати, играл Николай Рыбников, направляет ее на путь истинный. Она понимает свою ошибку и становится еще лучше.

Критики правы, отмечая, что в этой картине индивидуальность Аллы Ларионовой никак себя не обнаружила. Но был ли шанс обнаружиться этой индивидуальности (у Рыбникова тоже) в предложенных обстоятельствах?

Не будем, однако, излишне строгими: подобные фильмы были типичны для того времени. В актерской же судьбе Ларионовой они сыграли положительную роль: после фильма-сказки «Садко» ее в самый пик «малокартинья» заметили режиссеры, снимавшие фильмы на современную тему, а таких тогда выпускалось большинство. Значит, она будет востребована, значит, у нее есть перспектива.

И еще. Глядя на юную пионервожатую Олю, можно в точности представить, какой Алла Ларионова была тогда в жизни, какой ее встретила на улице ассистент режиссера Кушнеренко, когда пригласила сниматься в кино. Она была создана той эпохой и, по ее признанию, не сомневалась в справедливости строя, при котором выросла. Это на долгие годы определило ее мироощущение. Позднее, конечно, что-то было переоценено. Она была расположена к саморазвитию, умела учиться у других, никогда не уставала это делать. Она была человеком искренним, добрым и благодарным.

В богатом для нее на события 1953 году Ларионова закончила ВГИК, защитив диплом не по учебным короткометражкам, а по работам в большом кино. Она уже получила известность.

Но ее звездный час был впереди.

Ее звездный час

Блестящий дебют, что бы там ни говорили, – это розы в кредит. Ларионова «стерпела» свой первый большой успех. Но как дальше пойдут дела у счастливой дебютантки, тем более что многое (да почти все) зависело не только от нее, а от режиссеров, от объективных обстоятельств? Не последует ли за взлетом жесткое приземление – если не провал, то творческая пауза, невостребованность?

Это очень опасная вещь, особенно для начинающего свой путь в кино: теряется темп, рождается неуверенность в себе, страх перед будущим. Тебя как бы отбрасывает на несколько «клеток» назад, и чтобы вновь преодолеть их, нужны время, силы, упорство, оптимизм. Случается, и это не помогает: тебя просто не замечают, и хорошо, если это лишь на какое-то время, а бывает, что и навсегда.

Вот просверкала на экране в фильме «Поезд идет на восток» очаровательная Лидия Драновская – и исчезла с кинематографического небосклона. Генрих Боровик рассказывал, что фильм не понравился Сталину, и он «вышел» из того поезда где-то в Свердловске. Но за что пострадали актриса и кинозрители, которым и она, и картина понравились?

После сногсшибательного успеха «Карнавальной ночи», успеха, который в первую очередь обеспечила юная Людмила Гурченко своим многогранным талантом, и одного-двух рядовых фильмов чуть ли не десятилетие она не появлялась на экране.

Ларионовой повезло: «Садко» не стал зенитом ее популярности, за которым следовало бы ожидать спада. Молодой актрисе суждено было взойти на самую вершину славы, которую только можно было вообразить, после исполнения ею роли Ани в картине Исидора Анненского «Анна на шее» по одноименному рассказу А. П. Чехова. Этот фильм, вышедший на экраны страны в 1954 году, стал главным в ее жизни.

…Десятилетия спустя, когда пришло время подводить итоги, Ларионова скажет об одном из любимых своих режиссеров:

– Исидор Маркович Анненский… Встретилась я с ним буквально девчонкой и тогда не понимала, какое счастье мне подарила судьба. «Анна на шее» – это Чехов, это блистательно подобранный ансамбль актеров. Великих! М. И. Жаров, А. Н. Вертинский, Сашин-Никольский, Владиславский…

На съемках, вспоминает она, царила атмосфера сердечности, порядочности, понимания. Со стороны некоторым казалось (тут-то и начались пересуды и сплетни, которые преследовали ее до

конца дней), что у Ларионовой роман с Вертинским, Жаровым. И хотя трудно вообразить, чтобы такая женщина оставила кого-то равнодушным, не вызвала сильного чувства, но романов не было. Преклонение перед талантом старших коллег, к тому же таких известных актеров, уважение к ним с ее стороны – было, была взаимная платоническая влюбленность. Но это естественно, без этого, как без зажигания, вряд ли пришел бы в действие тот самый мотор, который включается после двойного удара «хлопушки».

О Жарове она говорила:

– Я считаю, обаяние – первый признак талантливого актера. Можно правильно сыграть и прочувствовать роль головой, но без обаяния она будет мертва.

Когда они познакомились, у него были молодая жена Майя и две маленькие дочки. Счастливый муж и отец, он в перерывах между съемками рассказывал о них.

В свою очередь, Ларионова рассказала Жарову о первой встрече с ним. Он приехал в Дом пионеров и, проходя сквозь толпу ребят, среди которых была и Алла, случайно толкнул ее. Извинился, поцеловал ее и стал пробираться дальше. Съемки их сдружили.

– Слушай, Алка, – говорил Михаил Иванович, – ты так похожа на Люсю – это плохо.

Люся – это Людмила Целиковская, которую Жаров очень любил, и которая в сороковые годы была его женой. Видимо, счастливые воспоминания навевали на него грусть, как и мысли о прошедшей молодости.

Съемки многих эпизодов фильма проходили ночами, так как участвовавшие в них артисты оперетты не могли работать днем.

– Ты соберись, чтобы мы только один дубль станцевали, – просил Жаров Аллу, – а то придется врача вызывать.

И они танцевали без дубля.

А однажды во время съемок на натуре эпизода, где Артынов (его-то и играл Жаров) с Анной и цыгане катаются на лодках, а уже наступили холода, и они время от времени грелись на берегу, набросив на себя теплые пальто, Жаров вдруг заметил на противоположной стороне какого-то мужчину в легком светлом плаще и указал на него Алле.

– Господи, это же Коля! – воскликнула она.

Да, это был Рыбников. Он приехал откуда-то, чтобы даже не повидаться с Аллой, а только посмотреть на нее – и уехать обратно. Очень, видимо, спешил и не переоделся по московской погоде. Такая у него была любовь.

Необычно возникла дружба между Аллой и Александром

Николаевичем Вертинским.

Михаил Иванович Жаров (1899–1981) – советский российский актер и режиссер театра и кино.

Герой Социалистического Труда (1974).

Народный артист СССР (1949).

Лауреат трех Сталинских премий

Надо сказать, что Киностудия имени Горького, на которой снимался фильм, была небогата. То и дело возникали трудности с

павильонами, с реквизитом. Так, широченную красного дерева кровать, на которой просыпается Аня наутро после бала, дал напрокат артист Евгений Моргунов, известный своими нестандартными габаритами. После чего он любил во всеуслышание заявлять:

– Сама Ларионова спала в моей кровати!

Эпизод этот из-за нехватки павильонов снимался в гараже киностудии. Помещение, естественно, не отапливалось, было холодно, пахло бензином. Актриса же должна была ощущать себя в роскошной спальне, нежиться в постели, излучать счастье, вспоминая бал, который перевернул всю ее жизнь.

Ларионова играла под направленными на нее юпитерами… Вдруг она почувствовала на себе чей-то взгляд. Улучив момент, всмотрелась в темноту. Вертинский! Ей стало не по себе. Ей казалось, что ему не нравится ни она, ни ее игра, и очень переживала, тем более, что по ходу картины он играл влюбленность. И зачем он здесь? В этой сцене он не участвовал.

По окончании съемки Вертинский подошел к ней, наклонился и поцеловал руку, приговаривая: «Браво… Браво…».

Лед растаял. Но растаял он только теперь, а поначалу Вертинский не одобрял выбор Анненского: на роль Ани он предлагал другую актрису. Ларионова, по его мнению, прежде всего внешне была не похожа на героиню чеховского рассказа «Анна на шее». Это соответствовало правде. Процитирую соответствующие строки из рассказа:

«Аня так же, как мать, умела щурить глаза, картавить, принимать красивые позы, приходить, когда нужно, в восторг, глядеть печально и загадочно. А от отца она унаследовала темный цвет волос и глаз, нервность и эту манеру всегда прихорашиваться».

Да, Ларионова – Аня, получается, ничего не унаследовала от своих родителей: ни манер матери, ни внешности отца. Она светловолоса и голубоглаза. Она кокетлива, но без всяких этих мелких ужимок. Ларионова, которой как актрисе чужды были поза и жеманство, конечно, могла сыграть то и другое. Но режиссер, реализуя право на свое видение образа героини, взял на роль Ларионову, учитывая ее индивидуальность. В конце концов, художественную ленту по мотивам литературного произведения можно судить и по законам киноискусства, имеющего свою специфику. Важно, что Анненский не погрешил против сути этого характера, против, говоря языком профессионалов, функциональной роли образа Ани в рассказе.

«Постановщик добился победы, – писал один из критиков, – в раскрытии чувств героини, в утверждении кардинальной темы

русской классической литературы – темы обреченности красоты в позолоченном, изысканно-нарядном и духовно пустом мире».

Видимо, то, как сыграла Ларионова ключевую сцену превращения прежней бедной Ани в светскую красавицу, свою среди всего этого блеска нищеты, убедило Вертинского в правильности режиссерского выбора. А может быть, и его, истинного ценителя прекрасного, пленила красота Аллы.

Скорее всего – и то, и другое. С этого момента он стал верным другом Аллы до конца своей жизни.

В фильме он играл Его сиятельство. В рассказе ему принадлежит одно-единственное высказывание по поводу Анны:

– Я прикажу посадить вашего мужа на гауптвахту за то, что он до сих пор скрывал от нас такое сокровище… Нужно назначить вам премию за красоту… как в Америке…

В картине же он то и дело восклицает: «Прелесть!», «Прелестно!», «Несравненная!», «Чаровница моя!», «Красавица!» – и порой чудится, что между Анной и Аллой дистанция стремится к нулю. Он на самом деле восхищался ею. И Ларионова признавалась, что была очарована им.

Но сплетники зря приникали глазом к замочной скважине: ничего «такого» они не могли увидеть. От Вертинского Алла, не устающая учиться, совершенствоваться, почерпнула много полезного: от правил этикета, которые она усваивала без тени обиды (помните ее самокритичное: я была нескладная, неотесанная!), до мудрых советов, касающихся ее профессии и личной жизни.

Вертинский высоко оценил ее работу в «Анне на шее». Они встречались и после съемок. Ларионова вспоминала, как она пила коньяк с лимоном, сидя на ковре в его гостиничном номере в кругу молодежи, которую Вертинский любил и с которой умел общаться.

Позже они не раз пересекались с ним в других городах, особенно в Киеве и Ленинграде, снимаясь уже в разных картинах.

Однажды в Киеве (об этом инциденте Ларионова рассказала в интервью газете «Совершенно секретно») они встретились в гостиничном буфете за завтраком, и один из наших знаменитых актеров, ныне покойный, видимо, с большого похмелья стал оскорблять Александра Николаевича: мол, ты эмигрант и, хотя вернулся, никому здесь не нужен… Вертинский не сказал в ответ ни слова, но на глазах у него блеснули слезы. Алла бросилась его успокаивать: «Не обращайте внимания, это он спьяну, из зависти. Вы на Родине, вас здесь любят…». Ведь на самом деле так и было. Он много работал и очень гордился, когда ему вручили Сталинскую премию.

Семья Вертинских на долгие годы вошла в жизнь Ларионовой. С Лидией Владимировной, женой Александра Николаевича, они встретились еще в пятьдесят втором году на съемках «Садко», с самим Вертинским снимались в пятьдесят третьем, а с начала девяностых с одной из их дочерей – Марианной – они играли в спектакле «Коварство, деньги и любовь».

В трудный момент своей жизни Ларионова получила от Вертинского записку, о содержании которой не считала нужным распространяться. Это дало повод кое-кому из «проницательных» утверждать, что то было любовное послание.

А записка – вот она:

«Желаю Вам большой карьеры и верю в нее. Но не спешите с „личной“ жизнью. Помните, что Вы обречены:

Стучать в сердца людей
И укрощать зверей, —

как говорит Вертинский. И поэтому не разжалобливайте себя мыслями об одиночестве. Актер – всегда один. Но зато он бог! А боги одиноки. А. Вертинский. Ленинград».

В день ее рождения, в феврале, он прислал корзину белой сирени. В 1957 году, когда она родила первую дочь, Алену, предлагал стать крестным отцом. Она не возражала. Но породниться не удалось: вскоре Вертинский скоропостижно скончался.

«Анна на шее» вышла на экраны в 1954 году. Фильм имел бешеный успех, прежде всего благодаря Алле Ларионовой, исполнительнице главной роли.

Интерес к картине не ослабевал долгие годы. В середине пятидесятых не было в нашем кино более громкого имени, чем Алла Ларионова. Открытки с ее изображением молниеносно исчезали из киосков. Ее любили, ей поклонялись, ею восхищались многие. Большое значение, конечно, имело и то, что в «Анне на шее» играли известные, пользовавшиеся популярностью у зрителей актеры: Жаров, Вертинский, Владиславский, Сашин-Никольский…

Триумфальному шествию картины по стране не могла помешать критика, развернувшаяся на страницах периодической печати.

Постановщика фильма И. Анненского упрекали прежде всего в том, что «Анна на шее» по стилистике ближе к Островскому, нежели к Чехову, что искажены буква и дух классического первоисточника. Экранизации, писали рецензенты, недостает

очень важного свойства чеховского письма – тонкости. Режиссер несколько огрубил краски. Фильм бросок, ярок, эффектен, но не тонок. И еще. В рассказе Аня порабощается светом, в фильме она побеждает свет, укрощает его своей гордой и независимой красотой.

Хочется, хоть и запоздало, возразить рецензентам, тем более, что критика эта была игрой в одни ворота.

А.Н. Островский? К персонажам его пьес близок, пожалуй, лишь Артынов, богач, известный донжуан и баловник. Его блестяще, точно, впрочем, по Чехову, играет Жаров (разве что астмой его Артынов не страдает). Не выпадает из чеховского образа А. Сашин-Никольский – Петр Леонтьич, отец Ани. Разве можно представить другим скромного учителя чистописания и рисования в гимназии, тихо спивающегося после смерти горячо любимой жены? А князь? Вертинский органично слился с этой ролью – найденные им детали (то же грассирование, к примеру), штрихи, вплоть до мельчайших, углубляют, делают более зримым образ его сиятельства, что для фильма имеет большое значение. (В литературном произведении не надо, а в фильме необходимо учитывать зрительный ряд.) Ну а в муже Ани, Модесте Алексеиче, сыгранном Владиславским, и под лупой не разглядишь «огрубления красок» – настолько близок его герой и Чехову, и Чехонте…

Меньше всех от критиков досталось А. Ларионовой. И критики любить умеют! Ее преимущественно хвалили. За то, что, в чем-то отступая от рассказа, актриса осталась верна первоисточнику в главном. (Замечу, что, может, все-таки не только актриса, послушная воле режиссера, а и сам режиссер, он же сценарист, за плечами которого такие, тоже по Чехову, фильмы как «Медведь», «Человек в футляре», «Свадьба», остался верен первоисточнику в главном?) Она сумела раскрыть великолепно описанный Чеховым дурман светской суеты, его пагубную неодолимость для юной души. В эпизоде со срывом сережек очень сложную гамму переживаний передает героиня за короткое мгновение: купленное счастье – не настоящее. Но уже не уйти от мира колец и браслетов, не вырваться из плена балов и кутежей. (Так где же тут победа Анны над светом, о которой толковали иные критики?)

Алла Ларионова и Александр Вертинский на съемочной площадке фильма «Анна на шее». 1954 г.

Кстати, в рассказе такого эпизода нет. Как нет цыган, катания на лодках… Режиссера упрекали за это отступление от чеховского текста, за введение персонажей, отсутствующих у писателя, за…

А зрители осаждали кассы кинотеатров, по нескольку раз смотрели «Анну на шее» – с Ларионовой, Жаровым, Вертинским… Но в первую очередь постановщику принадлежит заслуга в том, что картина была зрелищной.

О том, как фильм принял кинозритель, рассказывает Николай Яковлевич Ларин, которому довелось побывать на его премьере:

«Это был 1954 год. Мне позвонила Тамара Федоровна Макарова, с которой мы были очень дружны, и спросила, смогу ли я пойти на следующий день в Дом кино: там должна состояться премьера фильма „Анна на шее“, главную роль в котором играет ее ученица Алла Ларионова. Тамара Федоровна к ней очень нежно относилась и сожалела, что они с Герасимовым прийти не могут, так как должны присутствовать на каком-то важном заседании.

Я, конечно, с радостью согласился, попутно получив задание подробно рассказать им, как прошла премьера. Пригласительный билет был на два лица, и я взял с собой своего приятеля.

Дом кино тогда располагался в здании, где позже была

гостиница „Советская“, на Ленинградском проспекте. Столпотворение начиналось еще при подходе к нему. Мы с трудом протискивались сквозь толпу.

Зал был набит битком. Я заметил много знакомых лиц – киноактеров, режиссеров. Были, конечно, и просто зрители, такие как я, которым посчастливилось достать билеты.

„Анну на шее“ от первого до последнего кадра мы, да и все, смотрели, не отрываясь от экрана. Я был просто потрясен тем, как это было снято, игрой актеров, музыкой… Сегодня актерский ансамбль, занятый в фильме, назвали бы звездным (в те времена такого понятия – „звезда“ – у нас не было). Но больше всех мне понравилась та самая ученица Макаровой и Герасимова – Алла Ларионова. И не только внешностью. По моему мнению, она сыграла там две роли: бедную девушку и светскую львицу. И обе – блестяще.

По окончании фильма началось его обсуждение. Длилось оно несколько часов.

Всем без исключения зрителям, высказавшим свое мнение, фильм понравился без оговорок. Исполнительницу же главной роли Аллу Ларионову они назвали настоящим открытием постановщика И. Анненского и поздравляли его с этим открытием.

Точка же зрения профессионалов, главным образом не актеров, а кинокритиков, была совершенно другой. В фильме, говорили они, мало что есть от Чехова, в главной героине – тоже. К тому же исполнительница роли Ани слишком молода…

Обстановка в зале была накалена. Рассуждения критиков мне казались слишком умозрительными. По наивности я думал, что верх должны одержать кинозрители, всей душой принявшие „Анну на шее“ и высоко ее оценившие.

Но нет – победили критики. Мало того – в результате этой их победы фильм был положен на полку и пролежал там с год.

Но об этом я узнал позже, а тогда…

Мы с другом хотели поздравить Ларионову с выходом картины, с успехом. Но к ней было не пробиться. Мы решили дождаться, когда она поедет домой, последовать за ней и улучить момент, чтобы познакомиться и сказать ей все, что мы хотели.

Она была не одна, а с подругой. Они доехали на метро до „Бауманской“, пошли по Спартаковской улице и собрались было войти в арку дома 21, когда я решился окликнуть ее: „Алла!“.

Она обернулась и остановилась. Мы извинились, представились и сказали, что были на премьере. Что фильм замечательный. Что сыграла она прекрасно. И поздравили ее.

Ларионова поблагодарила нас и спросила, почему мы там, в

Доме кино, к ней не подошли. Мы объяснили, что, помимо прочего, хотели с ней поговорить, а это было невозможно.

За разговором время пролетело незаметно, и на метро мы, конечно, опоздали.

– Как же вы будете добираться домой? – спросила Ларионова.

– На такси.

– Ребята, только честно: деньги у вас есть?

Это было начало нашего знакомства.

С молодости я большой поклонник кинематографа, почитатель таланта многих киноактеров и киноактрис, с некоторыми из них дружил всю жизнь, но перед Аллой Ларионовой, ее красотой, одаренностью, человеческими качествами я преклонялся больше, чем перед другими, и любил ее больше, чем других».

…«Анну на шее» по выходе на экраны страны посмотрели около 32 миллионов человек. То ли кинозрители и впрямь не были согласны с профессиональными критиками, то ли не читали их статей вовсе, то ли критика эта, как нередко бывает, возымела обратное действие, сыграв роль рекламы, но факт остается фактом: фильм стал в 1954 году лидером проката.

А ведь могло случиться, что картина так и осталась бы на полке: в те годы критика, особенно в центральной прессе, имела постановляющий характер – искусство, как и печать, было партийным. Навешивался ярлык, к примеру, как могло быть в данном случае: искажение классики, стремление к зрелищному эффекту в ущерб глубине раскрытия идеи чеховского рассказа и т. п. – и никакого иного мнения, никаких дискуссий и возражений! Больше того, создателей фильма могли подвергнуть остракизму на какое-то время.

Ничего этого, к счастью, не произошло. А в отечественном кинематографе взошло новое имя – Алла Ларионова, русская актриса, которая сделала бы честь кинематографу любой страны мира.

Черно-белое кино

Алла Ларионова говорила, что ей по душе больше черно-белое, нежели цветное кино. Немало людей разделяют ее точку зрения. Между прочим, черно-белая кинопленка дольше сохраняется (если в этом плане в последние годы не придумали что-нибудь новое, чтобы продлить жизнь цветным фильмам).

Но я в данном случае совсем о другом: под черно-белым кино подразумеваю темную и светлую его стороны, которые познали на своем опыте (не хочется употреблять слово «шкура», хотя оно точнее) все без исключения киноактеры.

Не миновала чаша сия и Аллу Ларионову.

«Садко» и «Анна на шее» знаменовали светлую полосу. С этими фильмами она исколесила вдоль и поперек Южную Америку. Как-то в Бразилии перед просмотром фильма она сидела с Сергеем Бондарчуком в кинозале. К ним подошла по тем временам очень необычно одетая – в брюках! – черноволосая женщина. Она спустилась с верхних рядов амфитеатра, просто перешагивая через ряды… Направляясь в их сторону, несколько раз заговаривала со знакомыми, темпераментно жестикулировала, громко смеялась…

«Мы, советские артисты, – говорила в интервью газете „Совершенно секретно“ Ларионова, – так вести себя не смели.

Николай Рыбников и Сергей Бондарчук со своими женами. 1960-е гг.

– Я знаю, вы русские, – сказала женщина. – Мне интересны ваши фильмы. А это твой жених? – И она показала на Сергея.

Потом мы узнали, что это была сама Анна Маньяни, кинематографическая королева Рима.

В Аргентине я была с показами „Садко“. На прощальном банкете к нашему столику подошла невысокая светловолосая женщина. За несколько шагов она остановилась и в пояс, по-русски поклонилась.

– Я подошла, чтобы выразить свой восторг вашей красотой! – сказала она. – Вас нельзя не заметить! Я – Мэри Пикфорд.

Я вскочила со стула как ужаленная. Боже! Я столько о ней слышала! Потом она рассказывала о своих впечатлениях от посещения нашей страны, когда снималась в картине „Поцелуй Мэри Пикфорд“, где ее партнером был Игорь Ильинский. Говорила, что на всю жизнь запомнила искренность, сердечность и доброту, с которой ее принимали в России… На прощание Мэри Пикфорд подарила мне свое фото – самый дорогой для меня подарок, который я привезла из Аргентины».

О том, что как раз в то время ее приглашал сниматься у себя Чарли Чаплин, она узнала много позже. Но, конечно, узнай она и тогда, ничего бы в ее жизни не изменилось: сняться у Чаплина и вообще в любой капиталистической стране означало чуть ли не измену Родине.

Отечественные режиссеры приветствовали появление актрисы с довольно редким амплуа – героини. Ей стали присылать сценарии, среди которых были и фильмы-сказки, и современные мелодрамы (правда, тогда это понятие носило отрицательную окраску, его избегали употреблять для определения жанра), и сценарии по произведениям классической литературы…

Одно, пожалуй, из самых заманчивых предложений поступило от режиссера Самсона Самсонова: он собирался снимать «Попрыгунью» и пригласил Ларионову на роль Ольги Дымовой. Другая бы без раздумий согласилась, тем более будучи «на волне», – чтобы не потерять темп, оставаться на виду, чтобы отточить свой профессионализм на высокого уровня литературной основе фильма…

А Ларионова отказалась. Во-первых, она не умела этого – «ловить момент», «грабастать», как по-простонародному, а потому и более точно выражалась одна моя знакомая деревенская женщина. Не умела и до конца жизни не научилась этому. Во-

вторых, она не приняла предложение потому, что сохраняла самоконтроль, – она, молодая, в атмосфере всеобщего поклонения. Это была бы, рассудила Ларионова, опять костюмная роль, а главное, в фильме тоже по рассказу Чехова, значит, самоповтор неизбежен, чего она остерегалась и не хотела.

Когда «Попрыгунья» вышла на экраны, Ларионова порадовалась за Людмилу Целиковскую, которая сыграла главную героиню, – она не была завистлива.

Следующей ролью Ларионовой в кино стала Оливия в «Двенадцатой ночи», комедии Шекспира.

Особых трудностей, думаю, актриса, играя нежную, очаровательную и своенравную графиню, не испытывала. Ей, женственной, обаятельной и блещущей молодостью, играть надо было разве что только своенравие – пышные наряды и свита довершали портрет ее героини. А красота? Кого она не ослепила, когда Ларионова-Оливия поднимает вуаль и спрашивает у юноши посланца:

– Хороша ли работа?

Но трудности, оказывается, были.

Клара Лучко, которая играла этого юношу-посланца, вспоминает, как они порой с Ларионовой плакали за кулисами: им казалось, что они проваливают свои роли. Молодые, они чувствовали себя такими неумелыми рядом с игравшими в фильме прославленными актерами – Михаилом Яншиным, Василием Меркурьевым, Бруно Фрейндлихом, Георгием Вициным…

На самом деле обе они справились с ролями. Не могу сказать, как для Лучко, просто я не знаю этого, но для Ларионовой была свойственна неуверенность в себе, которую она с погружением в роль успешно преодолевала. Так было и на этот раз. Роль Оливии удалась еще и потому, что это была истинно ее, Ларионовой, роль.

И очень жаль, что именно со съемок «Двенадцатой ночи» у актрисы начался трудный период в жизни – то, что мы называем «черной полосой».

Точкой отсчета этого периода была «александровская история».

Работа над фильмом была в самом начале, когда на Ленинградскую киностудию с деловым визитом прибыл Александров, в то время министр культуры. Увидев Ларионову в съемочном павильоне, он на какое-то мгновенье остолбенел, затем произнес какие-то комплименты и удалился в окружении своих подчиненных.

Вечером к ней в гостиничный номер явились какие-то

молодые люди и от имени министра культуры пригласили в банкетный зал на прощальный ужин: Александров отбывал в Москву.

Ларионова спустилась в ресторан.

(Попутно замечу: хотела бы я видеть мужчину, которого оставила бы равнодушным красота Ларионовой, и актрису, которая бы ответила отказом на подобное приглашение министра культуры.)

Они были не одни, но Александров, кроме нее, никого не замечал и буквально не отходил от нее. Другим, особенно женщинам, впору было лопнуть от зависти, но они не лопнули, а напротив, очень даже взбодрились, насытившись пищей для сплетен.

На следующий день киностудия гудела, как толпа в каком-нибудь фильме на революционную тему. На Ларионову бросали любопытствующие взгляды, судачили, что министр приезжал только ради нее, что это он пробил ей главную роль в «Анне на шее» (благополучно «забыв», что тогда он министром не был).

Надо сказать, что об Александрове ходили слухи как о большом любителе женщин. Говорили о его участии в оргиях, во время которых женщин купали в ванне с шампанским, с верблюжьим (?!) молоком. Злословили, что если бы он задумал мемуары, самое подходящее название для них было бы – «Былое и дамы». Почти по Герцену… Удивительно ли, что после эпизода на «Ленфильме» и банкета в ресторане анонимные «доброжелатели» приписали имя Ларионовой к числу александровских «наперсниц разврата»?

Определенно кто-то умный сказал, что степень успеха в большой мере пропорциональна количеству неправды, которую распространяют про человека. Если следовать этой формуле, успех у Ларионовой был сногсшибательный.

Поначалу она не обращала на сплетни внимания. Но когда Александрова сняли с должности, а случилось это вскоре после их знакомства, не обращать внимания на обстановку, которая складывалась вокруг нее, стало невозможно: ее фактически лишили работы. С ней не заключали новых договоров, не приглашали на кинопробы, ее как бы обходили стороной. Александр Ильич Птушко ждал ее в Ялте, чтобы снимать в картине «Илья Муромец» в роли Василисы, на которую она была утверждена. Ждал долго. А театр киноактера, в штате которого она числилась, ее не отпускал – по явно надуманной причине. В результате Василису сыграла Нинель Мышкова.

Ларионова была утверждена на роли еще в двух фильмах, но не повторится ли подобная история?

Надо было что-то делать. Друзья посоветовали ей написать письмо новому министру культуры, Михайлову. И, поколебавшись, она это сделала.

В письме она никого не клеймила, не возмущалась, а лишь излагала факты плохого к ней отношения и, не зная за собой никакой вины, просила разобраться в происходящем.

Письмо повезла сама. К самому министру она не попала, а его секретари (то были мужчины) разговаривали с ней не очень уважительно. Не ожидавшая такого обращения, она расплакалась. Секретари заверили ее, что письмо будет передано министру, и она покинула приемную.

Официального письменного ответа на свое обращение она не получила. Но был звонок. Перед ней извинились, сказали, что во всем разобрались, и что вины за ней на самом деле никакой не оказалось.

Она постаралась как можно скорее забыть эту историю. Но слишком широко разошлись круги от нее – как от брошенного в воду камня.

Однажды в поезде в одном купе с ней ехал какой-то партийный чиновник. Узнав, что она актриса, оживился и в предвкушении интересного разговора спросил: «Как у вас там говорят: „Анной на шее“ министру по шее?..». Он не видел фильм, не знал Ларионовой, но, тем не менее, начал пересказывать ей сплетни по ее поводу. Она молчала и слушала. Когда он замолк, сказала: «А теперь давайте познакомимся». Бедняга стал что-то мямлить… А много лет спустя, когда она выступала на каком-то концерте, прислал ей записку с извинениями.

Алла Ларионова и Клара Лучко на съемках фильма «Двенадцатая ночь». 1955 г.

Случай с партийным чиновником произошел позже. А тогда, вскоре после звонка от министра, она в составе делегации советских кинематографистов, в которую среди других вошли Элина Быстрицкая, Людмила Целиковская, Владлен Давыдов,

Сергей Бондарчук, поехала во Францию.

В те времена поездка за границу, тем более по официальным каналам, чрезвычайно много значила. Для нее же, помимо прочего, это было подтверждение того, что недоразумение разрешилось, и с нее сняли епитимью.

…И вот – Париж!

В группе, приехавшей во Францию, были сплошь красивые актрисы. О красоте французских актрис и говорить нечего. Но Алла Ларионова затмила всех. Она ничего для этого не делала – просто оставалась сама собой.

Как и в Венеции, как и в Латинской Америке, она окунулась в атмосферу всеобщего поклонения и восхищения, вновь увидела рукоплещущие залы. Ей выразил свое почтение Луи Арагон, ее осыпал комплиментами Жан Маре, Жерар Филип не скрывал своей влюбленности в нее. В конце сороковых и в пятидесятые годы теперь уже прошлого столетия он был одним из самых популярных актеров мирового кино. Его славе в нашей стране положил начало фильм «Пармская обитель» по Стендалю, где он сыграл Фабрицио дель Донго. После «Фанфана-Тюльпана», после исполнения роли Жюльена Сореля в «Красном и черном», тоже по Стендалю, и заглавной роли в «Тиле Уленшпигеле» слава эта достигла немыслимых пределов.

В 1956 году, когда они с Ларионовой встретились, ему было 33 года. Между ними завязались шутливо-любовные отношения. Известно, что истинную нежность легче всего спрятать за шуткой. Он звал ее Алчик, она его – Жераричик. На фотографиях, заснятых во время пребывания наших кинематографистов во Франции, нельзя не заметить, что Жерар буквально не спускал с нее глаз.

На приеме в честь советской делегации Жерар Филип написал ей белый стих: «Со мной сидит блондинка в платье голубом, и я в нее влюблен».

Он ей тоже нравился. Он очаровывал, говорила она. Все это поднимало дух, но главным было все-таки другое: ознакомление, так сказать, на месте действия с французской кинематографией.

Общепризнано, что в послевоенные сороковые и в пятидесятые годы самые лучшие фильмы создавались в Италии и Франции. Ларионовой, как и другим нашим кинематографистам, полезно было подышать воздухом страны, в которой творили всемирно известные актеры и режиссеры: Жан Габен (самый любимый, кстати, ее актер, с тех пор как еще школьницей она увидела его в картине «У стен Малапаги»), Даниель Дарье, Симона Синьоре, Бурвиль, Фернандель, Мишель Морган, Р. Клеман, Р. Клер, Р. Брессон, Кристиан-Жак… Она наслаждалась обществом интересных людей, прогулками по Парижу,

наблюдала, делала выводы…

Ее пригласила в гости Дани Робен, актриса, подвизавшаяся на второстепенных ролях. Главные роли к тому времени она сыграла в фильмах «Жюльетта» и «Полуночные любовники» (в нашем прокате – «Разбитые мечты»). Дани Робен принимала ее на собственной вилле, потом повела ее в конюшню полюбоваться лошадьми, на которых она с мужем любила совершать верховые прогулки. Можно представить, какие чувства испытала Алла Ларионова: у нее тогда были, мягко говоря, совершенно другие жилищные условия.

Да, надо признать, что мы не то что бедные, просто нищие были по сравнению с той же Францией. Но нас, тогдашних, спасала (и спасла) вера в завтрашний день, в лучшее будущее. Мы не только мечтали о лучшем будущем, мы работали ради него.

Ларионовой же, помимо прочего, не было свойственно завидовать, унывать, впадать в отчаяние по какому-либо поводу. Она переключала свои мысли и чувства на что-то хорошее.

Все складывалось у нее неплохо. Она была молода. У нее была интересная работа. Ее любили. И она любила. После роскошных приемов, шумного поклонения, королевских апартаментов хотелось в тишину, домой, в свою коммуналку, в свои неосвещенные переулки…

Недаром говорят: в гостях хорошо, а дома лучше.

«Любовь – это то, что не перестает»

Героиня (ее амплуа) в кино и прекраснейшая женщина в жизни, Алла Ларионова была символом любви, о которой мечтали люди во все времена. И, как всякая мечта, любовь эта оставалась порой недостижимой звездой.

Лейтмотивом почти всех ее героинь-современниц – Валентины в «Судьбе барабанщика», Веры в «Главном проспекте», Жени в «Дороге правды» – была несостоявшаяся любовь. Для нее самой любовь была состоянием души, а потому Ларионова и в жизни, говоря словами поэта, не страдала отсутствием страданий.

После «Анны на шее» кто только не предлагал ей руку и сердце – от школьников старших классов и до генералов армии. Она могла выбирать. Могла выбрать, к примеру, влиятельного, богатого, молодого, «перспективного», любимого (конечно, в меру) мужчину себе в мужья. Сколько сегодня красавиц-актрис выходит замуж за крутых бизнесменов, но пусть меня красавицы эти простят: в их любовь к этим кряжистым, твердо стоящим на земле, умеющим обходиться без неба, знающим счет «зеленым» и то, что красота – тоже товар, я не верю.

Но поступи она так, она была бы не Ларионова.

– Знаете, за что я уважаю себя? – говорила она в интервью много десятилетий спустя. – За то, что в таком сложном, непредсказуемом кинематографическом мире я не шла ни на какие сделки. Никому не платила ни своим телом, ни своей душой. Я могла только любить.

Запомним это – «Никому не платила ни своим телом, ни своей душой»…

Ее любили мужчины – и какие! Но ответа не получали. Она не была, как может это показаться, ни капризной, ни привередливой в отношениях с людьми, в чувстве, ни легкомысленной, ни из тех, кто знает себе цену. Просто (совсем не просто!) и в любви она была человеком своего времени.

…Есть такая книга – «Три влечения». Автор ее, Юрий Рюриков, абстрагируясь от алогичности любви, пытается разобраться в природе этого чувства и постичь ту ее сторону, которая хоть в какой-то степени подвластна логике. Его точка зрения, помимо прочего, интересна тем, что отражает взгляды тех самых «шестидесятников», поколения, к которому принадлежит и Ларионова.

Любовь, утверждает Рюриков, – это неразрывное единство трех влечений: души, ума и тела. Для менталитета поколения

«шестидесятников» (ограничусь им) последовательность составляющих говорит о многом. С притяжения умов и души начиналась взаимная симпатия, тяга друг к другу. Затем срабатывали невидимые внутренние «датчики», выдавая сигнал «свой-чужой», и вступало (или нет) в свою силу «третье влечение».

Конечно, любовь возникала не точно «по науке», и, «препарируя» чувство, есть риск его умертвить (признаю некорректность сравнения: препарируют уже неживое, но фигурально выражаясь). Я только хотела сказать, что в случае, когда речь идет о любви настоящей, закон математики теряет силу: здесь от перемены мест слагаемых сумма меняется.

Ю. Рюриков рассматривает любовь в историко-литературном аспекте, то есть для подтверждения своей точки зрения приводит примеры из истории и художественной литературы. Но я, учившаяся с ним в одно и то же время в университете (он – на филологическом, я – на факультете журналистики, отпочковавшемся от филологического), четко ощущаю, как спроецированы эти примеры на нашу тогдашнюю реальность, на конкретные любовные романы между студентами, счастливые и не очень, а то и окончившиеся трагедией. Эта жизненная правда, нашедшая отражение на страницах книги «Три влечения», вызывает доверие к ней и к позиции автора.

На Неделе советского кино в Париже, с Ивом Монтаном. 1955 г.

«Настоящие мужики бьют по морде обидчика, а женщину подозрением не оскорбляют».

(Николай Рыбников)

Мысленно возвращаясь в свою юность и студенческие годы (а значит, в юные и студенческие годы Аллы Ларионовой, моей ровесницы), я понимаю сегодня, когда сексуальная революция в нашей стране, можно сказать, совершилась, как же повезло моему поколению с временем, на которое пало наше взросление, наши дружбы и влюбленности!

Пусть мы были наивны, пусть свой опыт чувствования мы черпали не из жизни, а из художественной литературы, но эта наивность и книжность не обеднили, а, напротив, безмерно обогатили нашу духовную жизнь.

Не знаю, входит ли в программу современной школы роман

Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (думаю, что нет), но мы в свое время не то что «проходили», просто «стояли» на этом романе с месяц. И если в одном из «четырех снов» Веры Павловны, которые нам надлежало знать чуть ли не наизусть, от описания коммунальной идиллии, царящей в ее мастерской, от лежания Рахметова на гвоздях и вообще от всей этой умозрительной рахметовщины с души воротило, то лозунг «Умри, но не давай поцелуя без любви» проник в наши сердца, стал руководством к действию.

Да, мы были зеленые и неопытные. Но это прекрасно, что нравственный максимализм утвердился в нас как раз в тот жизненный период, когда каждый шаг мог решить всю твою судьбу, стать первой ступенькой к восхождению или началом падения.

Напомню, что учились мы раздельно, в женских и мужских школах. В мужскую мы ходили на уроки бальных танцев (и это вскоре после окончания войны!) и на праздничные вечера; одновременно нас учили правилам хорошего тона. Мальчики нас не обижали (гости все-таки), и вообще мы для них были как бы сделанными из другого теста.

Возникали, конечно, легкие влюбленности, но серьезных романов были единицы. Нам, семнадцатилетним школьницам, не обидно было слыть несексапильными (мы и не ведали о таком понятии, а тут недавно услышала в рекламе: «сексапильные ресницы»!), стыдливость не считалась ханжеством, Да, мы не были подкованы в половом воспитании – самая смелая дискуссия, возникшая однажды в какой-то компании, была на тему: поцелуй – это наслаждение или потребность? Подкованы не были, но, тем не менее, не вынуждали Верховный Совет СССР ставить на своем заседании вопрос о разрешении браков с 14 лет.

Головы и время наше были заняты учебой. Учиться было трудно. Достаточно сказать, что, начиная с четвертого класса, экзамены были ежегодными, так что и весна для нас не была «порой любви». Все мы были нацелены на вузы. А вот уж там почти по Пушкину: пришла пора – они влюбились…

Провожу параллель между собой и Аллой-старшеклассницей, потому что думаю: мы только жили в разных районах и учились в разных школах Москвы, но атмосфера нашего послевоенного бытования была одна. И успей Ларионова написать книгу, впечатления наши о тех годах, уверена, совпали бы. Даже в деталях.

…И пришла пора. И они влюбились. И все бы замечательно, если бы во взаимоотношения двоих не вмешивался «здоровый коллектив».

Современные студенты себе и представить не могут, какую огромную роль в студенческой жизни играли комсомольская и партийная организации вуза. Не имея задачи углубляться в их функции, выделю лишь одну – рассмотрение «персональных дел». Чаще других формулировка их гласила «за аморальное поведение».

Были и более грозные, как, например, в «деле» Николая Рыбникова, но об этом позже.

Расскажу о факультете журналистики МГУ, который – думаю, никто не будет спорить – близок по духу актерскому факультету ВГИКа. Оба они нацелены на творчество, импровизацию, игру воображения, оба представляют собой квинтэссенцию студенческой вольницы и жизни духа, и там, и тут эту вольницу и дух общественные организации сдерживали как могли (а они могли!).

…Учился на нашем курсе некто К. Немного легкомысленный, неунывающий интересный рассказчик, не без фантазии, он нравился девушкам, которые слушали его, открыв рот. Слушали и не замечали, что, увлекшись, он начинал врать, талантливо, вдохновенно. Врал он не только девушкам, но всем – друзьям, преподавателям, просто знакомым. Однако заявление на него в комсомольскую организацию подала, естественно, девушка, завороженная его речами и обещаниями и обманутая в лучших своих чувствах. Сокурсники любили К., знали эту его слабость – цветисто присочинить, сурово наказывать не хотели, а потому «бит» он был «за образное мышление».

Другой студент, П., красивый, не без таланта, но тоже большой повеса, утомлённый поклонницами, одной из них томно заявил, что он устал, что у него душа в морщинах, что он может только воспринимать любовь, а отдавать – не может. Готово персональное дело – «за душу в морщинах»! Одаренный, энергичный, перспективный Б. (впоследствии известный журналист), естественно, был на примете у кое-кого как выгодный жених. Описываемый инцидент к тому же произошел на четвертом курсе – надо было спешить! В Б. всегда ощущалась этакая затаенная мужская агрессия, а тут еще в студенческом застолье все выпили… В избытке чувств он возьми и поцелуй сидящую рядом девушку, весьма, кстати, непривлекательную. Однако, как говорят знающие люди: некрасивых женщин не бывает, бывает мало водки. На этот раз явно хватило.

О, зачем он не помнил то самое «не давай поцелуя без любви»?! Она-то помнила!

– Ты меня любишь? – спросила.

– Ты с ума сошла! – возмутился он.

Вскоре комсомольцы обсуждали персональное дело одаренного, энергичного, перспективного Б. Формулировка? «За поцелуй без любви».

Это сегодня можно только посмеяться над абсурдностью подобных публичных судилищ, а тогда морально неустойчивому студенту, с образным мышлением, душой в морщинах и безосновательными поцелуями, грозила нешуточная кара, вплоть до исключения из комсомола и университета.

Ни в одном из рассказанных мной случаев это не произошло – я просто дала фон, на котором закалялись наши мораль и нравственность. Такое это было время – тогда все держалось на максимализме. Конечно, страх наказания – любви не помощник, и каждый должен держать ответ за себя прежде всего перед собой, без вмешательства коллектива. Жизненный опыт, не только собственный, убедил меня в том, что требовательность к себе, соблюдение каких-то табу лучше вседозволенности, когда поступками движет «основной инстинкт». Погружение в волшебный мир чувствований, в поэзию отношений двоих будит человеческое в человеке, придает высокий смысл его существованию, делает совершеннее. Разве сравнить это с быстрорастворимой нирваной торопливого секса?

Спорить с несогласными не берусь, но мы жили так.

…Первой большой любовью Аллы Ларионовой во ВГИКе был ее однокурсник Вадим Захарченко.

Об их отношениях с Аллой Вадим Викторович решился рассказать уже после того, как Рыбникова и ее самой не стало, в интервью газете «Московский комсомолец».

Вадим был на несколько лет старше Аллы: в институт кинематографии он поступил после трех лет учебы в Одесском мореходном училище. В начале второго семестра Алла попросила Захарченко репетировать с ней в паре – и пантомиму, и танец.

– И пошли между нами флюиды, засверкали разом. Откуда? Зачем? – и сейчас удивляется Захарченко. – Мы еще друг над другом подтрунивали: любовь, любовь… Сами шутили, а уши красные, Аллочка легко краснела. Это она меня выбрала. Выбирает всегда женщина. От нее зависит, каким будет роман, и будет ли он вообще.

Он вспоминает, как впервые увидел Аллу на приемных экзаменах – пухленькую, кудрявенькую, с румянцем во всю щеку. Плачущую – ее поначалу не хотели принимать…

– Я помню ее тонкие, пушистые волосы, которые никак не хотели укладываться, – продолжает Захарченко. – Потом, на съемках, гримеры приноровились взбивать их в высокую прическу с шиньоном, а тогда Алла сильно переживала по этому поводу.

Она ведь еще не превратилась в ослепительную красавицу, из-за которой сойдет с ума весь мир. И все-таки временами в Аллочке ощущалось что-то эдакое – она словно светилась вся изнутри.

Кадр из кинофильма «Поезд идет на восток». 1947 г.
Первая роль Аллы Ларионовой

Вадим с Аллой не расставались и после занятий: гуляли в Сокольниках, бродили по Москве, ходили в кино. Им было хорошо и спокойно вместе, как может быть хорошо молодым и чистым душой людям. Они не предъявляли друг другу претензий, даже ни разу не поссорились. Это была скорее дружба, говорит Захарченко.

По ночам Вадим со своим соседом по комнате в общежитии разгружали вагоны на Москве-товарной. Тоже непреложная примета жизни студентов того времени – читай стихотворение Евтушенко, которое так и называется «Москва-товарная». А еще в пьесе Зорина «Варшавская мелодия» Виктор, чтобы подарить любимой Гелене туфли-лодочки, всю ночь перед Новым годом разгружает вагоны, приходит к ней, и пока она собирается, чтобы вместе отправиться на вечеринку, засыпает… Вообще в этой пьесе правдиво показаны взаимоотношения между молодыми влюбленными, когда невинный поцелуй был большим событием, и прежде чем это событие свершится, человек переживал гамму чувств. Незабываема сцена, когда Виктор пытается поцеловать Гелю среди скульптур музея.

…Соседом же Вадима Захарченко по комнате в общежитии был Николай Рыбников. Со своей девушкой он уже расстался и смертельно влюбился в Ларионову.

Любил ли я хоть раз до этих пор?
О нет, то были ложные богини!

Это строки Шекспира. В комнате общежития на Лосиноостровской разыгрывалась драма пограндиознее шекспировской. Рыбников полюбил Аллу, рассказывает Захарченко, до слез, до бессонницы. Это было безумие, которое он и не пытался скрывать.

Их «треугольник» распался вместе с окончанием института. От Вадима Захарченко юную смеющуюся Ларионову – чеховскую «Анну на шее» – увезли в неведомое сани. Для Николая Рыбникова стал пророческим финальный эпизод «Весны на Заречной улице», когда его киногерой ловит взвихренные сквозняком экзаменационные билеты и читает один из них – с вопросом о многоточии. Да, у них с Аллой Ларионовой было еще многое (все!) впереди… Апостол Павел сказал: «Любовь – это то, что не перестает». В течение шести лет, где бы Ларионова ни была, ее находили его телеграммы: «Люблю. Целую. Пью за твое здоровье!».

…В заключение интервью Вадим Викторович с грустью

сказал:

– В начале жизни мы стоим в дальних концах очереди, а потом все ближе и ближе к смерти подбираемся. Вот и нет впереди меня никого. Скоро мой черед настанет… Может, поэтому я и решился о нас с Аллой рассказать. Но сколько бы мне еще ни осталось, я всегда буду помнить о ней. Одно скажу наверняка: со мной она не стала бы той самой Ларионовой. Это была бы другая история, другая жизнь. Может, оно и правильно, что не сложилось…

«Не сложилось» у нее и с Михаилом Кузнецовым, известным советским киноактером. Кинозрители знают его, темноволосого и синеглазого (редкое сочетание!), по роли Алексея Соловьева в «Машеньке», летчика Коли в «Воздушном извозчике», Высотина в «Командире корабля», играл он и в других фильмах. Михаил Артемьевич готов был оставить семью ради нее. Но Ларионова не приняла эту жертву, войдя в положение его жены, которая очень страдала. Они расстались, сохранив дружеские отношения на всю жизнь. Ларионова пришла на его похороны.

В 1956 году Ларионова снималась на «Беларусьфильме» в «Полесской легенде», поставленной по мотивам рассказа В. Короленко «Лес шумит», в роли крепостной девушки Оксаны.

О событиях того времени в жизни Ларионовой рассказывает Людмила Михайловна Гладунко.

Но прежде – о ней самой.

Дочь известной актрисы театра и кино Риты Ивановны Гладунко, она, окончив актерский факультет ВГИКа, тоже стала актрисой. Снялась более чем в тридцати фильмах, среди которых такие, как «Чистые пруды», «Русское поле». Заслуженная артистка России. Муж ее – известный актер и режиссер Борис Токарев. Сын Степан снялся уже в нескольких фильмах. В последние годы Людмила Гладунко стала писать сценарии. По ее сценарию снят четырехсерийный телевизионный фильм «Не покидай меня, любовь!». Она же была сорежиссером фильма. Сейчас работает над новым проектом. В ее планах – книга о матери, Рите Ивановне Гладунко, об Алле Ларионовой, их дружбе и – шире – о времени, в которое они жили, его атмосфере, о людях, с которыми довелось ей встречаться в родительском доме и позже, работая в кинематографе. Не буду предварять то, что будет написано в книге, возьму лишь ту часть воспоминаний Гладунко, и то фрагментарно, которая касается Риты Гладунко и Аллы Ларионовой, их дружбы, которая зародилась в далеком пятьдесят шестом и длилась всю их жизнь.

«Мы жили в Минске. Мама работала в театре, снималась на Белорусской киностудии и заслужила уже широкую известность.

Дом у нас был открытый, и какие интересные люди у нас бывали!

Впрочем, „дом“ – громко сказано: комната в коммуналке, обычное явление по тем временам. Мне было девять лет, и я, конечно, знала, кто есть кто, и многое помню, до деталей. К тому же сохранились любительские фотографии. Много лет спустя, будучи в Минске, я видела тот пятиэтажный дом, который казался мне тогда очень большим, и нашу комнату. Дом был маленький, а комната – конура… Но какой насыщенной духовной жизнью мы жили! В разные годы нашими гостями были драматург Макаёцок (при всей своей известности он не считал зазорным сидеть на корточках, потому что сесть было не на что, и так принимать участие в общей беседе); совсем еще молодой оператор Анатолий Заболоцкий, который немало картин снял именно на „Беларусьфильме“, а потом, работая уже в Москве, прославился как оператор-постановщик „Калины красной“ и других фильмов; сценарист Трунин, киноактер Авдюшко… Помню, к моему отчиму, кинодраматургу Фигуровскому, приезжал Кулиджанов – они работали над фильмом „Когда деревья были большими“, Геннадий Шпаликов с Инной Гулая, они тогда только поженились…

У меня, ребенка, была одна забота, как бы спать не погнали, когда так интересно сидеть со взрослыми! А у них зарождались творческие планы, и дружбы возникали, и любовь.

Однажды к нам в гости Фигуровский, один из постановщиков „Полесской легенды“, снимавшейся тогда на республиканской киностудии, привел Аллу Ларионову и Ивана Переверзева: оба они играли в этом фильме. Их уже тогда знала вся страна. Ларионову – после „Анны на шее“, Переверзева, Гришу из „Моей любви“, – еще раньше, с конца тридцатых. У них был роман. Алла с мамой были подругами и доверяли друг другу самое сокровенное. Впрочем, характер отношений между Переверзевым и Ларионовой был ясен и мне, еще девочке, но вслух об этом говорить было не принято, тему избегали – существовали большие сложности, которые и привели к разрыву. Мама была свидетелем этого разрыва. Ушла Ларионова, но виноват был Переверзев. Когда она вскоре вышла замуж за Николая Рыбникова – это произошло на второй день 1957 года, они расписались и пришли к нам отметить это событие, – Переверзев запил и чуть не сорвал съемки: он никак не ожидал от Аллы такой решительности. С тех пор они больше никогда не встречались.

Вскоре мы переехали в Москву, поселились на Мосфильмовской. Дружба мамы с Аллой продолжалась и крепла.

…Мама и Ларионова. У них было много общего. И та и другая – актрисы. Маму тоже узнавали на улице, особенно в

Минске. Детское воспоминание: мы втроем идем по Минску, а вокруг шепот: „Вон Алла Ларионова с Гладунко!“. Я изо всех сил вырываюсь из их рук. До сих пор точно не могу определить, какие чувства я испытывала в тот момент. Знаю только: то не была гордость, тщеславие. Ревность? Тревога? Досада? Не думаю. Сегодня понимаю: меня тяготило всеобщее внимание. Я таки вырвалась и убежала.

Это были два удивительной доброты человека, я больше таких не встречала. Алла не умела сердиться, обижаться. Всех выслушивала, всем готова была помочь. Мама – тоже. Какая-нибудь подруга уходит от мужа и поселяется у нее. Я спрашивала: а почему не у своих родителей? Ведь из-за этого она не могла брать к себе моего сына, своего внука. Вместо ответа – упрек в бессердечии. У Рыбниковых, думаю, никто не жил, но в них тоже всегда была эта готовность помочь, и дом их был тоже открытый. Доверчивые и добрые, все они, включая маму, не всегда получали то же самое в ответ.

Мама с Аллой стремились друг к другу и встречались, как только это было возможным. Приходя домой из школы, я нередко заставала у нас Аллу. Потом она приезжала к нам в гости с детьми – сначала с Аленой, позже – и с Ариной. Девочки были крепенькие, веселенькие, с удовольствием уплетали мамины обеды, Арина так просто обожала мамин борщ и ела, ела. Мне не жалко, говорила мама, но ты растолстеешь и не пролезешь в дверь. „А я бочком, бочком!“ – успокаивала ее Ариша.

Иван Федорович Переверзев (1914–1978) – советский актер театра и кино.

Лауреат Сталинской премии (1952).

Народный артист СССР (1975).

В 1957 году Иван Переверзев и актриса Алла Ларионова сблизились во время совместных съемок в „Полесской легенде“. Дочь Алену от Ивана Переверзева Алла родила уже в браке с Николаем Рыбниковым

У Ларионовой с моей мамой одинаково было и то, что у них было по две дочери с разными характерами, а потому и с разной

судьбой. Они их очень любили, вместе решали какие-то проблемы, связанные с ними, радовались за них или печалились. Со взрослыми дочерьми у Ларионовой были нежные, я бы сказала, сестринские отношения.

Мама умерла скоропостижно. Стало плохо с сердцем. Врач настаивал на срочной госпитализации, мама наотрез отказывалась. Уговорить ее лечь в больницу удалось только Алле. Но помочь маме уже не смогли.

В день маминых похорон у Ларионовой случился сердечный приступ – у нее тоже было слабое сердце».

…Я беседую с Людмилой Михайловной Гладунко в ее квартире на Васильевской улице и рассматриваю стоящий на пианино фотопортрет совсем молодой ее мамы, женщины необычайной красоты (вспоминаю слова одного кинорежиссера: «Зажигательная женщина!»), фотографии из альбома, на одной из которых в их минском доме среди гостей – Алла Ларионова, тоже совсем молодая, и возвращаюсь в тот день, конца декабря 1956 года, когда подруги встречали на вокзале в Минске Николая Рыбникова…

Он приехал тотчас, как только узнал, что он ей нужен. Они вместе отметили новый, 1957 год, а 1 января отправились в загс. Естественно, в праздничный день загс не работал, а потому расписались они 2 января, в одном-единственном открытом загсе, без полагающегося испытательного срока.

Сыграла роль их всесоюзная слава. Как иллюстрация к ней, в кинотеатре напротив висела огромная афиша, на которой был изображен Николай Рыбников, там шла «Весна на Заречной улице».

А в Москве, на киностудии, где доснималась «Высота», поднялась паника: Рыбников, игравший главного героя, исчез неизвестно куда! Вскоре все выяснилось…

Когда на премьере фильма «Высота» монтажник-высотник Николай Пасечник, роль которого играл Рыбников, решив жениться, произнес: «Ну вот, Коля, и кончилась твоя вольная жизнь!» – зал взорвался аплодисментами.

Николай Рыбников

Кинодраматург Олег Хомяков говорил:

– Рыбников не был красавцем, как Павел Кадочников. Колина приятная улыбка уступала ослепительной Петра Алейникова. Колин заводной темперамент нельзя было приравнять к огненному Николая Крючкова. И все же он выделялся. На своем курсе был как первый парень на деревне. И талантом бог не обидел, и внешность вполне актерская… Но ролей в кино, увы, долгое время не было. Разве что в массовке.

Да, в студенческие годы и поначалу после окончания ВГИКа Рыбникова не приглашали в большое кино. Но когда стали приглашать – тут и проявился его незаурядный талант. И в середине прошлого столетия был он не «первым парнем на деревне», хоть и играл, как правило, простых парней, а одним из первых, если не первым, по популярности актеров отечественного кино. Тот же Хомяков признает, что в каком-то смысле поколение, вступившее в сознательную жизнь в те годы, прошло «школу Рыбникова». Молодые ребята улыбались, курили, заламывали кепки, пели, как он…

Рыбников считал, что ему везло с ролями в кино, потому что все его герои были труженики, а они особенно были близки ему и понятны; судьба его поколения была трудовая.

Это судьба мальчишек военных лет, из-за возраста не успевших попасть на фронт, на плечи которых легла огромная тяжесть войны. В самый разгар войны семья оказалась в Сталинграде. Отец был на фронте. Николай, старший из детей, все заботы о семье взял на себя. Ему приходилось и урожай собирать, и ездить на лесозаготовки, и зажигательные бомбы гасить, и думать, где отоварить карточки, и даже стирать: в войну мать работала прачкой в гостинице, и он ей помогал. Бывало, от каустика (мыла ведь не было) кожа на руках сходила.

Родился Николай Николаевич Рыбников в Борисоглебске Воронежской области 13 декабря 1930 года. Это по паспорту. На самом деле, свидетельствовала с его слов Ларионова, год его рождения – 1928-й.

– С детства, – вспоминал актер, – полюбились мне чудесные леса, окружавшие город, прозрачные отмели реки Вороны, где мы с ребятами ловили рыбу. Мальчиком побывал я в Воронеже. Был в драматическом театре. В Борисоглебске был свой театр, но воронежский произвел на меня более сильное впечатление. Еще тогда, двенадцатилетним мальчишкой, я «заболел» сценой.

Еще до войны семья переехала в Сталинград, ныне, как

известно, Волгоград, – отца, железнодорожника, направили туда на работу. В 1941-м отец ушел на фронт. Мать с детьми незадолго до Сталинградской битвы успела эвакуироваться, но, как только стало возможно, вернулась в город, который они все считали уже родным, и вскоре умерла. Отец погиб на полях Великой Отечественной. Осиротевшие Николай и его младший брат Слава остались на попечении тетки, а фактически заботиться о братишке и себе стал Николай – он давно уже был самостоятельным. Чтобы не прерывать учебу, он пошел рабочим сцены в Сталинградский драматический театр.

Пользуясь «служебным положением», Рыбников мало что пересмотрел все спектакли театра, но и сам выходил на сцену, естественно, статистом. Его любовь к театру укрепилась. А любить он умел.

Однако после окончания школы Николай поступил в медицинский институт: свежи были в памяти разговоры с отцом, который считал профессию актера несерьезной, а настоящими, серьезными лишь две – учителя и врача.

Но мечта о театре не отпускала, и, проучившись два неполных курса, Рыбников отправился в Москву попытать счастья.

Когда он уже стал известным актером, ему задали вопрос: какую из своих ролей он считает самой трудной? Роль студента медицинского института, ответил он. Роль, которая была им сыграна не в кино, а в жизни. «Хуже всего то, – сказал Рыбников, – что я с этой ролью не справился. Больше того – я ее провалил».

По совету знающих людей подал документы сразу в ГИТИС и во ВГИК. Конкурс и там, и там был огромный. В Институте кинематографии в том, 1948-м году курс набирал Сергей Герасимов, по мнению Рыбникова, лучший кинорежиссер и педагог. И он не стал дожидаться третьего тура прослушивания в ГИТИСе, когда стало известно, что его приняли во ВГИК.

В институте, как водится, в гениях зачастую ходят совсем не те, кого позже ждет успех. В гениях он не ходил, но актером был до мозга костей. В учебных спектаклях высокую оценку получили сыгранные им роли Жюльена Сореля в «Красном и черном», Дон Жуана в «Каменном госте», Сорокина в «Хождении по мукам», Нагульнова в «Поднятой целине». Спустя десятилетия Сергей Аполлинарьевич Герасимов на вопрос, кого из своих студентов он любил больше других, на кого возлагал особые надежды, ответил: на Сергея Бондарчука, Николая Рыбникова и Николая Еременко-младшего. Хотя после окончания института Герасимов одного из своих любимых выпускников, Рыбникова, снял, пожалуй, только в одном фильме – «Дорога правды», в том же, что и Ларионову, в студенческие годы он давал будущему актеру играть все, что тому

под силу, – при высокой планке требований, – и Рыбников познал широту своих возможностей.

Николай Николаевич Рыбников (1928–1990) – советский актер театра и кино, народный артист РСФСР

Николай Рыбников жил в общежитии. Их в то время у ВГИКа было три. Студенты младших курсов проживали в подмосковной Мамонтовке, что в 40 минутах езды от Москвы, в бараке.

Вгиковцы постарше – в Бабушкине, рядом со станцией Лосиноостровская, тогда это был пригород, в деревянном двухэтажном «особняке». «Элита» – в театральном общежитии в Москве, на Трифоновской. Определение «элита», даже в кавычках, беру лишь в угоду нынешним понятиям: никакого «высшего общества» среди студенчества тогда не существовало, как и непреодолимых имущественных барьеров, тем более в общежитиях.

Николай Рыбников жил в Бабушкине.

Всегда немного завидовала студентам, живущим в общежитии. Конечно, не их ежедневным поездкам на электричке, как в данном случае, а вольному духу настоящего студенческого братства, который царил у них, вдали от глаз институтского начальства.

Там все делали вместе. Решали бытовые и личные проблемы, выручали друг друга при необходимости, помогали в учебе. Устраивали вечеринки, вместе ходили в кино, в театр, на экскурсии и концерты, бегали на каток, ездили за город. Им легче было, чем живущим у себя дома, скооперироваться, сколотить интересную компанию, а мы тогда в большинстве своем были коллективистами.

Нередко в общежитии вспыхивали импровизированные дискуссии – по поводу какого-нибудь кинофильма, спектакля или книги. И, конечно, будущие актеры не обходились без того, чтобы продемонстрировать собственные таланты, повеселить товарищей, разыграть их.

С розыгрыша и началась история, которая дорого обошлась ее участникам. А могла бы обойтись еще дороже.

Рыбников и Вадим Захарченко, соседи по комнате, приладили к старому радиоприемнику микрофон и стали вещать в него, сидя по очереди в шкафу. Студенты заговорили о каких-то мистических голосах, которые неизвестно откуда раздавались и призывали их к исповеди… То была довольно невинная шалость.

А надо сказать, что Николай Рыбников, помимо того, что был мастером розыгрышей, умел отлично пародировать, иные даже прочили ему карьеру комедийного актера. Он, например, виртуозно изображал художественного руководителя курса Сергея Герасимова, других мэтров, а также своих товарищей студентов. Но вершиной его достижений в области пародии был диктор Левитан. И вот однажды по «своему» радио он зачитал голосом Левитана «правительственное постановление» об очередном снижении цен на продовольственные и промышленные товары.

Дело в том, что правительство вот уже несколько лет

ежегодно принимало такие постановления, а потому многие в это сообщение поверили и побежали в ближайший магазин покупать все по новым ценам, а соль и спички, согласно тому же «постановлению», брать бесплатно.

…Когда все выяснилось, и дело дошло до институтского начальства, разразился жуткий скандал. Рыбникову грозило исключение из комсомола, а также из института – в те времена второе неукоснительно следовало за первым. И это накануне защиты диплома! Вместо него вполне можно было получить «волчий билет». Кто не знает, что это такое, пусть продолжает жить в счастливом неведении.

Этот эпизод из студенческой жизни Рыбникова, а также история их с Ларионовой любви легли в основу фильма Петра Тодоровского «Такая чудная игра». Там один из главных героев, Рыбкин, сидит в шкафу с микрофоном, и он же безумно влюблен в одну студентку, которую играет Маша Шукшина.

В фильме Петра Тодоровского «игра» заканчивается трагически: героев расстреливают на Лубянке. В жизни – исключением Рыбникова из комсомола. Из института его не отчислили – Герасимов отстоял.

В дипломном спектакле «Юность Петра» он блестяще сыграл Петра I. В те годы он был худым, а великаном не был никогда, но все сошлись во мнении в правильности выбора его на эту роль. Говорят, театральная Москва ходила посмотреть на молодого актера в этом спектакле.

Николай Рыбников окончил ВГИК вместе со своим курсом в 1953 году.

Время «Тревожной молодости»

Первой значительной ролью Николая Рыбникова в кино был Котька Григоренко в «Тревожной молодости» режиссеров Александра Алова и Владимира Наумова. В фильме о комсомолии 20-х годов, когда в острой борьбе сталкивались взгляды, характеры, Рыбников сыграл предателя и отщепенца. Надо же – Рыбников, с его улыбкой, лицом, с его, как теперь принято говорить, «положительным обаянием»!

О том, как создавался этот фильм, рассказывает молодой дебютант тогда, а ныне народный артист СССР, известный кинорежиссер, поставивший немало замечательных картин, среди которых такие как «Мир входящему», «Бег», «Легенда о Тиле», «Тегеран-43», художественный руководитель студии «Союз» Владимир Наумович Наумов.

«Когда я вспоминаю съемки нашего первого с Аловым фильма „Тревожная молодость“, по трилогии Владимира Беляева „Старая крепость“, мне кажется, что все это происходило очень давно, в другой жизни, далеко-далеко, в другой даже стране под названием Украина.

В картине снимались Лавров-старший, отец нашего знаменитого ленинградца, блестящий актер и замечательный человек, Тамара Логинова, Изольда Извицкая, Николай Рыбников, Сергей Гурзо. Согласился сыграть у нас, дебютантов, совсем маленькую роль Борис Бабочкин, легендарный исполнитель Чапаева.

При отборе актеров проводились тщательные пробы. В те годы обходиться без них было нельзя. Это теперь я никого не пробую. Я считаю, что вообще пробы – неправильная вещь. Они унизительны для актера, особенно с именем. К тому же есть такие специалисты по пробам, которые пробуются очень удачно, а потом в картине у них ничего не получается. И наоборот: есть хорошие актеры, которые не умеют пробоваться. Пробы – это совершенно другая система оценок, отношений актер – режиссер, и обстановка на них не такая, как на съемках.

К примеру, Смоктуновский, гениальный актер, он играл у меня в „Белом празднике“. Я сразу пригласил его в картину. Но мы решили сделать что-то вроде пробы грима, прощупать какие-то „кусочки“ и в пробном формате снять это на пленку. Процедура эта оказалась мукой и для него, и для меня. Только время и нервы потратили.

На роли в „Тревожную молодость“ мы пробовали очень много актеров. Трудно было сравнивать их друг с другом на экране:

у одного одно лучше получается, у другого – другое. Но в Рыбникове мы сразу увидели то, что нам было нужно: внутреннюю нервную пульсацию, некий нервный „изгиб“. На роль Котьки Григоренко необходим был не уравновешенно-спокойный человек и даже не просто с нормальной психикой человек. Я вовсе не хочу сказать, что у Коли было в природе то, что нам надо, нет – он умел это почувствовать, понять и сыграть.

Например, есть там эпизод, который мы, репетируя, сочинили – нам он показался интересным пластически, когда они с Лавровым ходят вокруг стола, разговаривая друг с другом. Искусственность этой мизансцены, выдуманность ее была налицо, никакой необходимости в ней не было, герои могли вести разговор и по-другому. Но этот ход давал нам возможность показать напряженность разговора – замкнутый круг, с одной стороны, а с другой – его бесконечность, незавершенность, то, что связано с понятием круга. Могут быть еще какие-то измышления, искусствоведческо-философские, так сказать. Но суть не в этом, а в том, что оправдать чувственно-актерски такую вычурную мизансцену очень трудно, далеко не каждому актеру под силу.

Кадр из кинофильма „Тревожная молодость“. 1954 г.

Рыбников же обладал таким качеством, что мог сделать своей предложенную ему или выдуманную вместе с ним ситуацию. Он

был наивен, верил, что это он сам придумал. Или делал вид. А может, это было его актерское „приспособление“.

Вообще в нашем выборе был некий парадокс, и впоследствии это было доказано на экране. Может, Рыбников где-то и делал что-то похожее. Но во всех картинах, которые я видел с его участием, он использовал свой психофизический аппарат совершенно в другом направлении. Это был такой рабочий парень, ходил с гитарой, пел… И нигде он не повторялся, везде играл великолепно. В „Тревожной молодости“ он раскрыл совершенно другую сторону своего таланта, своей актерской души.

Он обладал абсолютным чувством правды, был очень натуральный и человек, и актер. Не мог сфальшивить.

Есть актеры, которые играют характер, как это мы называем, „плюсиками“ разными, что-то прибавляют, изображают кого-то. Рыбников же въедался в образ, врастал в него, становился им.

У меня до сих пор на руке шрам. В финале „Тревожной молодости“ есть сцена драки с ножом. Мы с Колей репетировали, и он меня порезал. Но виноват я, конечно, потому что полез не в свое дело. Всякие трюки мы тогда делали сами, трюкачей не было. А Коля врос в образ, вот и оставил мне на память отметину на руке. Шрамчик небольшой, но прошло столько лет, почти полвека, а он у меня иногда побаливает, суставчик, в который он ножом попал, ноет. И я говорю: „Ах, Коля Рыбников! Это ты сделал“.

И еще у Рыбникова было одно замечательное качество. Думаю, оно послужило подсказкой при выборе его на роль. Кстати говоря, очень многие актеры, которые снимались у меня, обладали этим качеством, потому что я считаю его очень существенным, это – умение молчать.

К примеру, в „Беге“ Хлудова Дворжецкий играет – актер, который умеет на экране молчать. Рыбников в наших с Аловым фильмах открывает этот ряд.

Есть актеры, у которых отсутствует текст, и он сам вместе с текстом отсутствует, как ни старается. А есть такого рода актер: он молчит, а от него нельзя оторвать глаз, и он „слышен“. Мы с Аловым условно называли это „внутренней тишиной“.

Рыбников умел смотреть внутрь себя. Драгоценнейшее качество! Не всегда, как мне кажется, используемое им впоследствии, да и нами оно не до конца было использовано. Но мы уже тогда понимали, что умение актера молчать придает значительность персонажу. Рыбников был личностью и часть своей личности адресовал, на время доверял роли. Очень хороший актер!

Он и игравший у нас в „Тревожной молодости“ Сергей Гурзо года через два стали очень знамениты, стали чуть ли не властителями дум современной им молодежи. Внешне они с Рыбниковым были абсолютно не похожи. Не скажу, что у них много общего как у актеров. Не скажу потому, что общее у актера с кем-то – это, на мой взгляд, вовсе не похвала. Достоинство актера в том, что он особенный, один, неповторимый, индивидуальность.

Такие, каждый в отдельности, Рыбников, Гурзо. Они могли бы сыграть один социальный тип, но это были бы совершенно разные образы. Дай им даже одну и ту же роль – и в результате будут совершенно разные характеры.

…Мы начинали вместе: Алов, Рыбников, Алла Ларионова, Таня Конюхова, Элина Быстрицкая… Я помню роман Рыбникова с Аллой Ларионовой. В нее, по-моему, все были влюблены, это была замечательная красавица, очень хорошая девушка. Колю мы называли страдальцем, порой иронизировали над ним. Он ходил за ней хвостиком. Теперь я понимаю, что любовь, какая у него была к Алле, встречается очень редко. Я не в курсе подробностей их жизни после женитьбы, знаю только, что в ней были драматические моменты. Коля любил ее так, что готов был все сделать для нее.

Мои воспоминания о Рыбникове связаны с Киевом, и не только с работой над фильмом. Мы вообще там здорово проводили время. Мы с Аловым жили при Киевской киностудии художественных фильмов, которая тогда еще не носила имени Довженко, ее адрес я помню до сих пор: Брест-Литовское шоссе, 110. Все же остальные и те, кто приезжал к нам в гости в Киев, обитали в гостинице.

Компания собиралась очень интересная. Помимо нашей киногруппы, в ней были Параджанов, Хуциев, Сергей Бондарчук, который тогда снимался в фильме „Тарас Шевченко“, Шенгелия, художник. Приезжали к нам Ларионова, Быстрицкая.

Мы совершали опустошительные набеги на яблоневый сад при киностудии, который посадил Довженко, он так и назывался: Довженковский сад. Предводительствовал этими набегами наш мэтр Игорь Андреевич Савченко.

Коля Рыбников мог и выпить, и дебош небольшой устроить. Но у него был предел, и это никак не мешало нашей работе. Мы все были такими. Мы с Хуциевым сошлись во мнении, что в абсолютной трезвости и примерном поведении не просуществует ни один молодой человек.

В атмосфере молодости, веселого озорства создавался наш фильм. Мы снимали его, играя. Для нас, думаю, и для всех

участников „Тревожной молодости“, это была радость, золотое время нашего товарищества, дружбы.

После этой картины мы все разошлись и виделись очень редко. Я знал, что дальнейшая жизнь Рыбникова в кино складывалась не очень гладко, хотя ему удалось достичь многого. Я смотрел фильмы с его участием, мне приятно было думать, что мы с Аловым одними из первых заметили этот талант, и со светлым чувством возвращался в те времена.

У меня сохранилась фотография, на которой запечатлен маленький автобус „Мерседес“ выпуска еще начала двадцатого века, и из его окон выглядывают Рыбников, Гурзо, наш оператор, я, еще кто-то. Когда я перебираю фотографии старых картин, если у меня их просят для каких-то целей, и мне в руки попадает эта – теплая волна приходит из прошлого. И я улыбаюсь. В том „виноват“ Коля Рыбников – о нем хорошо вспоминается, и только хорошее».

После «Тревожной молодости» о Рыбникове заговорили как об одном из интересных молодых актеров советского кино.

Но истинное признание, и прежде всего кинозрителей, получил его Федор Соловейков из фильма «Чужая родня» по одноименной повести Владимира Тендрякова.

Можно только порадоваться профессионализму, вкусу, интуиции, смелости, наконец, режиссера Михаила Швейцера, который взял на главную мужскую роль в картине, по сути, мало кому известного недавнего выпускника ВГИКа и, что важно, сумел высветить в Николае Рыбникове те грани его дарования, которые и сделали его Рыбниковым, популярнейшим актером своего времени.

Впервые Швейцер увидел Рыбникова в учебном спектакле по «Тихому Дону» во ВГИКе – в роли Кошевого. И когда стал запускать в производство фильм «Чужая родня», вспомнил о понравившемся ему студенте. Его привлекли индивидуальная интонация актера, его улыбка, умные глаза. А главное, он увидел то, что роднило Федора Соловейкова с шолоховским героем: их народность. Он отметил умение Рыбникова-актера передать общие черты образа через призму своей личности, что высоко ценится в искусстве вообще, а в искусстве кино особенно.

Рыбников по-настоящему переживал на экране то, что пришлось пережить его герою. Таким он будет и в последующих своих картинах. Причем это не было искусным «вышиванием по канве». У Тендрякова написано, что Федор «был ловок и плясать, и бороться, и ухаживать за девчатами». В картине мы не видим его дерущимся, не показан он и как ухажер. Пляшет он на своей свадьбе. И как пляшет! Частушку поет по-деревенски, но в то же

время с таким артистизмом! Все, все подвластно Рыбникову в создании образа. Не только благодаря его профессионализму, таланту, но прежде всего – человеческим качествам. Умению понимать другого, сопереживать, делать своими его чувства, умению любить.

Соловейков сыгран Рыбниковым мастерски, отмечала критика, с глубоким проникновением в суть этого героя – искреннего, честного, прямого парня, даже ради любви не изменившего своим взглядам, идеалам.

Он много работал над ролью, тщательно готовился к каждой съемке – это войдет у него в правило.

– В фильме «Чужая родня», – рассказывал Рыбников, – есть эпизод, где мой герой и его родственник соревнуются между собой на сенокосе. А я житель городской, косу никогда не держал в руках. И вот каждое утро, с рассветом, когда город еще спал, я шел в парки и косил траву. Зато в деревне, когда снимали этот эпизод, местные жители признали меня за своего, деревенского.

Николай Рыбников и Нонна Мордюкова на съемочной площадке фильма «Чужая родня». 1956 г.

Он стал своим и среди таких замечательных актеров, игравших в фильме, как Нонна Мордюкова, Николай Сергеев, и одновременно одним из самых востребованных молодых актеров отечественного кино середины века.

Его звездный час

«Сложно быть хорошим актером, играя эпизоды, – писал Михаил Ульянов, – и есть такие актеры. Но если быть абсолютно честным, то в настоящего актера можно вырасти только на крупных ролях. Это правда нашей профессии».

Рыбников вырос на таких ролях. Он побывал на экране трактористом, сталеваром, монтажником, строителем, лесорубом, шахтером. А еще – летчиком, военным, спортивным тренером… Но самой любимой среди них ролью, по его признанию, стал для него молодой сталевар Саша Савченко из фильма режиссеров Ф. Миронера и М. Хуциева «Весна на Заречной улице», вышедшего на экраны в следующем после «Чужой родни», 1956 году.

Кинокритик Н. Зоркая определяет главный творческий принцип М. Хуциева, одного из режиссеров фильма, как стремление к предельной достоверности отображаемого на экране.

«Среди молодых режиссеров, начинавших творческую жизнь в середине 50-х годов, – пишет она, – Хуциев оказался самым ярым поборником натуральности, подлинности».

Этим, видимо, и продиктован выбор на главную роль в «Весне на Заречной улице» Николая Рыбникова, для которого, как для ее исполнителя, тоже прежде всего важна была жизненная достоверность героя – в качестве опоры, фундамента для создания образа. Для актера, как и для режиссера, она, достоверность, была не целью, а средством решения творческой задачи.

На съемках «Весны на Заречной улице» (снимали фильм в Запорожье) актеры пришли на металлургический завод посмотреть, как варят сталь. А перед этим Рыбников поменял, а за ним и другие актеры, выданную ему новую робу на поношенную, местами обгоревшую спецодежду – махнулись с одним рабочим. Встал он возле мастера, пробивающего отверстие для выхода стали (позже Рыбников это будет делать в кинофильме), но встал, оказывается, на опасное место.

– Куда лезешь?! – закричал мастер. – Жить надоело?

– Да это артист, – сказали ему.

Тот поначалу не поверил.

Да, он был органично слит со своими героями, нес в себе, как сказал кто-то про него, «биологическую энергию своего времени»! «Его заслуга, как актера, в том, что он отобразил на экране, – писала кинокритик Н. Басина, – тот социальный и человеческий тип, на которого возлагались наши надежды в середине

пятидесятых, в эпоху социального оптимизма. „Весна на Заречной улице“ не просто отражала погоду времени – это картина из тех, что сами делали погоду».

Бессмертная, как сама весна, она и сегодня делает погоду. Кино, как и любое искусство вообще, – это про людей, а не про то, как «куют что-то железное». Не трудовой энтузиазм, не производственные успехи, не встреча Нового года движут создаваемый Рыбниковым экранный образ молодого рабочего, а любовь. Она здесь созидательное начало. Человеку, не испытавшему, не испытывающему этого чувства, Рыбников был убежден в этом, играть трудно, и едва ли он будет кому интересен.

Кто-то из критиков подсчитал, что чисто производственный процесс занимает в фильме всего сто пятьдесят метров, то есть длится пять минут. Остальное – любовь, учеба в школе рабочей молодежи, жизнь рабочих вне завода и школы, а значит, та же любовь, потому что все они люди молодые.

Фильм о любви сталевара Саши Савченко к молодой учительнице Татьяне Сергеевне и ее – к нему (любви потаенной, в которой она боится признаться себе самой) пронзительно лиричен. Рассказ о том, как любовь пробудила в грубоватом парне тягу к иной жизни, к свету, заставила его задуматься о себе и переосмыслить какие-то привычные ценности, открыла новые горизонты, жизненно достоверен и одновременно поэтичен.

Режиссеры помогли Николаю Рыбникову воплотить на экране этот свой несомненный дар – умение любить. В его игре сильная и темпераментная страсть сменяется полутонами и почти неуловимыми нюансами чувств. Он немногословен, но при этом умеет сказать о герое столько, что иной монолог оказался бы менее емким. Достаточно вспомнить эпизоды, когда Татьяна Сергеевна приходит в мартеновский цех, встречу ее с Сашей Савченко в беседке во время майской грозы, заключительные кадры фильма и, конечно же, лучшую в этом смысле сцену в классе, когда Савченко объясняется Татьяне Сергеевне в любви.

Актер Валерий Гаркалин признался в одной из телевизионных передач, что, когда ему надо «подправить ориентиры», получить эмоциональную «подзарядку», он вновь и вновь прокручивает тот самый кадр из «Весны на Заречной улице», где Рыбников-Савченко, сидя в пустом классе и подперев рукой голову, смотрит на Татьяну Сергеевну, прежде чем ответить на ее вопрос: зачем он пришел, больной? «А зачем я вообще сюда прихожу?.. Чтобы вас видеть…»

Интереснейший факт: одним из операторов «Весны на Заречной улице» был недавний выпускник операторского

факультета ВГИКа, а сегодня один из лучших отечественных кинорежиссеров, – достаточно упомянуть такие его фильмы как «Интердевочка», «Анкор, еще анкор!», «Такая чудная игра», – Петр Тодоровский.

Вот его рассказ о фильме и вообще о том уже далеком времени:

«Я познакомился с Аллой Ларионовой и Николаем Рыбниковым во ВГИКе. Аллу я увидел, когда поступал в институт первый раз в 1948 году. Меня тогда не приняли, а ее приняли. Я, конечно же, ее запомнил. Она была феерически красива: высокая, стройная, вьющиеся волосы заплетены в косу, дивный цвет лица, кожа просвечивает… С нее бы портрет писать современным Рокотову или Левицкому. Совсем юная, только что школу окончила. На следующий год она, будучи студенткой, была уже нарасхват в кино. А я в том году был принят со второй попытки на операторский факультет, на курс, который вел известный оператор Борис Волчек. Курс был сильный, вместе со мной поступили Вадим Юсов (кстати, с третьего захода), Герман Лавров, Ионас Грицюс – я назвал лишь нескольких моих однокурсников.

Поселили меня в общежитии на Лосиноостровской, в котором жил в то время и Николай Рыбников, а вообще в разные годы там обитали Нонна Мордюкова, Слава Тихонов, Катя Савинова, Ташков, Хуциев, Миронер…

В институте наше общение с будущими киноактерами и режиссерами было, так сказать, коридорным. Учились мы на разных этажах, встречались порой на просмотрах фильмов, прогонах, так что не очень были в курсе жизни других факультетов.

Николая Рыбникова я знал по общежитию, визуально. Это был веселый, озорной, обаятельный парень. Помню, ходил он в кепочке, с поднятым воротником демисезонного пальто. По слухам, он очень был влюблен в Аллу Ларионову, которая его игнорировала.

Николай Рыбников с отцом Аллы Ларионовой. 1960-е гг.

С Рыбниковым я познакомился ближе в связи со знаменитым розыгрышем, который много лет спустя, будучи уже режиссером, я взял в основу своего фильма „Такая чудная игра“. Розыгрыш придумали обитавшие в одной комнате Рыбников, Вадим Захарченко и Николай Литус: загадочный голос из приемника вещал и призывал к исповеди. Предварительно шутники узнавали какие-то факты из биографии разыгрываемого, что особенно впечатляло и заставляло верить во все остальное, о чем говорили

из приемника. На самом же деле исповедовал и вещал сидящий в шкафу Рыбников, наблюдавший к тому же в щелку за тем, что происходило в комнате.

Меня разыграли вместе с другими. Надо сказать, что Рыбников пытался признаться в розыгрыше, но ему никто не поверил…

По окончании ВГИКа я был направлен на „Мосфильм“ в качестве ассистента оператора первой категории и вскоре снимал уже свой первый большой художественный фильм как оператор. Это была „Весна на Заречной улице“, главную роль в которой играл Николай Рыбников.

В фильме были заняты очень хорошие актеры, в подавляющем большинстве молодые: Нина Иванова, Геннадий Юхтин, Римма Шорохова, Юрий Белов, Владимир Гуляев. Феликс Миронер и Марлен Хуциев, режиссеры, тоже только начинали свой путь в кино. Операторов было двое, и оба начинающие: Василевский и я. Надо ли говорить, как прекрасно нам жилось и работалось?

Натурные съемки проходили в Запорожье, на „Запорожстали“. Проживали мы в общежитии завода все вместе. Это было удобно не только для работы. Мы нередко собирались у кого-нибудь, отмечали дни рождения или окончание какого-то периода съемок, к примеру, достаточно сложных съемок на заводе.

Но никто ни разу не позволил себе чего-нибудь лишнего.

Что касается Николая Рыбникова, то я с каждым кадром, в котором он участвовал, еще и еще раз убеждался, какой он редкой одаренности актер!

Вот недавно показывали по телевидению „Весну на Заречной улице“. Я смотрел фильм со стороны и отмечал, что некоторые вещи устарели, в том числе и операторская манера, – сегодня снимают по-другому, другая манера игры. Но есть сцены, сыгранные Рыбниковым актерски точно и, как говорится, на века. Это классика, к примеру, те сцены, где он признается в любви учительнице. Мы снимали в них его лицо крупным планом, в его глазах была такая любовь! Потому и игра Рыбникова не устаревает, как не стареет и само это чувство.

Работал Рыбников очень интересно. Он был личностью, а личность всегда привносит в образ свое „я“, обогащает роль собственным духовным, жизненным опытом, играет не только то, что написано в сценарии, подсказано режиссером, – тут появляется что-то еще. Это „что-то еще“ есть талант, помноженный на личность.

В то время Николай и Алла еще не были вместе, но его

чувство к ней не исчезало, росло. Это непреходящее состояние любви, в котором он находился, и помогло ему сыграть ее, любовь, так эмоционально: в Татьяне Сергеевне, конечно же, он видел Аллу.

Мне, оператору, думаю, Василевскому тоже, было интересно работать на этом фильме, хотя, молодым и неопытным, нам приходилось преодолевать какие-то трудности, учиться в процессе работы. „Весну“ мы снимали в Запорожье, а отснятый материал везли в Одессу, на худсовет. Первое время нас ругали, кое-кто даже высказывал сомнения, не зря ли доверили фильм и деньги таким молодым? Отмечали технический брак, недостаточное количество крупных и средних планов. После одного из таких худсоветов, вернувшись в Запорожье, мы разделились: я с Хуциевым работал, а Василевский с Миронером, и в течение недели-двух что-то укрупняли, что-то придумывали, используя разные операторские и режиссерские приемы. К примеру, общий план эпизода в мартеновском цехе мы снимали непосредственно на заводе, а пылающее в отсветах печи лицо Саши Савченко крупным планом – отдельно, в павильоне. Когда мы все вставили – картина заиграла…

Сдавать готовую картину поехали в Киев, в Министерство культуры, тогда кино подчинялось ему. Вдруг приходит телеграмма от Юткевича. Он пароходом вернулся из Франции в Одессу, и ему директор Одесской киностудии показал нашу картину. Телеграмма на наше имя и на имя министра культуры Бабийчука была сплошь из восторженных слов.

„Весну на Заречной улице“ приняли очень хорошо. В тот же день мы показали ее на Киевской киностудии. А там оказался Марк Семенович Донской, вроде как в изгнании он находился. После просмотра он выскочил на сцену и такое говорил, так хвалил картину!

Это была большая удача для всех нас, ну и, конечно, для Коли Рыбникова, исполнителя роли главного героя. Как только закончились съемки, А. Зархи сразу же пригласил его на фильм „Высота“, и он уже из Днепродзержинска приезжал в Одессу на озвучание. Снимая фильм, мы все сдружились, но потом разошлись, как это чаще всего бывает, по другим киногруппам.

Много лет спустя я, уже будучи режиссером, снял Аллу Ларионову в своем фильме „Фокусник“. Она замечательная актриса, профессионал высокого класса. Она была счастлива сниматься в необычной для нее роли. Елена Ивановна, которую она играла, была, правда, тоже прекрасная женщина, но мещанка в какой-то степени, это был интересный типаж, в духе некоторых героинь А.Володина, сценариста фильма. С Аллой хорошо было

работать, она не упускала из виду любую, казалось бы, мелочь, продумывала рисунок роли до деталей. Фильм снимался зимой. Вячеслав Зайцев, который был у нас художником по костюмам, сшил для Аллы белое пальто по фигуре, довольно-таки легкое. Так она, игнорируя мои советы как-то утеплиться, надевала его прямо на белье, чтобы лучше сидело, а в перерывах бегала в подъезд к батарее погреться. Она и женщина была настоящая, для нее важно было всегда хорошо выглядеть.

Окончание съемок мы отмечали у Ларионовой, на квартире в Марьиной роще. Рыбникова не было, он где-то снимался. Да, это был гостеприимный дом.

Затем я иногда встречал кого-то из них на „Мосфильме“. Для них начался трудный период, их мало снимали, и они зарабатывали деньги выступлениями.

Они ушли из жизни, сначала Николай Рыбников, затем Алла Ларионова, но оба ушли рано. Утешение одно – они навсегда остались на киноэкране».

Кинокритик Н. Зоркая отмечает строгую серьезность, безупречную нравственную чистоту лирической темы картины. Она отнесла фильм к произведениям киноискусства, отказавшегося от фразы, но отнюдь не от высоких слов, к категории кино «смыслового», трезвого, желающего говорить только правду, полного больших надежд и веры в человека.

…Как для Аллы Ларионовой главным фильмом ее жизни стала «Анна на шее», так для Николая Рыбникова – «Весна на Заречной улице». А любимой ролью – Саша Савченко.

Однако если актерская судьба Ларионовой, по мнению критики, оказалась недостаточно включенной в общий процесс развития нашего кино, сыгранные Рыбниковым простые парни – чистые, цельные, обаятельные – органично вписались в отечественный кинематограф середины XX века.

Рыбников – «одной группы крови» со своими героями. Но это заблуждение, что играть «самого себя» легче, чем перевоплощаться. В одной из бесед Рыбников сказал, что самая большая трудность в актерском деле – преодолеть дистанцию «актер – персонаж».

Он преодолевал, а потому создавалось впечатление, что он не играл, а жил на экране. Как, к примеру, Михаил Жаров, Евгений Леонов, Олег Борисов. Скажу, перефразируя поэта: таланта этого секрет разгадке жизни равносилен.

Почему зритель безусловно верит в то, что герой, созданный актером, его телом, голосом, жестом, его сутью, – один из нас, реально существующих?

Трудно объяснить. Знаю лишь, что тайной этой владеют

главным образом актеры русской школы. Они не умеют вести роль «на ограничителе», отстраненно. Они вкладывают в нее не только профессионализм, а свое сердце, душу, чувства. И – знание жизни. Творческая личность с этим знанием рождается.

К Николаю Рыбникову это относится в полной мере.

Любое искусство не терпит повторов, и Рыбников шел на определенный риск, сыграв в своем следующем фильме – «Высота», по роману Евгения Воробьева, тоже рабочего, Николая Пасечника.

Бригадиру монтажников-высотников Пасечнику вроде «по штату» положено чувствовать себя хозяином жизни (как ощущал себя и Савченко), думать о рабочей чести и славе (как Савченко), быть простецким и грубоватым, по-своему, по-рабочему, обращаться с девушками (как Савченко)… Пасечник тоже любит, только не он, а Катя меняется под его влиянием.

Кадр из кинофильма «Весна на Заречной улице». 1956 г.

> *«Я для вас все что хотите сделаю: мертвый приду, если надо. Только вот я какой – рабочий, работяга. Готовы за такого пойти?»*
>
> *(из к/ф «Весна на Заречной улице»)*

Вроде много общего у Пасечника и Савченко, но это два

разных образа, два разных характера, две разные судьбы.

В том, что Пасечник не повторил Савченко, заслуга не столько режиссера, сколько, думаю, Николая Рыбникова. Находясь под «гипнозом» только что сыгранной роли, он, тем не менее, смог найти другие краски для обрисовки своего нового героя, другие ходы для раскрытия его характера.

И еще. В «Высоте» строительству домны, конфликтам, возникающим в его процессе, героике труда отведено гораздо больше места, чем в «Весне на Заречной улице». Производственные коллизии, казалось, вот-вот заглушат лирическую линию фильма… Но благодаря игре Рыбникова, не игре даже, потому что сыграть так невозможно, это надо чувствовать, и, конечно, Инне Макаровой, которую присутствовавший на съемках писатель Евгений Воробьев называл своим соавтором, центром фильма стала любовь их героев, а не эти коллизии.

Режиссер Эмма Петровна Дукельская (в ее послужном списке такие картины как «В зоне особого внимания», «Портрет жены художника», «Батальоны просят огня») вспоминает съемки фильма «Высота», на котором она, делавшая тогда первые шаги в кино, работала помощником режиссера и по совместительству его ассистентом:

«Когда я подключилась к работе, подбор актеров на роли уже шел. Но отобранные кандидатуры, в том числе и на главную роль – Николая Пасечника, ни режиссера А. Зархи, ни оператора В. Монахова, ни меня (а подбор актеров был одной из основных моих функций) не устраивали: кто не подходил по возрасту, кто по своим актерским данным, кто примелькался на экране… Я знала, что уже на выходе фильм „Весна на Заречной улице“, где главную роль превосходно сыграл молодой актер Николай Рыбников, и предложила пригласить в „Высоту“ его.

В то время существовала такая практика: актеров вводили в штат киностудии. Рыбников был „приписан“ к Одесской киностудии. Мы позвонили туда, и вскоре я встречала его в московском аэропорту. Имя Николай Рыбников уже набирало силу, но на поведении самого актера это никак не отражалось: одет скромно, держится просто – на всех он произвел хорошее впечатление. Он дал согласие сниматься, и с того момента весь подбор актеров был „под Колю“.

Перед „Высотой“ я работала на фильме „Первый эшелон“, в котором удачно были подобраны актеры класса эпизода: Хорен Абрамян, Владимир Поболь, Леонид Чубаров, младший брат Олега Борисова Лев Борисов… Со временем все они обретут известность. В „Первом эшелоне“ они играли целинников.

Прибыв всей командой в распоряжение А. Зархи, стали членами бригады монтажников-высотников, которой руководил Пасечник.

Фильм снимался на удивление легко. Не было никаких чрезвычайных происшествий ни на съемочной площадке, ни вне ее, в киногруппе. Я понимала тогда, а позже осознала более четко: это Рыбников создавал особую атмосферу вокруг себя.

Он не держался отъединенно, не требовал к себе, как к исполнителю роли главного героя, исключительного отношения. Никогда не был ни слишком веселым, ни чересчур мрачным. Был улыбчивым, добрым, расположенным к общению.

Наполненность его души, подобно глубокому колодцу, непрестанно пополняемому подпочвенными водами, не иссякала. Каждому артисту нужен хороший режиссер, Рыбников, в свою очередь, был хорошим актером для режиссера. Он не то чтобы добросовестно и профессионально грамотно выполнял его указания, а, получив импульс, действовал дальше самостоятельно. Цепочка получалась такая: импульс – реакция – рождение образа.

Съемки „Высоты“ проходили на одном из заводов в Днепродзержинске. По сценарию монтажники-высотники возводили домну. Декорации были построены на территории завода. Работал Рыбников без дублера. Съемки не всегда были комбинированные, так что опасность возникновения экстремальной ситуации была. Но Рыбников не боялся риска. Однажды на каком-то дубле он, забыв рукавицы внизу, съехал по канату без них. Естественно, содрал кожу на ладонях. Но – никаких жалоб, сам, говорит, виноват: сверху не докричишься, чтобы рукавицы принесли, а самому спускаться – время потеряем, и солнце уйдет.

Когда наступила осень, и надо было уезжать, решили заснять эпизод, где Пасечник взбирается на самый верх по мокрой конструкции, впрямую, без комбинированного монтажа. А холод, дует ветер, вдобавок ветродуй подключен. Настоящий ураган! Мы внизу стоим, волнуемся. Дрожим не столько от холода, сколько от страха за Колю. У меня в руках термос с кофе и коньяк для него, чтобы сразу, как спустится, согрелся. Он же – ничего! Слез и еще нас успокаивал.

Ведь какие трудности преодолевал, а создавалось впечатление, что роль эта была для него легкой. Вот сейчас он – Рыбников. А стоит надеть ему „брезентуху“ верхолаза – и уже он Пасечник. И тот и другой – настоящие.

Жила киногруппа в двухэтажном доме типа рабочего общежития. Состояла она в основном из молодежи. Этой молодежной компанией мы и проводили свободное время.

Индустриальный Днепродзержинск для развлечений был мало оборудован – мы развлекали себя сами. Как-то сходили в цирк. Еще было несколько культурных мероприятий. Коля, конечно, был с нами. Он принимал участие во всех розыгрышах, которые устраивали актеры.

Теперь я понимаю, что только по молодости можно было так разыгрывать Марину Стриженову, как они ее разыгрывали.

Жила Марина в маленькой угловой комнате с балконом, на втором этаже. Когда к ней приезжал Олег Стриженов, ее муж, ребята устраивали под этим балконом шумное веселье: пели серенады, что-то выкрикивали, громко смеялись – словом, допоздна не давали им спать… Как-то здорово напугали Володю Поболя – его вообще чаще других разыгрывали. На первом этаже стоял пустой шкаф. И вот, поздно вечером, когда Володя был на этаже один, он вдруг заметил, что из шкафа сквозь щели пробивается свет через короткие промежутки, будто кто-то там пыхтит сигаретой…

Так оно и было, но он-то не знал. И очень испугался.

Дурачились вовсю. Сговорившись заранее, могли весьма натурально (артисты ведь!) какую-нибудь сцену разыграть, чтобы подшутить над товарищем.

Чего не было – так это пьянок. Как ни трудно в это поверить, особенно сегодня.

Вспоминаю, когда я работала с чехами, которые снимали под Харьковом военные эпизоды своего фильма, ко мне обратились чешские актеры с вопросом, почему я не занимаюсь их досугом. Не об экскурсиях речь. Где лошади, спрашивали они? Бассейн? Теннисный корт? Везде принято заботиться об отдыхе съемочной группы, пожалуй, только у нас нет. Что прикажете делать нашим актерам в киноэкспедиции по вечерам? Или когда дождь зарядит на недели? Но на „Высоте“ в пьянстве никто замечен не был.

Из Днепродзержинска мы переехали в Ялту, где были съемочные павильоны, и какие-то эпизоды на натуре тоже доснимались там.

Как-то пришли ко мне встревоженные актеры и сказали, что Рыбников заперся в своем номере, пьет, на стук в дверь не отвечает и никого к себе не пускает. Переживает, видно.

Тут я узнала от них о его любви к Алле Ларионовой и поразилась: ведь сколько времени мы проводили вместе, о чем только не беседовали, а об этой своей боли он молчал. Он не был „распахнутым“ человеком. Ребята сказали еще, что надо что-то делать, что опасно оставлять его в таком состоянии одного, с его взрывным характером он способен на крайность…

Я помчалась к нему. На мой стук он откликнулся, но, как я ни

просила, двери не открыл. Я говорила ему какие-то слова, предлагала еду, призывала к здравому смыслу… Много времени прошло, пока он появился на пороге.

Уже в Москве, где завершалась работа над фильмом, в самый канун 1957 года Коля исчез. Такого еще с ним не бывало, чтобы ничего не согласовал, не предупредил. Значит, случилось что-то серьезное.

И вдруг звонок 2 января из Минска! Рыбников! Голос счастливый: „Эмма, поздравьте меня: я женился!“.

И сказал на ком. Но и без того было ясно, что на Алле Ларионовой.

Признаюсь, что-то царапнуло мое сердце. Оно помнило ту сцену в ялтинской гостинице, когда любимый всеми Коля был на грани отчаяния, причиной которому была она.

„Высота“ вышла на экраны. Наши дружеские отношения с Колей продолжались. Как-то он позвал меня в гости посмотреть на дочку. Жили они тогда напротив Елоховской церкви. Помню арку, небольшой дом во дворе. Я приехала к ним утром – наверное, и какое-то дело у меня было к Рыбникову.

Николай Рыбников и Алла Ларионова с дочерью. 1959 г.

Алла вышла в прихожую в легком утреннем халате. Она, видимо, только что встала.

Чуть заспанная, уютная. Светлые пушистые волосы, бело-розовое лицо, лучистые глаза, припухшие губы… Я поняла Колю: такая женщина может свести с ума!

…Я работала с Николаем Рыбниковым только на одной картине, и было это очень давно. Но впечатление о нем, как человеке и артисте, осталось на всю жизнь. Какие-то детали, конечно, стерлись. Но главное не ушло, а напротив – только высветилось в памяти с течением лет. Я определила бы это главное так: он был настоящий. Во всем».

Фильм «Высота» имел огромный успех. Вскоре после его выхода режиссер фильма Александр Зархи получил письмо из Ленинграда от своего коллеги Григория Козинцева с восторженным отзывом на картину.

«Дорогой Зархи! – писал Козинцев, – 30-го я с семейством отправился в кинотеатр „Великан“ смотреть „Высоту“. Мест нет. Потом – в другой. С тем же результатом. И только сегодня благодаря броне получил наконец билеты в кинотеатр „Огонек“, у Пяти углов. Картина мне очень понравилась. Отлично смотрел народ. Ахали, смеялись, умилялись. Что еще нужно? По-моему, настоящая удача, и слава богу! Вероятно, чего-то в картине недопоказано. Но я плохой критик. Так мало что нравится, что если уж понравилось, то неохота думать, что и как. Важно, что хорошо. Смотрел, волновался и все время чувствовал: смотрю человеческое, про людей».

«Высота» завоевала одну из первых премий на международном кинофестивале в честь VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Тепло приняли картину в Риме, где проходила неделя советских фильмов. Итальянские зрители рукоплескали Рыбникову, прибывшему в Италию в составе нашей делегации.

По опросу журнала «Советский экран» «Высота» признана лучшим фильмом 1957 года.

В 1958 году фильм представлял нашу кинематографию на Международном кинофестивале в Карловых Варах, где получил главную награду – Гран-при. Американские кинематографисты в разговоре с присутствовавшей на фестивале Инной Макаровой, игравшей в фильме Катю, сказали, что картина эта – о высоте чувств.

Песня Родиона Щедрина «Не кочегары мы, не плотники», которую напевал в фильме Рыбников, стала одной из популярных песен конца 50-х.

Многие удивятся, но петь на экране актер не любил. Другое дело дома, среди друзей.

– Люблю слушать музыку, – говорил он, – а петь не люблю. И не могу. В фильмах позволил себе недозволенное – стал петь. Причина одна: все в роли люблю делать сам.

После «Высоты» он получал письма, адресованные лично

монтажнику-высотнику Пасечнику, с просьбой дать совет, касающийся его специальности. Можно, конечно, посмеяться над простодушием их писавших. Но Рыбников не смеялся, он лишний раз убедился в том, что никакое перевоплощение не может заменить ощущения личности человека, которое приходит, когда актер постигает его дело, а не только перенимает профессиональный жаргон, жесты, походку персонажа.

– Сергей Аполлинарьевич Герасимов, – с благодарностью вспоминал он своего педагога в Институте кинематографии, – учил нас с уважением относиться не только к своему труду, к своей профессии, но и к профессии тех, кого играешь. В «Высоте» я стремился все делать сам. В «Девчатах» освоил бензопилу «Дружба». В «Кочубее» освоил верховую езду. Конечно, можно было взять дублера. Но тогда не будет ощущения профессии, и на экране появится неправда. (Даже при том, что ты играешь не профессию.)

В этом, по мнению Рыбникова, заключается и специфика кино. В театре можно поставить на сцене бутафорский станок или трактор, ходить вокруг него и разговаривать. А в кино такой номер не пройдет – там все надо делать по-настоящему.

– Глаза лесоруба, – говорил он, – это не глаза летчика-испытателя. И люди эти живут совершенно в разных внутренних ритмах.

Чтобы быть предельно достоверным в роли летчика-испытателя в фильме «Им покоряется небо», Рыбников попросил консультантов и руководителя группы разрешить ему побывать в испытательном полете на самолете-спарке. Ему разрешили. Однако на этот раз «вживание в образ» могло обойтись актеру очень дорого, во всяком случае, гораздо дороже, чем освоение бензопилы и верховой езды.

Только храбрый человек мог добровольно обречь себя на такой полет, а затем с самоиронией рассказывать о том, что он за те минуты пережил.

– Я вместе с одним из летчиков-испытателей поднялся в воздух. Передо мной укрепили кинокамеру, и режиссер попросил меня включить ее во время полета, снять себя на натуре, так сказать. Начали со штопора. Вошли в штопор. Мне стало не по себе. Особенно когда увидел приближающуюся землю. «Может, хватит?» – спрашиваю. Летчик засмеялся и взмыл вверх. На следующей фигуре я включил камеру. Когда проявили пленку, смотреть на меня было невозможно. Чарли Чаплину рядом нечего было делать. Не помню, но, кажется, метра три все-таки вошло в фильм.

Он играл, как и жил, храбро.

Он признавался, что еще и поэтому, из-за постоянной необходимости чему-нибудь учиться, постигать что-то новое не только из области актерского мастерства, он чувствует себя в своей профессии вечным студентом.

Слава посетила его с первых фильмов. Вместе с мешками писем с любовными и дружескими признаниями, вместе с толпой поклонниц и почитателей его таланта, зрителями, приветствующими его на кинопоказах и киноконцертах, где бы они ни проходили – в столице или в отдаленных уголках страны.

Ему присылали сценарии, его жаждали снимать в новых фильмах. Но, как правило, в ролях, которые он уже фактически сыграл в «Чужой родне», «Весне на Заречной улице», «Высоте»…

При всей своей известности предлагал и выбирал не он – ему предлагали, его выбирали. Вот она, извечная зависимость актера от всех. Тут бывает, что лучше не понравиться, чем понравиться.

Рыбников же всегда нравился режиссерам в роли труженика. Нравился кинокритикам и журналистам, не только, конечно, поэтому (актер он был настоящий!), но не в последнюю очередь и потому, что «рабочая тема» тогда поднималась на щит.

Сам Рыбников считал, вопреки всеобщему мнению, что здесь неудач у него больше, чем хотелось бы. Органика органикой, но с каждым разом все труднее избегать шаблона, накатанного пути. К примеру, он ставил себе в минус Пашу Гусарова из фильма «Девушка без адреса». Правда добавлял при этом, что комедии вообще не для него.

Он ощущал, что с течением лет «не для него» становятся роли рабочих парней: он вырос из них – в прямом и переносном смысле. Но неимоверно трудным оказалось сломать стереотип представления о нем как об актере, способном создавать на экране лишь определенный типаж.

Так и шло. Менялось время, а для Рыбникова менялись разве что профессии его героев. В восприятии зрителей он настолько слился с полюбившимся им киноэкранным образом, что чем дальше, тем труднее было вырваться из магического круга, очерченного однотипными ролями. В его ответах на вопросы кинозрителей, журналистов стала сквозить усталость, а то и тревога: люблю человека труда, искренне люблю, но что дальше?

– Так уж получилось, – чуть ли не сетует он в интервью корреспонденту газеты «Труд», – что в экранной жизни мне всегда приходилось быть бригадиром. В «Высоте» – бригадиром монтажников-высотников, в «Чужой родне» – бригадиром тракторной бригады, в «Весне на Заречной улице» – бригадиром сталеваров, в «Девчатах» – лесорубов, в фильме «Седьмое небо» – шахтопроходчиков.

Были, были, конечно, и роли другого плана. Даже главные.

В картине «Кочубей», по роману Аркадия Первенцева, он сыграл легендарного полководца эпохи Гражданской войны. Изображать на экране настоящего героя – это играть как бы один неизменный и неизменяемый «профиль» реально существовавшей исторической личности. Рыбников оживил этот образ. Какими-то деталями, «приспособлениями», как это называется у актеров. Придерживаясь своего правила все в фильме делать самому, научился лихо вскакивать на коня и держаться в седле при сумасшедшей скачке, стрелять.

В двухсерийной киноэпопее «Две жизни», тоже на историко-революционную тему, он сыграл Семена Вострикова, прошедшего путь от рядового царской армии до советского генерала.

Кадр из кинофильма «Высота». 1957 г.

«Как говорят верхолазы, на высоте и воздух чище, и начальства меньше».

(из к/ф «Высота»)

Среди пятидесяти ролей Николая Рыбникова – Василий Денисов в «Войне и мире», капитан Тарасенко в «Нормандии – Неман», три разноплановые роли в фильме «Разбудите Мухина».

В фильме режиссера Константина Воинова «Дядюшкин сон», по одноименной повести Достоевского, Рыбников сыграл одну из

ведущих ролей – Павла Мозглякова, обывателя уездного городка Мордасова. Персонаж этот, комедийный (точнее, с претензией на юмор и остроту) и в то же время вызывающий отвращение (Мозгляков жаден), был, конечно, не во вкусе Рыбникова. Но в трагикомической истории о том, как непомерная алчность обернулась жестоким надругательством над человеком, было что играть. И Рыбников-актер блеснул здесь до того скрытыми для зрителя гранями своего дарования.

Многогранность своего таланта ему пришлось доказывать, тогда как уже в институте никто не сомневался в широком диапазоне его актерских возможностей: от Дон Жуана и Жюльена Сореля – до «мощного властелина судьбы», «державна полумира» Петра I…

Однако… однако нельзя не признать справедливость того, что в историю отечественного кино он навеки вписал не типаж, нет, а рабочего человека, своим духовным строем и мироощущением олицетворившего свое время.

Но все дело в том, что сам Николай Рыбников – не Саша Савченко, с которым его упорно отождествляют. Как Бабочкин – не Чапаев, Ульянов – не Жуков, Петр Алейников – не Ваня Курский.

Здесь имеет место некая аберрация зрения, для актера не безобидная. Был такой фильм – «Опасное сходство». Так вот, и это сходство – опасное.

Рассказывают, к примеру, что, когда Алейников появился перед зрителями в роли Пушкина (которого, кстати, он играл превосходно), зал встретил его добрым смехом. Еще бы: переодетый Ваня Курский!

Ульянов вынужден был всем терпеливо объяснять, что он не маршал Жуков, что он совсем другой.

(Я, имевшая счастье долгое время общаться с Михаилом Александровичем, подтверждаю: при всех его высоких театральных постах – никакого маршальского жезла в руке.)

У Рыбникова схожее с Савченко есть: Николай был старшим братом в семье, воспитывал младшего, помогал матери, рано пошел работать… Но дальше их «пути» расходятся. Это не в упрек замечательному парню Саше Савченко, а к вопросу о тождестве героя и актера.

О том, каким был Николай Рыбников, рассказывает его близкий друг Олег Исаакович Чертов:

«Я познакомился с ним в 1952 году, когда он только что окончил ВГИК и еще не был знаменит.

Я жил тогда на Новорязанской улице, увлекался шахматами и ходил играть в шахматный клуб сада им. Баумана. Однажды, это

было воскресенье, я пришел в клуб, расставил фигуры на доске в ожидании партнера, и тут появился в комнате какой-то молодой человек. Поздоровался, постоял немного в нерешительности и спросил:

– Можно, я сыграю с вами?

– Пожалуйста, с удовольствием!

Мы представились друг другу, и он объяснил, что приехал к девушке (девушкой той была Алла Ларионова, жившая неподалеку, – конечно, в тот раз ее имя названо не было), но ее не оказалось дома. За разговором выяснилось, что он тоже одержим шахматами, что в своем родном городе Сталинграде он был чемпионом среди юношей по шахматам.

Я и подумать не мог, что это случайное знакомство за шахматной доской с Николаем Рыбниковым перерастет в большую, на всю жизнь, дружбу».

Я еще не раз обращусь к воспоминаниям Олега Чертова. С этого же начала для того, чтобы читатель почувствовал в Рыбникове человека незаурядного интеллекта. При всей своей занятости Рыбников, об этом тоже свидетельствует Чертов, очень много читал. Так что кто такой Блок, он знал – опять же, к вопросу о тождестве актера и героя.

Он обладал знаниями во многих областях, многим увлекался. Часами просиживал за шахматной доской. Его интересовали космос, астрономия, космические полеты. Снявшись в фильме «Хоккеисты», стал заядлым болельщиком хоккея (помимо футбола, естественно), в дни матчей пропадал на стадионе. Одним из первых привез из-за границы кинокамеру, освоил ее и, не жалея сил и времени, без конца снимал близких, особенно дочерей, и друзей. За границей прежде всего покупал книги – себе и друзьям в подарок, собрал богатую домашнюю библиотеку. Знал, какие в какой стране музеи, и не пропускал возможности их посетить. И вообще, если уж чем увлекался, стремился доходить в этом деле, говоря словами Пастернака, «до самой сути».

Как всякий талантливый человек, был азартен. Актриса Клара Лучко рассказывала, что как-то пребывание группы наших киноактеров, в составе которой был и Рыбников, на Кубе совпало с проходившим там чемпионатом мира по шахматам – и Николай был потерян для общества. Ни о чем другом он думать не мог: его мысли были там, где проходила игра.

И еще она же, Клара Лучко, называя имена обаятельных, по ее мнению, актеров – Жарова, Алейникова и других, в завершение сказала:

– А в мое время – Коля Рыбников.

Человеческое обаяние… Голос, интонация, улыбка, взгляд,

жест, молчание – и тончайшие струны вдруг отзываются в твоей душе. Откуда все это? И невидимые струны, и то, на что они отзываются, – непостижимое, неопределимое. «Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать», – говоря словами поэта.

Слышала, что душу сумели взвесить. «Взвесить» же обаяние, по-моему, все равно что в чашку облако собрать.

Кто-то сказал: обаяние – это умение заразить других своим внутренним миром.

На этом определении и остановлюсь, тем более, что оно применимо «в случае Рыбникова» и хоть немного приоткрывает тайну его мужской и просто человеческой притягательности.

И все богатство души своей, свой талант, все свои умения и увлечения, все-все он отдал «глазам-небесам», любимой своей глазам.

Этот бесценный дар она сумела принять.

Вместе

Всеми признанная красавица, москвичка, светская львица и простой парень из провинции – не только скептики сомневались в долговечности их брака.

Он, любивший ее еще со студенческой скамьи, – и она, только что пережившая личную драму.

Одни из самых популярных киноактеров послевоенного времени, у обоих съемки, а значит, постоянные разлуки, новые встречи на пути, поклонники – у нее, поклонницы – у него. Не разрушится ли под грузом всего этого семейная жизнь?

Николай сказал: «Аленка, я однолюб, и кроме тебя, для меня никого нет».

Такая «безоговорочная капитуляция» редко сходит с рук любящему человеку, и он знал, на что шел. Трудно любить красивую женщину, страшно не удержать свою одну-единственную любовь, потерять ее равносильно смерти. Но он был настоящим мужчиной и легкого счастья не ждал.

У испанского поэта Антонио Мачадо есть прекрасные строки:

Страшись любви, спокойной и нешумной,
Любви без риска, слепоты, ожога,
В которой ждут надежного залога, —
Что есть разумнее любви безумной!

Алла Ларионова и Николай Рыбников в студенческие годы.

Он влюбился в девушку с роскошной косой и синими глазами, едва увидел ее в коридоре ВГИКа. Она сидела и плакала, ведь в приеме ей отказали. Узнав от товарищей причину слез, Коля Рыбников ворвался в кабинет Сергея Герасимова и с порога заявил:

«У меня к вам мужской разговор. Примите Аллочку Ларионову на мое место. Я к вам на следующий год поступлю!»

Был и риск, и слепота, и ожог… Обжигала, говоря словами другого поэта, «стоградусная ревность», вечная спутница безумной любви.

Да, ревность была, но она не стала проблемой их жизни. Ларионова тоже умела любить, знала, что такое ревность, а их союзом с Рыбниковым дорожила не меньше, чем он.

Мечта многих мужчин, женщина, в которой не было будничности, неба в которой было больше, чем земли, отвечая на вопрос, что такое любовь в ее понимании, нашла точные, простые, даже обыденные слова. Любовь, сказала она, – это когда долго общаешься с человеком, и он тебя ничем не раздражает.

Как раз в то время, когда Рыбников с Ларионовой поженились, я случайно встретила ее в женской консультации. Мы сидели у кабинета врача. Она была на последних месяцах беременности и очень располнела. (Беда большинства русских

женщин: хоть голодом себя мори, что, впрочем, для ожидающей ребенка еще вредней, а лишние килограммы неукоснительно множатся и множатся.) Вид у нее был безрадостный.

Мы разговорились. Посетовали на рьяную заботу медиков о здоровье будущих мам, которые по их милости должны были чуть ли не с головой уйти в свой живот. Им не давалось ни дня покоя: постоянные анализы, прослушивания, выстукивания, измерения, исследования, посещение врачей-специалистов, занятий по обезболиванию родов (да-да, именно так: считалось, что женщине больно потому, что она не знает, что происходит в ее организме), угрозы положить в больницу… Зато сегодня, думаю я, государство не досаждает своим гражданам заботой о материнстве и младенчестве, да и о здоровье вообще. То самое – «потерявши, плачем…».

Ларионова призналась, что боится родов. Она впервые улыбнулась, когда я дала ей «рецепт» избавления от этого страха, придуманный и опробованный моей подругой. Она, будучи в положении, ходила в ГУМ, поднималась на второй этаж, смотрела сверху на людской муравейник и говорила себе: «И всех родили!».

…Года через четыре в литфондовском детском саду на Аэропортовской, куда мы водили свою дочь, я увидела очаровательную Алену Рыбникову и однажды – Николая Рыбникова.

Ларионову в жизни мне больше увидеть не довелось.

Я увидела ее на экране на следующий после нашей встречи год в роли Анны Сергеевны Одинцовой в фильме «Отцы и дети», по роману Тургенева. Она была великолепна по-прежнему. А главное – в отличной форме. И талант ее не потускнел после вынужденного перерыва в работе.

Свидетель тех лет ее жизни Николай Яковлевич Ларин, тот самый Коля Ларин, который познакомился с Ларионовой после премьеры фильма «Анна на шее», рассказывает:

«Я долго не видел Аллу и вдруг встретил ее в театре. Она прекрасно выглядела. Я спросил, как она живет. „Очень хорошо, – сказала она. – Поздравь меня, Коля, я вышла замуж. За Николая Рыбникова. И еще я стала мамой“. Она дала мне свой телефон и пригласила в гости.

Человек молодой и вроде ничего себе внешне, я, наслышанный о вспыльчивости Рыбникова, взял с собой во избежание недоразумения свою приятельницу. К тому времени семья Ларионовых получила на всех – мать, отца, старшего брата Аллы Владимира с женой и двумя детьми, Рыбниковых с маленькой Аленой – трехкомнатную квартиру в Аптекарском переулке.

Не без внутреннего трепета нажал кнопку звонка.

Дверь открыл улыбающийся Николай, он просто излучал счастье. Поняв, что с лестницы спускать не будут, я представился. „Проходите, проходите! Мы вас ждем“.

Молодая мама была выше всяких похвал. Нам показали очаровательную пухленькую Алену. Пригласили к столу. Алла познакомила нас со своей мамой Валентиной Алексеевной.

В этом доме царили лад и любовь. Возилась с внучкой и хлопотала по хозяйству в основном мама Аллы. Первым помощником у нее был Николай. Я отметил, что теща очень хорошо относится к зятю. Кроме как „Коленька“, я иного обращения к нему не слышал. Позже мне нередко приходилось наблюдать, да и Алла, смеясь, жаловалась, что мама в разных спорах брала сторону Николая и порицала ее, свою дочь.

С этого далекого теперь дня началась наша дружба. Ничем не омраченная, никем из нас не преданная.

Недолго пожив в Аптекарском переулке, Рыбниковы купили трехкомнатную квартиру в кооперативном доме кинематографистов возле метро „Аэропорт“. Здесь они сдружились со своими соседями: Ириной Скобцевой и Сергеем Бондарчуком, Музой Крепкогорской и Георгием Юматовым. Здесь продолжилась их институтская дружба с Ниной Гребешковой и Леонидом Гайдаем. Нередкими гостями их были Нонна Мордюкова и Слава Тихонов, ближайшая подруга Аллы Рита Гладунко.

Утраты будут потом, а тогда об этом мало думалось. В 1961 году у Рыбниковых родилась Ариша. Жили они счастливо: росли дочки, была любимая работа, их окружали друзья. Они умели устраивать праздники и себе и другим. То возьмут меня в Дом кино, то пригласят в театр, то мы все вместе, с детьми, поедем на машине за город.

С рождением второго ребенка в квартире стало тесно. Им разрешили купить сдвоенную пятикомнатную квартиру в новом доме в Марьиной Роще. Квартира была метров сто и с камином, о котором они мечтали.

Рыбников обладал редким кулинарным талантом и без устали совершенствовал его. Накануне 19 февраля, дня рождения Аллы, он ездил на рынок, покупал баранью ногу, шпиговал ее чесноком и запекал. Это было фирменное блюдо. Еще Коля любил пельмени. Тесто и начинку делал непременно сам, начинка получалась вкусноты и сочности необыкновенной. А лепили пельмени все, включая гостей, для чего их приглашали на час раньше и снабжали каждого сшитым заранее фартуком. В городских условиях Рыбников искусно солил огурцы, помидоры,

грибы, квасил капусту, используя в качестве подвала гараж.

Их дом был открыт для людей, и вовсе не обязательно для знаменитых. Кого я у них не встречал, так это „нужных людей“. Министр культуры Фурцева как-то сказала Алле: „Голубоглазенькая (так она ее называла), пригласите меня к себе на сабантуйчик!“. Алла все свела к шутке. Она представить себе не могла столь высокую персону у себя в доме, среди всех своих, тон общения с ней, ну и многое другое.

Зато, если надо было „предъявить лицо“ какому-нибудь большому чиновнику, чтобы помочь ближнему, они этот шанс не упускали, пользовались своей известностью. Друзьям помощь предлагали, не ожидая просьбы.

Мы с мамой жили в двухкомнатной коммуналке в четырнадцатиметровой комнате. И вот освобождается вторая, в 20 метров. Я подал заявление в администрацию завода, где я работал (дом был ведомственный), чтобы мне разрешили взамен моей занять эту комнату. И хотя у меня на это были все основания – мать больная, отец погиб, на заводе я проработал 30 лет – мне отказали. Алла сразу заметила мое подавленное настроение. Узнав, в чем дело, сказала: „Сегодня же узнай, когда принимает начальник вашего райжилуправления, и сообщи мне“.

А принимал он буквально на следующий день, с утра. „Приезжай к девяти ко мне, – приказала Алла. – Поедем к нему на прием“. Я начал было ее отговаривать – я знал, что ложится спать она поздно и раньше одиннадцати не поднимается. „За меня не беспокойся. Жду!“ – был ответ.

В девять она была уже при марафете, и мы отправились в присутствие. Думаю, не надо описывать, как ее там встретили. Нас провели в кабинет начальника райжилуправления. Представив меня ему как своего двоюродного брата, Алла изложила суть дела. Через несколько дней все решилось в мою пользу.

…А вернувшийся со съемок Рыбников, вместо того чтобы похвалить, отругал нас с Аллой как следует. „Ну, молодцы! Ну, ловкачи! Умеют дела устраивать! Два дурачка вы, а не герои! Даже не попытались всю квартиру отвоевать! Теперь поздно, упустили момент. Жаль, меня в Москве не было“.

Я знал много актерских пар, живших в любви и согласии. Но такой семьи, как у Рыбниковых, такой любви, какая была у Николая с Аллой, я не видел ни у кого. И таких простых в общении, при всей их славе, сердечных и отзывчивых, как они, людей тоже не встречал».

Бывавший у Рыбниковых в доме Иосиф Кобзон говорит то же самое: «Я очень любил эту семью. В компании обычно наши

примадонны сидят с сигареточкой, с рюмочкой, никто не встанет, не позаботится ни о чем. Алла же, когда мы собирались компанией, носилась на кухню, убирала со стола, делала бутерброды, меняла тарелки. Она любила ухаживать, ей нравилось, когда все довольны, улыбаются, говорят спасибо… Улыбка у нее не сходила с лица. Мне казалось, что эта женщина не имеет никаких проблем в жизни. А их у нее было очень много».

Иосиф Кобзон с Аллой Ларионовой и ее подругой.
1960-е гг.

Они прожили вместе тридцать лет и три года. Так пишется и в сказках. Хорошо жили. На этом сходство со сказкой, пожалуй, и кончается. Потому что жили они не в сказочном, а в реальном мире, с его радостями и горестями, надеждами и разочарованиями, добротой и жестокостью, обретениями и утратами.

Счастье не свалилось на них «по щучьему велению», они построили его сами.

В стихотворении Евтушенко «Не возгордись» есть печально-мудрое пожелание: «Умей любить, когда ты нелюбим».

Какое горькое уменье! Горькое еще и потому, что наш душевный и жизненный опыт показывает, что редко кого этим уменьем владеющего ожидает награда – ответная любовь.

Рыбников был вознагражден. Его полюбила та, на которой для него свет сошелся клином, без которой он не мыслил своей

жизни. И если поначалу то была любовь-благодарность, то вскоре она превратилась в настоящую любовь, сделавшую нерасторжимым их союз.

Не знаю, кого как, а меня далеко не все пожизненные браки приводят в восторг, не все воспринимается как объект для подражания. Бывает, что супруги эмоционально не развиты и просто не способны на большое чувство, могут дозировать его, переживать «в рассрочку». Таким ничего не приходится ради любви преодолевать, приносить на ее алтарь жертвы. Чем же тут восхищаться? Что ставить в заслугу? Умение не терять голову? Так и повода для этого не было – не ударяла молния, не уходила земля из-под ног, не поражал амок… Эти «неостаросветские помещики» законопатили свое семейное гнездышко от проникновения свежего воздуха – иному впору задохнуться.

«Семейное гнездышко», умилительные кошачьи мордочки, растиражированные сердечки, парочки в обнимочку, целующиеся голубки… Было время, когда все эти атрибуты любовного томления считали мещанством, пошлостью. Кто-то правильно сказал, что пошлость – это говорить высокими словами о низком и низкими словами о высоком.

Кстати, о птичках. Орнитологи недоумевали, почему голубя, одну из самых вздорных и эгоцентричных птиц (голубок, к примеру, пока не насытится сам, отгоняет «милую голубку» от корма), сделали символом мира.

Хорошо, конечно, если муж и жена прожили в любви и согласии до глубокой старости – среди других людей, не замыкаясь в мирке лишь собственных интересов, не отгораживаясь от всех глухим забором. Долгожительство же иных пар вызывает в моем воображении такую символическую картину.

…В бушующем море терпит крушение огромный, как «Титаник», вселенский семейный корабль. Наши «голубки» – в заранее припасенной на этот случая лодке. Муж налегает на весла. Вокруг тонущие люди, молящие о помощи. Кто-то цепляется за борт… И получает удар веслом по пальцам. Прочь! Семейная лодка может опрокинуться. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Боливар не выдержит двоих. Несчастье заражает…

Рыбникова и Ларионову объединяла большая любовь. Она проявлялась не только в словах, хотя и в них тоже (помните, у поэта: «Говорите о любви любимым…»), но во всем. Настоящая любовь – это не значит безмятежная, без трудностей и переживаний. Напротив, еще Бунин сказал, что всё и все, кого мы любим, есть наша мука, – чего стоит один этот вечный страх потерять любимого!

У них была хорошая семья, что тоже не значит, что беспроблемная. И – не гнездышко и не крепость, а теплый человеческий дом, открытый для людей. С голосами детей, с веселыми застольями, с щедрым русским угощением, с домашними соленьями и вареньями, с дружескими сидениями и беседами заполночь. Здесь в цене было чувство юмора, остроумный анекдот, веселый розыгрыш, незлое подкалывание друг друга. Рыбников любил поесть, не без возлияния, естественно. Алла почти ничего (диета!) не ела, но из компании не выбивалась. Выходила на балкон курить и оттуда участвовала в общем разговоре.

Они были очень разные, но это не вело к столкновениям, потому что они оба умели любить.

Рыбников – человек порыва, увлекающийся, взрывной. Она – более рациональная, умеющая сглаживать острые углы, налаживать мосты. Его вспышки она гасила улыбкой, ласковым жестом, терпением. Не возникала, как говорится, по каждому поводу.

Он ходил на хоккей и футбол, был фанатически одержим шахматами. Она не разделяла его увлечений, но уважала их. Хоккей и футбол, если вдруг возникало желание, смотрела по телевизору, к шахматам относилась прохладно. И никогда это не было поводом для ссор. Она его не «пилила».

Она ложилась спать очень поздно и поздно вставала. Типичный «жаворонок», он рано утром был уже на ногах. Но это не было поводом для перевоспитания друг друга. Они вообще друг друга не перевоспитывали.

Не в пример другим семейным парам они редко «выясняли отношения». Выясняют плохие отношения, в любви – объясняются.

Когда в период своей востребованности в кино Ларионова собралась рожать второго ребенка, подруги-актрисы ужасались: «Ты с ума сошла! Слетишь с орбиты, потеряешь роли! Сколько времени пройдет, пока опять войдешь в форму!». Она не спорила, а только говорила: «Коля очень хочет ребенка». Большой подвиг для актрисы, кто понимает.

Он был главный по хозяйству, она – «по технической части», а также по украшению дома. О чем вечно спорили, так это о том, кому вести машину. Чаще уступал он.

Она любила заниматься собой. Его, в отличие от большинства мужей, это ничуть не раздражало. Он оберегал ее, все заботы старался брать на себя. Потакал ей во всем. Дарил драгоценности, дорогие шубы. Радовался ее радости.

К его пятидесятилетию она стала готовиться задолго:

задумала сервировать стол исключительно хрусталем. Чтобы все сияло и сверкало! Чтобы был незабываемый праздник! Чтобы порадовать Колю.

Они много снимались. Им приходилось часто расставаться, покидать свой дом. С того момента, как они поженились, до начала семидесятых – фактически ежегодно, и по нескольку раз. Что, как это часто бывает, укрепляло их брак: они скучали друг по другу, отчего по-особенному ценили время, которое проводили вместе. «При первой же возможности мы мчались друг к другу и к нашим дочерям… Честно говоря, я не понимаю, как это люди могут быть все время рядом: и просыпаться вместе, и в отпуск вместе. Вот тут и сковородкой можно огреть», – делилась опытом своей семейной жизни Ларионова в одном из интервью.

Им было куда возвращаться. Это так важно, когда есть на свете дом, где тебя любят и ждут, дети, в которых, а не только в твоей работе, смысл твоего существования, родные и друзья, которые рядом с тобой и в радости, и в горе.

…Счастье и боль – дети, дочки Алена и Арина. Боль потому, что они, родители, не имели возможности быть с ними столько, сколько хотелось. Когда дочки выросли, Ларионова как-то с горечью сказала, что теперь поздно додать им то, что недодано в детстве, – она имела в виду постоянное, изо дня в день, общение с ними.

В этом отношении актеры театра в более выгодном положении: они могут брать своих детей с собой на работу, в гастрольные поездки, проводить с ними отпуск. По киносъемкам, по выступлениям в разных городах страны детей не очень-то потаскаешь, отпуска в привычном его понимании у киноактеров нет.

Алена и Арина росли под присмотром бабушки. Не представляю, что бы мы делали без мамы, не уставала повторять Алла.

Чтобы дочки не забывали родителей, Валентина Алексеевна показывала на висевшие на стене портреты, напоминая: это – мама, это – папа. Однажды, рассказывала Ларионова, она сидела с трехлетней Аришей в детской поликлинике. Увидев портрет на стене, малышка радостно закричала: «Это – папа!». С портрета смотрел Никита Сергеевич Хрущев.

…Я сижу в уютной, сияющей чистотой однокомнатной квартирке Алены Николаевны Рыбниковой и слушаю ее рассказ о детстве, о родителях, их окружении, об атмосфере в доме, в котором она выросла. Время от времени я задавала ей наводящие вопросы, отметив про себя, что она абсолютно не хвастлива, иные детали из жизни ее семьи считает малозначительными, иные и

вовсе никому не интересными. Мне же было дорого все. Слушать Алену было приятно, потому что, как это часто бывает, голос дочери похож на голос матери, да и во внешности что-то общее.

Алла Ларионова с детьми. 1960-е гг.

«Мы с младшей сестрой Ариной, конечно, не воспринимали маму с папой как знаменитостей – они были для нас обыкновенные родители. От многих других семей наша отличалась тем, что их мы видели редко. Я, особенно маленькой девочкой, почти не помню их в домашней обстановке.

Постоянно с нами были бабушка и няня. Няни менялись. А бабушка была всегда при нас. Она очень нас любила, но воспитывала в строгости. Была справедливая, хозяйственная, управлялась со всем. Уборка, готовка, стирка – все на ней держалось. Как поселились мы в доме на улице Черняховского, бабушка переехала с нами и с тех пор у нас и жила.

В детский сад ходила и пошла в школу я там, но то время помню не так отчетливо, как нашу жизнь в Марьиной Роще. Когда мы въехали в новый дом, вокруг него были сплошь старые деревянные дома, с двориками, сараюшками, огородиками. Петухи пели, куры бегали, всякая другая живность. Квартира была на восьмом этаже. С балконов можно было обозревать всю окрестность.

Когда родители были в Москве, много времени они проводили с нами. Одно из самых ранних воспоминаний: мама ведет „Волгу“, мы с сестренкой на заднем сиденье всю дорогу возимся, шалим, кувыркаемся, мама лишь улыбается, глядя на нас в зеркало. В машине смешанный запах духов и бензина.

С малых лет нас брали в гости. Мы ездили к Бондарчукам. Тетя Ира – моя крестная, а моя мама – крестная Алены Бондарчук. Взрослые вели свои беседы, а мы, конечно, находили себе занятие, играли, веселились. Помню еще грудного сына Бондарчуков Федю. Бывали мы у маминой подруги тети Риты Гладунко, она очень вкусно нас кормила, знала, кто что любит. Ездили в наш бывший дом на улице Черняховского – к Крепкогорской и Юматову. Да много еще к кому.

Нас возили за город, гулять в парк – в ближайший, Останкинский, или в Измайловский, тогда к нам непременно присоединялся папин друг Олег Чертов, живший неподалеку. Это был настоящий праздник – аттракционы, беганье по аллеям, валянье на траве – папа тоже принимал во всем этом участие. А еще – буфет, лимонад, кажется, и кока-кола уже была, пирожные…

Мы с Аришей обожали разные праздники. Мама с папой – тоже. Мама любила хрусталь, красивую посуду, всегда привозила их из поездок. Накрывался стол. Какие блюда подавались – не сказать! Папины разносолы – обязательно. У мамы были свои коронные блюда – ее „нехозяйственность“ здорово преувеличили.

Она делала, к примеру, замечательную грибную икру – из обыкновенных, так называемых „черных“ сушеных грибов. Или салат „Мао Цзэдун“. Почему он так именовался – загадка. Может быть, потому, что одним из его ингредиентов был рис. Огромная салатница пустела очень быстро.

Нашими гостями, как и самыми близкими друзьями родителей, были вовсе не только знаменитые люди. В доме в любое время были рады дяде Коле – Николаю Яковлевичу Ларину, дяде Олегу – Олегу Исааковичу Чертову, папиному бессменному партнеру по шахматам, как только выдавалось время, благо работал он напротив нашего дома. Родители помнили и любили друзей детства, юности, всегда радовались, когда те звонили и заставали их в Москве, и тут же приглашали их в гости. Начинались хлопоты, в которые включалась и бабушка, папу снаряжали в магазин – всегда надо было что-то подкупить, мама спешно приводила себя в порядок, а потом помогала накрывать стол.

Как-то произошел смешной случай. Папа затеял шашлыки. Жарит это он их в камине, колдует над ними, поворачивает шампуры… Вдруг раздаются настойчивые звонки в дверь. На пороге пожарные. Вы, говорят, горите! Нас вызвали тушить пожар. Нет, возражает папа, вроде не горим и никого не вызывали. А жили мы на восьмом, последнем, этаже, и дым из камина выходил прямо в трубу. Нам-то не видно, а снаружи заметили валивший из трубы дым, подумали, что горит крыша.

Нас с сестрой, если что мы делали не так, ругала бабушка. Чтобы ругали родители – не помню этого. Они действовали другими методами. Чтобы, к примеру, улучшить наши отношения со школой, где мы учились, они организовали там концерт, в котором участвовали их друзья: Нонна Мордюкова, Людмила Гурченко, Георгий Вицин, еще кто-то, к сожалению, уже не помню, кто именно. Папа с мамой, конечно, тоже выступали, даже пели. На концерт сбежалась, можно сказать, вся округа, зал был битком набит.

Маленькой девочкой я снималась в кино. Съемки одного фильма – „Им покоряется небо“ – хорошо помню. Режиссер Лиознова работала со мной и папа. Он и в фильме был моим папой, а мамой – Светличная. Для меня съемки были просто развлечением. Рядом с нашими были павильоны, в которых снимали „Королевство кривых зеркал“, и с двумя девочками, которые там играли, мы носились по всем павильонам – я их к себе приглашала, они – к себе.

Сниматься мне понравилось, но я все-таки не захотела быть актрисой. И родители не настраивали меня на это. Я не смогла

бы, как они, – все время на колесах. Приезжают вымотанные и вскоре опять уезжают. В те несколько дней, что они в Москве, в доме суета, беготня, волнение. Отец по химчисткам носится. Мама едва успевает привести себя в порядок. Бабушка на подхвате… А когда у мамы возникал перерыв между съемками, это ее тяготило, она не знала, куда себя деть.

Я видела, конечно, положительные стороны актерской профессии. Благодаря съемкам, показу фильмов, в которых они играли, выступлениям в концертах, родители несколько раз объездили Советский Союз из конца в конец, были во многих зарубежных странах, причем одними из первых. Отец снимался в польском фильме „Плечом к плечу“, за что получил даже какую-то награду. Мама, помню, летала в Индию – с картиной „Молодые“. Отдыхать за границу тогда никто из простых смертных не ездил, пребывание там так или иначе было связано с работой. Впрочем, однажды они таки поехали сами по себе – в Италию, на машине. Это было событие!

Ну а отрицательные стороны профессии киноактера – на виду: зависимость от всего и всех, себе не принадлежишь, работа на износ.

Надо очень любить это дело. А меня, как, впрочем, и сестру, в актрисы совсем не тянуло, вот что главное.

После окончания школы я пошла работать на телевидение, монтажером в информационную программу первого канала „Время“, точнее, в отдел монтажа главной редакции „Новости“. С тех пор там и работаю. Теперь я режиссер монтажа. Работа очень интересная, живая, я всегда в самой гуще событий. Бывает, днюю и ночую на студии, когда готовим утренние информационные выпуски. Устаю, конечно, но зато все новости я узнаю из первых рук и одна из первых. Монтируем, как правило, „с колес“. Рядом высокие профессионалы своего дела, интересные люди, хочешь не хочешь, и сама не стоишь на месте.

Очень удобно, что живу я рядом с телецентром. Сюда, в район ВДНХ, я переехала очень давно. Со светлым чувством я вспоминаю нашу квартиру в доме в Марьиной Роще. Нам, детям, там было особенно хорошо. Но ностальгии не испытываю: там умерли папа, бабушка, тот жизненный этап кончился.

Мама с Ариной какое-то время еще жили там. Но однажды, когда мама была одна, у нее случился приступ аппендицита. Она сама вызвала „Скорую помощь“, собралась в больницу, оставила внизу, в магазине, ключи с запиской для Музы Крепкогорской, и ее увезли. Ей сделали операцию, через некоторое время еще одну… Она не жаловалась, она была сильным человеком и никого не хотела напрягать. Но было ясно, что ей надо оттуда переезжать

– поближе ко мне или к подругам.

Квартиру разменяли на две двухкомнатные, и мама стала жить в Банном переулке, близ проспекта Мира, рядом с близкими подругами – Светланой Аркадьевной Павловой и Татьяной Ивановной Роговой. „Три сестры“, шутя, говорили они о себе. Дом был девятиэтажный, и вовсе не „хрущоба“, как у нас писали. Вообще, о маме было нагорожено столько небылиц, и при жизни, и после ее смерти. Она сама не опровергала их, считая недостойными внимания. Когда друзья, возмущенные ложью, уговаривали ее все-таки написать опровержение, она возражала им: „Что толку? Статья чуть ли не на полосу, а опровержение где-то на последней странице, набранное мелким шрифтом, никто и не прочтет“.

Правоту мамы, вернее беззащитность перед клеветой, мы все ощутили, когда вскоре после ее похорон в прессе появилась статейка некоего Владимира Скворцова, в которой что ни строчка, то ложь и грязь

Но не хочу об этом. Главное – какой мама осталась в памяти у всех, кто ее знал. Они с папой были светлые люди, и все вспоминают их только смеющимися».

Николай Рыбников и Алла Ларионова в семейном кругу.
1960-е гг.

…Я слушаю Алену, разглядываю дорогие ей реликвии, оставшиеся от родителей и бережно ею хранимые, и она все больше и больше нравится мне.

Людмила Гладунко правильно сказала: «Как хорошо, что у Аллы и Николая есть наследницы. Когда остаются дети, память о родителях не умирает. Если же даже известные актеры одиноки, память о них умирает преждевременно».

Алена помнит все даты, связанные с жизнью родителей, в

день рождения каждого собирает их друзей и вообще не теряет с ними связь. Надежный человек, опорный, как называли таких раньше.

Формула жизни

Формула жизни у Николая Рыбникова была – любимая женщина, любимая семья, любимая работа.

– Наверное, главным в муже для меня было то, что он однолюб, – сказала в одной из бесед Ларионова. – Я всегда была для него лучше всех.

Рыбников не просто любил – он боготворил ее. Всю жизнь!

Даже когда она стала его женой и была рядом, он все равно не мог найти покоя, мучился, сгорал от ревности. Бросался на каждого, если ему показалось, что тот задел ее честь. Нередко действительно ему это только казалось. Ларионова нравилась многим мужчинам, он понимал это, видел, что в том не ее вина. Но разум не мог совладать с чувствами.

«Однажды в какой-то праздник, то ли 7 ноября, то ли 1 Мая, – вспоминала Ларионова, – друзья пригласили нас с Колей на юбилей свадьбы, который устраивали в „Праге“. Мы сидели в отдельном банкетном зале. И вдруг кто-то говорит, что в общем зале сидят Гагарин и Титов с женами и отмечают праздник. Мой Коля тут же навострил лыжи, ну а как же… И тут же приволок их, конечно, к нам. Кончилось тем, что уже все разошлись, а они с женами и мы вдвоем с Колей сидели в каком– то уютном уголке и рассказывали анекдоты, чего-то выпивали. И тут Гагарин в шутку, наверное, стал требовать у Коли: отдай мне Алку, отдай мне Алку…»

Не наверное, а, конечно же, в шутку он это говорил. Но Рыбникову, думаю, было не до шуток.

…К моменту, когда они поженились, слава их была в зените. Сегодня их назвали бы «звездной парой». Тогда такое определение еще не вошло в обиход (разве что в фигурном катании).

Это была самая знаменитая, популярная и любимая зрителями актерская пара. Появлялись они где-нибудь поодиночке, а тем более вдвоем, и им не давали ни проходу, ни «проезду». Их осыпали цветами, просили автографы, поднимали машину, в которой они сидели. Бывало, конная милиция разгоняла толпу, чтобы дать им пройти. Когда они жили в гостинице в Краснодаре, перед подъездом денно и нощно толпились их почитатели – Ларионовой и Рыбникову приходилось покидать гостиницу через кухню ресторана. А в Тбилиси их машину несли на руках целый квартал.

Их забрасывали письмами. Ларионова рассказывала, что особенно много их было от уголовников. Я, видимо, смеялась она,

была их самой любимой актрисой. Письма начинались так: «Милая Анюта, здравствуй!». А дальше шли просьбы что-нибудь прислать – деньги, какую-нибудь обувь, костюм и т. п., а некоторые предлагали выйти за них замуж. На конверте одного из писем значилось: «Москва, Мавзолей имени Ленина, народной артистке Алле Ларионовой».

Другую бы в бешенство привела эта «святая простота», Алла Ларионова относилась ко всему этому с юмором. Она не могла обидеть даже глупого и назойливого, как теперь их называют, фаната.

Популярность абсолютно не отразилась на Ларионовой и Рыбникове, на их поведении, характерах, отношениях с людьми, не сделала их хуже, говорит Людмила Гладунко. Порой Ларионову спрашивали, я тоже: как вы с Рыбниковым смогли пережить такой бешеный успех у публики? Алла смеялась – у нее был дивный смех и прекрасный голос! – и только рукой махала: «Люда, прекрати! Видишь, пережили как-то. Не в этом счастье». И это не было кокетством, игрой. Она совершенно спокойно относилась к своей славе, Рыбников – тоже.

В своих актерских работах они как бы дополняли друг друга. Поэтичность героинь Ларионовой и земная реалистичность героев Рыбникова, не лишенных романтического ореола, были двумя сторонами одной медали, символизируя двуединство в направлении развития отечественного кинематографа. Они снимались в разных по значимости, по уровню фильмах, которые никогда, однако, не оставались не замеченными зрителями. Уже одно лишь их участие в картине гарантировало наполнение залов кинотеатров, а зачастую – ее успех.

В 1959 году Ларионова снялась в фильме «Фуркат» в роли княгини Оболенской и в «Млечном Пути» – вместе с Рыбниковым. В 1961-м, тоже вместе с ним, – в картине «Две жизни».

После небольшого перерыва, в 1964 году, она сыграла роль Натальи в чеховских «Трех сестрах», поставленных Самсоном Самсоновым, режиссером, который когда-то предлагал ей роль Ольги Дымовой в «Попрыгунье».

Сыграла так, что этот образ не стал повторением ее предыдущих костюмных ролей.

Одновременно она снялась в фильме С. Туманова «Ко мне, Мухтар!». Во время съемок ее серьезно покусала собака, но она настояла на повторе опасного дубля, посчитав эпизод из-за «производственной травмы» скомканным. «Мухтара» Ларионова записала себе в актив. Мной всегда любовались, говорила она, а этого мало для актрисы. В данном случае ее героиня, современная мещанка, симпатии уж точно не вызывала.

Много лет спустя Клара Лучко скажет: «Ларионова сыграла не в таком уж большом количестве фильмов. Но какое это имеет значение? Можно иметь двести картин, но тебя как актера никто не будет знать. У Урбанского картин десять, но он был, есть и будет Урбанским. Картины Аллы вошли в золотой фонд кино. Снявшись в этих фильмах, она больше могла бы никогда не сниматься. И ее бы знали и помнили».

Николая Рыбникова взял на главную мужскую роль в свой фильм «Девчата», вышедший на экраны в 1961 году, тогда совсем еще молодой режиссер Юрий Чулюкин. Рыбников играл Илью Ковригина, бригадира лесорубов. Играл превосходно, без самоповторов, хотя и этот герой был, как Савченко и Пасечник, простой рабочий парень, передовик, его тоже любила девушка, но он полюбил по-настоящему другую.

«Девчата» имели большой успех. Картина и сегодня не забыта, ее нередко показывают по телевидению. Помимо Рыбникова и Надежды Румянцевой, сыгравшей в фильме главную женскую роль – поварихи Тоси, в фильме снялись молодые, но уже получившие широкую известность актрисы Светлана Дружинина, Инна Макарова, Люсьена Овчинникова, Нина Меньшикова. Здесь что ни образ, то судьба. Лирическую ноту вносит в фильм песня Александры Пахмутовой «Старый клен», которая после выхода его на экраны обрела самостоятельную жизнь, ее распевали всюду. «Девчат» в 1962 году посмотрело около 35 миллионов зрителей.

Актриса Надежда Румянцева рассказывает о том, как снимался фильм:

«Так получилось, что в „Девчатах“ главная роль была у меня, и партнера, собственно, подбирали мне. Это несколько обижало Колю… Но на его отношении к работе это не отражалось. Мы были очень патриотичны, мы были бескорыстны. Мы могли сниматься, не спрашивая, заплатят ли нам за это. За то, что будем сниматься где-то на Северном Урале, в леспромхозе, в 50-градусный мороз. А съемки „Девчат“ в таких условиях и проходили.

Кадр из кинофильма „Девчата“. 1962 г.

> *„Так хочется быть красивой, я б тогда за всех обманутых девчат отомстила! Вот иду я красивая по улице, а все встречные ребята так и столбенеют, а которые послабей – так и падают, падают, падают и сами собой в штабеля укладываются! Вот!“*
>
> *(из к/ф „Девчата“)*

Там есть эпизод, когда моя героиня несет на делянку бригаде лесорубов обед. Мороз, тот самый, под 50 градусов. А миски и ложки – металлические. И вот Рыбников Илья берет ложку и пробует еду. Ложка вмиг припаивается к его губе. Мы остановились и не знаем, что делать – ее надо отогреть, никаким другим способом не отлепить. Коля взял и оторвал ее. С кожей. Хлынула кровь… Вот что такое мужественный актер!

И вообще, он мужчина из редких. Умел любить, как никто. Ни один человек не может о нем сказать, чтобы он когда-то посмотрел на какую-нибудь другую женщину, кроме своей Аллочки. Но надо признать, что она была чудо как хороша. Статная, величавая, как пава. Он боготворил ее».

Друг мой Колька

Рыбников в шестидесятые годы снимался ежегодно, а в отдельные годы и по два раза. Его популярность могла сравняться разве что с популярностью в свое время Петра Алейникова – Вани Курского из «Большой жизни». Его узнавали всюду. Затемненные очки, которые он стал носить, спасали не всегда.

Поехал он как-то в Кисловодск – отдохнуть и подлечиться. Алла поехать с ним не могла, и он взял с собой Олега Чертова, который к этому времени подгадал отпуск.

Поселились в одной комнате. В первый же день к ним заявился директор здравницы.

– Рад приветствовать вас в нашем санатории. Надеюсь, вы хорошо устроились и вам здесь понравится, – начал он с обычных в подобном случае фраз. Поговорив о Москве, о погоде, приступил к главному: – Николай Николаевич! Вы знаете, как вас любит народ. Не смогли ли бы вы выступить перед отдыхающими и обслуживающим персоналом в нашем клубе?

Рыбников, чуть помедлив, согласился и, входя в роль важной персоны, кивнул в сторону Олега:

– Мой директор сообщит вам дату моего выступления. Все вопросы решает он.

Шли дни. Николай, рассказывает Чертов, наслаждался целебным воздухом, прогулками, чтением книг, игрой в шахматы. Его же, Олега, заведующий клубом донимал напоминаниями о данном Рыбниковым обещании, буквально по пятам ходил.

Долго готовиться к выступлению Рыбникову не было необходимости: текст он сочинял без особых мучений, талантливо импровизировал на сцене, ролики с фрагментами из фильмов всегда возил с собой – еще ни разу не было, находись он где-нибудь даже несколько дней, чтобы его не попросили выступить. Отказывать он не умел и халтуры не терпел – он уважал людей.

Время еще было, и Рыбников решил дурака повалять и немного друга помучить: ты директор – неси тяготы власти. Такова спортивная жизнь. Наконец (добрый человек!) сжалился над ним:

– Назначай вечер на послезавтра.

Он находился в прекрасном расположении духа, пока не увидел, что в кассе «на него» продаются билеты. Возмущенный, пошел к директору санатория и потребовал вернуть всем деньги, иначе, сказал, он от выступления откажется.

Такой это был человек. Он не умел «зашибать деньгу».

– В день отъезда из Кисловодска, – рассказывает Чертов, – мы приехали в аэропорт задолго до вылета. Зарегистрировались, сдали багаж и отправились в ресторан. Выпили коньячку, поели, слово за слово, то, се – и не замечаем, что время-то идет… Вдруг слышим объявление по радио: «Закончилась посадка на самолет рейса 302 Минеральные Воды – Москва». Мы вскочили – и бежать! Выскочили на взлетное поле. Видим, от самолета убирают трап, но бортпроводницы еще стоят в дверях. Коля, как всегда, в темных очках. «Сними очки! – кричу я ему. – Чтобы тебя узнали! Надежда только на это!» Можно представить картину: самолет готов к взлету, чуть ли не запущены двигатели, трап отъединили… И кто разглядит оттуда, сверху, опоздавших? Но Рыбникова увидели и узнали! Летчики!

– А-а! «Не кочегары мы, не плотники»! – крикнул один. – Сейчас поможем, исправим положение. – И он в микрофон вызвал трап обратно.

Поняв, из-за кого произошла небольшая задержка, пассажиры заулыбались, оживились. Самолет взмыл в небо.

Был еще такой эпизод. Надо сказать, что Рыбникова очень любили простые работяги, которых он так убедительно играл, – они считали его своим. Однажды он с другом был на футболе в Лужниках. На трибуне стадиона он ничем не отличался от других болельщиков: одет, как все, реагирует на игру, как все, – волнуется, кричит, радуется или с досадой ударяет себя по колену, когда игрок «его» команды дает промашку…

Ближе к концу первого тайма многие смотрели уже больше на Николая, а не на поле. «Рыбников! Рыбников!» – пробегало по рядам.

В перерыве друзья пошли в буфет попить пива. Встали в хвост длинной очереди. Стоят, обсуждают игру, не очень громко, чтобы внимания не привлекать. Тут подходят к нам двое парней и зовут, с извинениями, к своему столу. Это был действительно составленный из нескольких небольших стол, на нем – пиво, бутерброды. Ребят человек пятнадцать. Они так были рады поговорить со своим любимым актером, что на второй тайм не пошли, Рыбников не мог их обидеть – тоже остался. С великой неохотой все разошлись после окончания матча.

Рыбников не делил людей по сословному принципу. Впрочем, тогда это было нормой, а никакой не заслугой. Но личность все-таки очень известная.

Однажды он пришел домой с дядей Васей, дворником (вторым после меня другом, говорит Чертов). А в доме, неожиданно, гости. Алла глазами незаметно показывает мужу на сидящих за столом Бондарчуков, кого-то еще – мол, уместно ли?

Тот пристыдил ее взглядом. Она не была заносчивой, но как хозяйка, естественно, не могла не заботиться о таких вещах.

Даже живя в благополучии, Рыбников понимал, что такое нужда. Получая деньги в кассе, всегда «забывал» денежную купюру. Как-то на вопрос, зачем он это делает, ответил:

– Мне стыдно. Я, можно сказать, гребу деньги, а у кассирши зарплата рублей восемьдесят, если не меньше.

Не они одни на свете были любимые и известные, но ко многим другим вряд ли кто, даже из знакомых, осмелился бы обратиться с просьбой. К ним же, такие они были люди, обратиться с просьбой было нестрашно. Недавно у меня ремонтировал сантехнику пожилой мастер. Увидев на столе журнал с фотографиями Ларионовой и Рыбникова, он разулыбался и рассказал, как, будучи слесарем-водопроводчиком кооперативного дома в Марьиной Роще, удлинял батареи у многих именитых жильцов, в том числе и у Рыбникова, но только его решился попросить помочь с квартирным вопросом в связи со сносом дома.

Познавший голод, Рыбников, так сказать, и сытый, вопреки поговорке, «разумел голодного». И не только голодного – из его дома никто не уходил ненакормленным. Это было законом в семье.

Олег Чертов вспоминает, что, когда он работал директором магазина «Ковры», который находился напротив дома Рыбникова, тот частенько звал его обедать. «Сегодня в меню, – сообщал по телефону, – твой любимый суп харчо и котлеты. Поспеши, а то все остынет». Олег приходил, стол был уже накрыт, и они успевали иногда сыграть партию в шахматы.

– Мне просто неловко, – сказал Олег однажды, – ты меня прямо-таки на содержание взял. Давай я деньги буду платить, что ли.

– Это мысль! – оживился Николай. – Сколько стоит обед в столовке?

– Один-два рубля.

– Столковались! Именно их мне и не хватало!

Николай Рыбников с детьми. 1960-е гг.

С чувством юмора у Рыбникова было все в порядке. Анекдоты, однако, блестяще рассказывала Алла. Николаю почему-то не всегда давалась их суть. Но когда он принимался до этой сути докапываться, это тоже вызывало смех.

Человек дружественный, общительный, что называется, компанейский, хождению в гости он все-таки предпочитал принимать гостей в своем доме. О том, чтобы холодильник был полон, заботился сам. Садился за руль, ехал в «Арагви» и накупал там шашлыков, цыплят табака, зелени, закусок в большом количестве.

Однажды на хоккее он встретил знакомых космонавтов – Титова, Быковского, Николаева – и пригласил после игры к себе домой. Отправил их вперед (он знал, что Алла дома), а сам поехал за выпивкой.

Приезжает он это с бутылками, гости уже там. Встречает его Алла с вытянутым лицом:

– Коля, нам нечего подать на стол!

– Как это нечего? Я ж недавно привез из «Арагви» огромную кастрюлю цыплят табака!

– В обед девочки съели последнего. Ты забыл, наверное, что у тебя большая семья.

Пришлось извиняться перед гостями: произошло, мол, недоразумение. Вы тут посидите, говорит Николай, а я быстро съезжу в ресторан. Космонавты – простые же люди! – замахали руками:

– Никуда не надо ездить! Картошка есть? Селедка? Капуста?

И все, засучив рукава, принялись чистить картошку, разделывать селедку, открывать консервы… Застолье организовали на кухне и просидели за беседой часов до двух…

Семейная жизнь Рыбникова и Ларионовой протекала в радости и любви – это отмечали все. Приятно было смотреть, вспоминает киноактриса Татьяна Конюхова, на улыбающегося Колю в белоснежной рубашке, на жизнерадостную Аллу, на то, как они друг к другу относятся, на резвящихся девочек. Мой гарем, ласково называл Рыбников свою семью.

Олег Чертов рассказывает, что Рыбников звал Аллу не иначе, как Аленкой, Алусей, а чаще всего Лапусей. Она его – Коленькой.

Однажды Николай признался Олегу, что песню в кинофильме «Дом, в котором я живу», ту, где есть строки «Как люблю твои светлые волосы, как любуюсь улыбкой твоей, ты сама догадайся по голосу семиструнной гитары моей», он пел, думая о ней, для нее.

Сидели как-то друзья над шахматной доской у Рыбникова. Ларионова в это время была в Киеве на кинопробах. Играют это они, потягивают коньячок, и ничего-то для них больше не существует. Вдруг – междугородный звонок. Звонит Алла и сообщает, что возвращается завтра, называет номер поезда и вагона – чтобы ее встретили.

– Явно повеселевший Коля положил трубку, – вспоминает Чертов, – и мы продолжили партию. Игра была интересной. В самом разгаре ее он поднял на меня глаза и сказал: «Знаешь, Олег, я так люблю Алку! Я так ее люблю! Я не могу без нее. Я, пожалуй, полечу в Киев». – «Какой Киев? Завтра она будет дома! Да и билета не достать». Не слушая меня, он позвонил во Внуково, представился – ему было обещано место в самолете ближайшего рейса, и вскоре мы мчались на его «Волге» в аэропорт.

Многие мужья любят своих жен, но редко какая из них была окружена такой заботой, какой Коля окружил Аллу. При этом надо учесть, что он был обаятельнейшим человеком, популярным киноактером, мужчиной, по которому женщины сходили с ума. Ему объяснялись в любви не только в письмах, но и впрямую, надеясь на мимолетный роман или хотя бы на одну-единственную встречу с ним.

Напрасные надежды!

Второе января, день, в который они расписались, они отмечали как большой праздник. В этот день вроде поженились и Сергей Бондарчук с Ириной Скобцевой, их близкие друзья. Они тоже праздновали, но, как правило, у Рыбниковых.

Николай каждый день старался сделать для Аллы праздником. Бывало, встанет рано, съездит на рынок и по магазинам, приготовит что-нибудь необыкновенное, покормит домашних, затем опять накроет стол, поставит цветы в вазе, сядет с книгой и ждет, когда проснется Алла, чтобы позавтракать с ней вместе. Причем он был в курсе ее диеты – что ей можно, а что нельзя.

Больше всех цветов она любила белые розы. А в те времена не только розы, а вообще никаких цветов достать было невозможно. Николай каждый раз ради нее шел на подвиг, но не всегда его ждал успех.

– Надо было встречать прилетавшую откуда-то Аллу, – вспоминает Чертов. – Мы выехали из дома загодя, чтобы купить цветы. Искали их по всему городу, но так и не нашли. Поехали, раздосадованные, в аэропорт. Николай говорит мне: «Вот увидишь, Колька Ларин будет с цветами!». И точно! Входим мы в здание аэропорта, а Ларин уже там, и с роскошным букетом! «Не-ет, – сказал Рыбников, увидев его, – когда-нибудь я все-таки его убью!»

– Но не убил, как видите! – смеется Николай Яковлевич, до которого, естественно, дошла эта угроза. – Он очень хорошо ко мне относился, как и ко всем своим друзьям. Они с Аллой всегда приходили ко мне на помощь, причем сами, без всяких, повторяю, моих просьб. Сувениры из поездок привозили, это уж непременно. А однажды, из Аргентины, привезли мне в подарок замшевый пиджак. Меня чуть удар не хватил: во времена тотального дефицита такая сверхценная вещь! Я изо всех сил отказывался, на крайний случай предлагал его купить. Куда там! Вот тут, я понял, они бы по-настоящему обиделись. И сдался. Не то что семейной пары – я по отдельности таких людей не встречал!

…Послушав рассказы о Рыбникове, я прибавила бы к формуле его жизни – любимая женщина, любимая семья, любимая работа – шахматы. Увлечение шахматами шло не параллельно главному в его жизни, а было неразделимо переплетено с ним. Олег Чертов, ближайший его друг, а также партнер по шахматам, рассказывает об этом увлечении Рыбникова много интересных историй.

Во время первенства мира по шахматам в 1961 году Рыбников познакомился с Михаилом Талем, который, в свою очередь, сдружил его с гроссмейстерами Б. Спасским, Е. Геллером, В.

Корчным, П. Кересом, С. Фурманом… Они приходили к нему в гости, устраивали блицтурниры с участием хозяина дома и его друга Чертова. И хотя последние на протяжении долгих лет ни разу не выиграли у шахматных зубров, энтузиазм их не остывал.

– «Ни разу не выиграли» – это не совсем так, – уточняет Олег Исаакович. – Были ничьи. Были даже победы. Но… если того хотели гроссмейстеры. Мы с Николаем, конечно, понимали это, но он все равно ликовал: вскакивал, потирал руки, настроение его поднималось до высшей отметки. Человек он был азартный, проигрывать не любил (а кто любит?). Да и то правда, что слабому игроку незаметно подыграть не так уж просто.

А он играл прилично.

Энергия в нем била через край. Он не мог жить спокойно, постоянно что-то придумывал. Человек с юмором, любил разыграть кого-нибудь из друзей-шахматистов. Кажется, уж такая интеллектуальная игра, как тут можно поразвлечься? Оказывается, можно.

Был как-то в гостях у Рыбникова Ефим Геллер. Посидели за шахматной доской немного… Тут Рыбникову пришла в голову мысль сыграть партию по телефону с Борисом Спасским, который жил в это время под Москвой в доме отдыха – готовился к матчу с Фишером. Геллеру мысль понравилась.

Позвонили Спасскому. Тот идею одобрил. Но телефон был в коридоре, шахмат при себе в тот момент гроссмейстер не имел и решил играть «вслепую», на Колиной доске.

Николай стал диктовать в трубку ходы, сопровождая напряженную работу мысли вполне естественными (актер!) в «предложенных обстоятельствах» репликами: «понял», «ну-ну», «та-ак». Ходу эдак на седьмом-восьмом Спасский и говорит:

– Коленька, позови, пожалуйста, к телефону самого Ефима!

Взрыв хохота. Рыбников обожал такие вещи. Пойманный с поличным, он не потерял, однако, вкуса к подобным шуткам. Как-то предложил сыграть «вслепую» Талю. И «незаметно» подменил слона пешкой. Гроссмейстер отреагировал мгновенно, будто видел доску: Коля, на этой клетке должен стоять слон, а не пешка!

– Ну что ты поделаешь! Опять сорвалось! – досадовал Рыбников.

Однажды они с Чертовым спросили у Таля, как он оценил бы игру в шахматы каждого из них?

– Коля играет сильнее, а Олег лучше, – сказал он.

Ответ-головоломка не поставил упрямого Рыбникова в тупик. Он продолжал искать пути к победе над гроссмейстерами.

Нонна Мордюкова, космонавт Алексей Леонов, Марина Влади и Алла Ларионова. 1960-е гг.

– Уж в домино мы их разделаем под орех! – заявил он однажды Олегу.

И они засели за «козла» – против Геллера с Фурманом. Сидит это Рыбников, смотрит в свои костяшки, морщит лоб…

– Не трудись, Коля, – говорит Геллер, – я ж знаю, что у тебя на руках. Сказать?

Словом, и в домино друзья продулись. Олег интеллигентно отступил. Рыбников не сдавался.

– А не сыграть ли нам в преферанс? – предложил он Талю и Геллеру.

Сыграли.

– Конец света! – развел он руками, когда и здесь потерпел фиаско.

«Конец света!» – было одно из любимых его выражений.

Алла смеялась: ты, Коленька, со своими стараниями обыграть гроссмейстеров ну прямо как Волк из мультфильма «Ну, погоди!».

Известные шахматисты очень дружески, можно сказать, любовно относились к Николаю Рыбникову. Они подарили ему и Олегу Чертову в память встреч за шахматной доской в домашних блицтурнирах с форой одна минута к пяти шахматные часы, определявшие время ходов в матче на первенство мира Ботвинник – Таль, проходившем в 1961 году. Точнее, подарил Таль. Но подписались на часах, помимо него, Л. Штейн, Б. Спасский, Е. Геллер, В. Корчной, П. Керес, С. Фурман, Э. Гуфельд,

А. Суэтин.

Когда Рыбникова не стало, Алла Ларионова передала эти часы Олегу Чертову. Он их свято хранит. Они остановлены на восьми: в этот час 22 октября 1990 года умер Рыбников.

…Я не могу оторвать глаз от фотопортрета Николая Рыбникова то ли в кинопробе, то ли в какой-то роли. Фотохудожнику удалось запечатлеть не только внешний облик, но суть характера и – просто непостижимо! – обаяние Рыбникова. Я нигде не видела этой фотографии и, как выяснилось, и не могла увидеть: она единственная. И подарена Чертову. С его разрешения читаю дарственную надпись:

> «Моему другу, человеку, который иногда играет в шахматы, Олегу Чертову. Кстати, Kf6 не годится. Лучше Фg3!!! Подумай. Счет между нами неизвестен. Н20 + F4 = Спасскому Б. В. (если бы ты так играл).
>
> Н. Рыбников.
>
> Май. 2-й съезд кино. 1972 г.
>
> Москва».

– Опять шахматы! А как относилась Ларионова к этой, не подберу иного определения, всепоглощающей страсти мужа? – не удерживаюсь я от вопроса. – Другая бы жена…

– Алла умница была, неконфликтная. Скандалов между ними по этому поводу я не помню. Если бы они и возникали, то, думаю, из-за взрывного Колиного характера. У нее был покладистый характер. Ну вот играем мы в шахматы. Алла заглядывает в комнату: «Ребята, не надоело вам? Коля, у Музы Крепкогорской день рождения. Ты едешь?» – «Не могу. Самая игра!». Через какое-то время заходит Алла, красивая невозможно, нарядная, душистая, – попрощаться. Коля, глядя на нее, замирает в восхищении. Но – остается дома. Алла звонит уже оттуда, говорит, что приехал Владимир Высоцкий с Мариной Влади, что там очень интересно и весело. Выслушав ее, Николай говорит: «Вот доиграем…». Тогда она просит передать трубку мне: «Олег, умоляю, проиграй ему, и поскорее! На радостях он поедет. Ей-богу, жаль будет, если вы такой вечер пропустите!». Еще бы не жаль, думаю я. Давно мечтал увидеть Высоцкого, да еще с Влади! Песни его послушать. И – проигрываю. Коля – милый друг мой, чистая душа! – радуется, как ребенок. Ударяет от удовольствия себя ко колену – такая у него была манера. «Едем! – говорит. – Но с условием: когда вернемся, продолжим игру».

Николай Рыбников и Алла Ларионова воплотили в себе время, в которое они жили, лучшее, что было в нем. До мелочей.

Взять те же шахматы. Когда мы собирались по какому-нибудь

случаю, наши мужчины, посидев за столом, устраивались где-нибудь в уголке с шахматной доской и углублялись в игру. Был вариант – шашки.

А каток? Трудно представить зиму в Москве без походов на каток! Сияют огни, гремит музыка, оживленные лица, блестящие глаза…

Ларионова рассказывала, как однажды они с Бондарчуками отправились в Парк культуры и отдыха им. Горького на каток. Умел кататься Рыбников, остальные не очень. Скользили, цеплялись друг за дружку, чтобы не шлепнуться. Веселились в буквальном смысле до упаду… А зрители, конечно, их узнавшие, устроили им овацию, когда они уходили.

Все они были молодые, полные сил, многое у них было еще впереди. Удивительная особенность поколения «шестидесятников»: жили в большинстве своем в коммуналках, материально трудно, под жесточайшим прессом идеологии, особенно если говорить о людях творческих профессий, но страха перед завтрашним днем не испытывали, «впереди» звучало оптимистически.

Работая в литдрамвещании Всесоюзного радио, я спросила у одного поэта, готовя передачу о нем, о строчках из его стихотворения «Все впереди у нас еще, все впереди еще!»: почему он думает, что только радостное? Ведь именно впереди неизбежны и разочарования, и поражения, и болезни, и другие несчастья. «Знаю, но не чувствую этого! Да вроде и все мы… А если что – буду противостоять».

Сегодня чаще звучит: еще не то будет!

И «еще не то» сбывается. Вслед за героями этой книги я с удовольствием возвращаюсь в то время, когда в почете был человек труда, а не «владелец заводов, газет, пароходов». Когда в России не было все пересчитано на доллары. Когда не было этого лакейского «встречают по одежке». Когда мы жили, а не выживали. Когда любили, а не «занимались любовью»…

Мой приятель, человек здравомыслящий, он сказал однажды, что ностальгия по прошлому есть не что иное, как ностальгия по себе молодому, по юным годам.

В какой-то мере, может быть, и так. Но главное не в этом. Возраст человека не влияет на время, в которое он живет, тогда как время формирует его мироощущение.

Рыбников пел: «Как люблю твои светлые полосы, как любуюсь улыбкой твоей». А попрыгучий шоумен поет: «Ты тычинка, я твой пестик!». Пусть это песенка-пародия, но какова образность! А зал визжит от восторга. Такова «культура» чувств…

Предвижу, что кто-то упрекнет меня в том, что часто

отвлекаюсь, уделяю внимание незначительным эпизодам, мелочам. Но ведь главное то, что Николай Рыбников и Алла Ларионова – известные киноактеры, которых знают все, знают фильмы с их участием. Важны детали. Обращаюсь к толстовскому: вещь без подробностей не живет. И существуем мы не в безвоздушном пространстве.

Рыбников любил читать. В свободную минуту дома, в поезде, в самолете, в гостинице. Поскольку книги у нас были большим дефицитом, он покупал их за рубежом, для себя и в подарок друзьям, не жалея валюты. Кто помнит, сколько этой самой валюты (слезы одни!) выдавалось на руки выезжающим за границу, оценит его щедрость. У себя в доме он собрал хорошую библиотеку.

Он дружил с писателями. Например, с Владимиром Солоухиным. Они вели с ним нескончаемые беседы – об истории России, ее настоящем, о судьбах деревни, конечно же, о литературе – обо всем. Рыбникова поражал талант, широта знаний этого человека.

После кинокартины «Млечный Путь», в которой снялись Рыбников и Ларионова, долгие годы длилась начавшаяся еще на съемочной площадке их дружба с известным донским писателем Виталием Закруткиным, автором сценария фильма.

Они нередко гостили друг у друга. Когда Рыбников приехал в станицу Кочетовскую к Закруткину, местное начальство, прознав про это и про то, что актер любит рыбачить, решило устроить дорогому гостю рыбалку по высшему классу. Привезли его на берег Дона, а там – накрыты столы!

До рыбалки, естественно, дело не дошло. В остальные дни своего пребывания на Дону Рыбников пробирался к реке, как говорится, огородами, огородами, чтобы всласть посидеть с удочкой в одиночестве.

Зная, что в станице Вешенской, неподалеку от Кочетовской, живет Шолохов, Рыбников попросил Закруткина познакомить его с Михаилом Александровичем.

Сели в машину и поехали. Олег Чертов, гостивший у Закруткина вместе с другом, вспоминает, что никогда не видел его таким взволнованным. Вышли из машины, идут к дому, а Шолохов, стоящий на пороге, как закричит жене Марье Петровне:

– Маша, ты только посмотри, кто к нам приехал! Николай Рыбников!

Дальше пошло застолье вперемежку, как водится, с беседой… Вернулись в Кочетовскую к ночи.

Кадр из кинофильма «Млечный путь». 1959 г.

Всю жизнь Рыбников опекал младшего брата Славу. Брат, уже взрослый, вел образ жизни перекати-поля, работал где придется, нигде долго не задерживался, постоянно испытывал нужду в деньгах. Николай всегда его выручал.

Как-то, когда в семье в очередной раз обсуждали, что делать с братом дальше, как ему помочь, гостивший у Рыбниковых Закруткин предложил:

– А почему бы Славе не приехать жить в Кочетовскую? Работа ему найдется, жилье у нас не проблема, во всяком случае, не такая, как в Москве. Глядишь, он женится, и все у него пойдет на лад.

Так и решили.

Николай купил брату дом в Кочетовской, тот обзавелся семьей и лет десять прожил на Дону. Потом опять у него что-то разладилось, он развелся с женой, продал дом и опять появился у Рыбниковых. На этот раз Николай дал волю своему гневу. Человек с повышенным чувством долга, он терпеть не мог безответственности. Чем-то помог, конечно, брату, но прежняя дружба между ними кончилась.

После смерти Рыбникова Вячеслав Николаевич куда-то сгинул. Появился как-то у Чертова, постаревший, с бородой, побыл немного – и ушел. Доходили слухи, что он стал верующим,

живет в Твери, служит в какой-то церкви.

…Когда пишешь книгу по воспоминаниям, очень показательным видится то, как коллеги ее героев, в данном случае актеры, откликаются на просьбу рассказать о них.

К Евгению Жарикову и Наталии Гвоздиковой, этой замечательной паре нашего кино, я сразу прониклась хорошим отношением. Не потому, что их не пришлось уговаривать дать интервью (я, впрочем, никогда не уговариваю), а потому, что почувствовала в них людей, близких по духу Рыбниковым. На них тоже обрушилась большая слава, особенно после того, как они сыграли главные роли в многосерийном фильме «Рожденная революцией», они популярны, их любят зрители. Но звездная болезнь ни в малейшей степени не поразила их. Я позвонила, и они выкроили в плотном графике дел время для разговора о Ларионовой и Рыбникове. Я брала интервью у них обоих одновременно, предварительно задав вопросы, чтобы не перебивать их рассказ.

Наталия Гвоздикова: «Во ВГИКе я училась в мастерской С. А. Герасимова и Т. Ф. Макаровой значительно позже Ларионовой и Рыбникова, здесь важно то, что школа у нас одна.

У Сергея Аполлинарьевича было такое правило – приглашать своих учеников старших выпусков к нам в гости. Однажды пришла Алла Дмитриевна Ларионова. Мне запомнилось, что у нее были васильковые глаза, необыкновенная кожа, матовая, чистая, капризная нижняя губа… Я была потрясена. Всю встречу, кажется, просидела молча – все никак не могла поверить, что это „та самая“ Ларионова, сыгравшая Любаву в „Садко“, Аню в „Анне на шее“, Оливию в „Двенадцатой ночи“… Уже потом, когда я сама стала артисткой, получила диплом и познакомилась с Аллой Дмитриевной лично, я рассказала ей о нашей первой встрече. Мой трепет повеселил ее, к своей красоте и славе она относилась спокойно. Но в то же время, я поняла, ей, как любой женщине, была приятна такая моя реакция».

Евгений Жариков: «Я влюбился в нее после того, как увидел ее в „Анне на шее“. Все мужчины Советского Союза влюбились, я не исключение. Ларионова испытала такие мгновения славы, которых наше молодое поколение никогда не узнает, они не повторятся. Вот говорят: купалась в шампанском. Она на самом деле купалась, но это были никакие не оргии, про которые распускали слухи. Поклонники ее настолько обожали, что задарили шампанским. Его было столько, что она могла заполнить ванную. Что она и сделала. И в том шампанском искупалась. Она сама нам рассказывала об этом.

Знаком я с Ларионовой и Рыбниковым еще по Театру-студии

киноактера. Правда, работать с ними на сцене мне не приходилось: в спектаклях их не занимали. С Ларионовой я однажды снимался – в фильме „Дикий мед“. Она играла главную героиню Варвару Княжич, а я – ее зятя, мужа дочки. Но так получилось, что режиссер В. Чеботарев мою роль напрочь вырезал, видимо, что-то другое оказалось более важным. Я поработал несколько дней, и на этом все кончилось. Но потом я в шутку звал Ларионову „мама“, а она меня – „сынок“.

Более близкое наше знакомство с этой чудесной парой произошло во время поездок по стране с концертной программой „Товарищ кино“».

Наталия Гвоздикова: В этих поездках мы все жили одной большой семьей. Выезжали на концерты несколько раз в месяц. Это было интересное и полезное мероприятие. Мы несли, это не громкие слова, искусство в массы. Для участников концертов это была и работа, и творчество, и дружеское общение. Мы расширяли свой кругозор, лучше узнавали страну, нашего зрителя.

В программе «Товарищ кино» участвовали не только артисты театра и кино, но и представители других видов искусств: композиторы, певцы, артисты балета, эстрады. Труппа набиралась до 80 человек. А еще оркестр. Мы занимали несколько вагонов в поезде, целые самолеты. В этих поездках мы познакомились поближе со Смоктуновским, композиторами Марком Фрадкиным, Яном Френкелем, Юрием Саульским, Никитой Богословским, балеринами Маликой Сабировой, Надеждой Павловой, с солистом балета Вячеславом Гордеевым… Режиссером программы был Юрий Левицкий, актер Театра имени Гоголя. Каждый концерт длился не менее трех часов. Выступления проходили на стадионах, во Дворцах спорта, в концертных залах. Мы проехали с концертами по всем республикам Советского Союза, по самым большим его городам, и даже не раз, и всюду были аншлаговые залы.

Состав участников программы «Товарищ кино» постоянно пополнялся новыми именами. Так, после появления на экране гардемаринов Светланы Дружининой в программу пришел Дмитрий Харатьян.

Мое вхождение в этот за многие годы уже сложившийся коллектив было не без трений, многим оно пришлось не по душе. Надо же, какая-то молодая актриса, к ней кто-то проявляет интерес, просит автограф, ей дарят цветы. Очень это сильное чувство – зависть, ревность к успеху. Меня не называли по имени, а говорили, к примеру, так: «Вот вы…». И чуть ли не пальцем при этом указывали. Алла Дмитриевна, в отличие от других, была

приветлива с молодыми, быстро находила с ними общий язык и разрушала стену отчуждения. Благодаря ей у меня постепенно пропал страх перед тем, что кто-то может меня обидеть, как– то унизить. Я стала держаться более уверенно, уверенность эту каким-то образом придавало мне общение с ней.

В Москве, когда я решила устроить у себя дома девичник, первой, кого я пригласила, была Алла Дмитриевна. Мы очень хорошо провели время, много о чем говорили, много что вспоминали, и я отметила, что при всем своем остроумии она не злословила ни по чьему поводу, не была категорична в оценке людей, стремилась их понять, а не осудить.

С Рыбниковым у меня, естественно, были другие отношения, хотя бы потому, что он мужчина. Николай Николаевич был человек настроения. Я видела его в плохом расположении духа. Видела и веселым, склонным к шутке, к розыгрышу. Вот тут-то надо было проявлять осторожность и бдительность, что я поняла не сразу.

Как-то концерт «Товарищ кино» вела я. Открывая его, должна была подойти к микрофону и сказать: «Внимание, внимание! Говорит и показывает „Товарищ кино“!». Когда я уже выходила на сцену, Рыбников, оказавшийся рядом, с серьезным видом предупредил: «Смотри, не скажи вместо этого: „Внимание, внимание! Говорит Германия!“».

А много ли человеку, который к тому же волнуется, надо? В результате я запнулась после слова «говорит», потом уверенно произнесла «Москва». Дальше должен был идти киноролик, но я от ужаса забыла весь текст и, повторив: «Внимание, внимание! Говорит Москва!», с позором покинула сцену.

А Рыбникову было в кайф, что он, как говорится, подрубил меня под корень.

На концерте в Питере я решила взять реванш. Дело было на Пасху. Должны объявить выход на сцену Рыбникова. Ведущий начинает: «Народный артист…». На этих словах я подскакиваю к Николаю Николаевичу и с восклицанием «Христос воскресе!» хлоп ему в каждую руку по пасхальному яйцу. Он в растерянности застывает с этими яйцами, и я понимаю, что так, с ними, он и выйдет на сцену. Тогда уж посмеюсь я.

Но случается непредвиденное: ведущая по ошибке объявляет народного артиста Советского Союза Всеволода Санаева, а тот к выходу не готов, рассчитывая на то, что минут двадцать займет выступление Рыбникова. Сидит себе за кулисами спокойненько, в шахматы играет. Рыбников в сердцах бросает яйца и начинает метаться. Мне становится смешно от всей этой ситуации… А Николай Николаевич подходит ко мне и говорит: «Ну, подожди!

Один – один! Но счет еще не закрыт!».

Кадр из кинофильма «Девушка без адреса». 1958 г.

Евгений Жариков: «В этом плане они с Ларионовой были разные. Она меньше была склонна к розыгрышам, могла посмеяться над собой, острый момент сгладить шуткой. Рыбников же был большой выдумщик, обожал розыгрыши, обладал чувством юмора. Но когда кому-нибудь удавалось подшутить над ним самим – расстраивался. Не любил, когда над ним подтрунивали. Сердился, что-то гудел себе под нос. Впрочем, это многим свойственно, не любить, когда над ними подшучивают. А потому никто не обращал на эту реакцию внимания, и розыгрыши продолжались, не обязательно связанные со сценой.

Случались у нас в поездках разные смешные истории. Однажды Рыбников опоздал на концерт аж на два часа – не переставил стрелки часов на местное время. После этого, куда бы мы ни приезжали, даже если только на один день, он всегда напоминал всем о необходимости это сделать. А однажды Рыбников, выступая на стадионе, вдруг забыл слова второго куплета песни из „Высоты“ – „Не кочегары мы, не плотники“.

Первый – помнил, а дальше – нет. Так он вместо второго опять запел первый, „прокочегарил“ таким образом всю песню. Когда он покидал сцену, оркестранты заиграли музыку песни „Трус не играет в хоккей“. Музыканты наши были тоже с юмором. Зрители их шутку поняли, Ларионову и Рыбникова публика встречала очень хорошо. Их знали, их любили, им аплодировали, не жалея ладоней. Особенно Рыбникову, когда он пел песни из кинофильмов.

Вообще эту пару любили многие, не только зрители. Они вместе со всеми, если приходилось, терпели какие-то неудобства. На репетициях ждали своей очереди вместе с новичками, вчерашними студентами. Вместе со всеми ездили на экскурсии, ходили на выставки, в музеи. С ними приятно было общаться, приятно наблюдать, как они относились друг к другу.

Ларионова звала мужа Коля. Когда же он начинал себя плохо вести – Николай Николаевич. Если и это не помогало, могла употребить какое-нибудь крепкое выражение, не из самых крепких, конечно. Но в ее устах это не выглядело грубой бранью. Она не злилась, она вообще была добрым человеком. Она не ругала мужа, а поругивала. На что он, впрочем, не очень реагировал. Они любили друг друга, но чувства свои напоказ не выставляли.

У них были и недоброжелатели, которые распространяли о них сплетни, лезли в их личную жизнь. Но они как-то умели от этого отстраняться, да и Рыбникова побаивались».

Наталия Гвоздикова: «Они скучали по своим дочкам. Когда мы после концертов собирались у кого-нибудь в номере – поужинать, отдохнуть, разговор обязательно заходил о детях, и они рассказывали о своих девочках, какая что сказала, как рассмешила или, наоборот, чем огорчила. Очень о них беспокоились, делились проблемами.

Когда программа „Товарищ кино“ прекратила свое существование, все мы, актеры, стали реже встречаться друг с другом. Конечно, созванивались, поздравляли с праздниками, решали какие-то дела, виделись на собраниях. Причем Ларионова, если могла, обязательно на них приходила. Она вообще была человеком общительным, как с некоторых пор говорят – тусовочным.

После смерти Рыбникова в этом смысле она не изменилась, но стала болеть. Зная, как благотворно на нее действует актерская среда, атмосфера кинофестивалей, ощущение, как и для каждого из нас, своей востребованности, я пригласила ее в жюри фестиваля „Совездие“, который проходил в 1999 году в Твери. Помимо Ларионовой, в состав жюри вошли Георгий

Жженов, Михаил Глузский, Людмила Чурсина и Евгений Жариков, который его возглавил.

Я взяла на себя миссию пригласить Аллу Дмитриевну, потому что приготовилась ее уговаривать: она не очень хорошо себя чувствовала. Она согласилась без долгих уговоров – у нее как раз выпал перерыв в гастролях со спектаклем В. Шалевича „Коварство, деньги и любовь“.

Работала она много, с большим интересом, не пропускала ни одного кинопросмотра конкурсной программы. На здоровье не жаловалась. О ее плохом самочувствии можно было лишь догадываться: на этот раз она с нами никуда не ездила, оставалась в номере отдыхать. Но просила, когда мы вернемся, обязательно ей позвонить.

…Рыбников и Ларионова оставили о себе самые добрые воспоминания. Вот ведь знаменитейшие актеры, а никогда не подсчитывали не в пример иным нашим старшим, и не только старшим, коллегам: сполна ли им возданы почести, достаточно ли в их адрес похвал?

Недавно по телевидению показали фильм „Седьмое небо“, в котором они играли главные роли. Для нас была большая радость их увидеть. Это так хорошо, что в последнее время чаще стали демонстрировать на телеэкране советские картины. Их интересно смотреть. С ними наши любимые актеры остаются жить».

Белые вороны

Они еще раз пересеклись, так сказать, географически, наши с Ларионовой жизненные дороги: последние семь лет она проживала в Банном переулке, в доме, расположенном в сотне метров от того, давным-давно снесенного, где прошли мои школьные годы и юность.

Я договорилась о встрече со Светланой Аркадьевной Павловой. Это благодаря ей состоялся переезд Ларионовой из Марьиной Рощи сюда, в дом № 7, в котором жила сама Павлова.

От метро «Проспект Мира» решила пройти пешком. Уж не помню, когда я последний раз ходила по родной улице. Стоял март, теплый, солнечный. Откуда-то тянуло арбузной свежестью. Настроение было весеннее.

Шла не спеша, заглядывала во дворы домов, в которых когда-то жили мои подруги, рассматривала фасады старых зданий – и мало что узнавала. Не я – улица впала в беспамятство!

Первые этажи буквально «засижены» какими-то пестрыми зазывными вывесками, немытые окна зарешечены, вместо красивых парадных дверей – безликие металлические. Дворы грязные, всюду валяются ржавые железки, обрывки проводов, черные деревяшки. А мы зимой заливали там каток, летом играли в волейбол и лапту, весной сажали деревья.

То там, то тут беспорядочно втиснуты кое-где выпирающие из ряда домов серо-голубые новоделы с модными ныне башенками, как «джинсовые зубы» из старого анекдота.

А когда-то, хоть и называлась улица 1-й Мещанской, это был настоящий проспект – просторный, прямой, с широкими тротуарами. Рано утром его бороздили поливальные машины, в мощных струях воды хрустально переливалось солнце.

Вечерами мы, старшеклассники, гуляли по нашему «Броду» (Бродвею то есть). Не бесцельно, нет: мы ходили на Колхозную площадь (ныне Сухаревская) смотреть на больших часах время.

А поскольку, пока возвращались оттуда, время, естественно, не стояло на месте, мы отправлялись обратно.

Теперь я шла маршрутом юности, и в голове крутились строки Геннадия Шпаликова: «По несчастью или к счастью, истина проста: никогда не возвращайся в прежние места…». Повернула в Банный переулок, подошла ко второму корпусу дома № 7 – и на сердце потеплело: у входа – мемориальная доска, на которой написано, что здесь с 1993 по 2000 год жила народная артистка России Алла Дмитриевна Ларионова. На полочке – цветы, как живые ростки ее памяти. Я будто иду к ней в гости.

Звоню в дверь. Мне открывает Светлана Аркадьевна.

История, как бы заранее мне известная. Познакомилась по молодости тогда просто Светлана с Рыбниковыми на съемках телефильма «Длинный день Кольки Павлюкова» в 1967 году. Работавшая на телевидении еще с той поры, когда студия находилась на Шаболовке, общавшаяся со многими знаменитыми актерами, режиссерами, кинодокументалистами, Павлова враз и навсегда сдружилась именно с Рыбниковыми.

– Я бы не стала дружить с Рыбниковыми, будь они другие, – говорит Светлана Аркадьевна. – Все, буквально все, познакомившись с ними, подпадали под их обаяние. При всей их известности, они были добрые, не чванливые, сердечные люди. С другими дружу, но не так.

Алла Ларионова и Николай Рыбников у себя дома

Она считает, что ей очень повезло на таких друзей. А я, слушая ее рассказ о годах, прожитых с ними рядом, убеждаюсь, что Алле и Николаю вместе и каждому из них в отдельности тоже выпала редкая удача – иметь такого друга.

Красивая, живая, деятельная, прошедшая путь от помощника режиссера до директора картины, организатора сложного процесса производства фильма, она и дружбу понимала соответственно своему характеру и делу жизни. «Друг – это действие», – говорила Марина Цветаева…

Съемки телефильма проходили на Азовском море и в Ялте. Режиссер К. Бромберг на одну из ролей взял Николая Рыбникова. Он попросил пригласить Аллу. Режиссер не возражал – роль для нее была. Ей разрешили привезти детей – Алену, которая тогда перешла в четвертый класс, и Аришу, она должна была пойти в школу осенью. В те времена на съемки можно было приезжать с семьей, условия позволяли. Для Рыбниковых сняли дом на берегу моря.

– С ними было и работать, и отдыхать хорошо, – рассказывает Светлана Аркадьевна. – Никаких хлопот не доставляли, никогда не опаздывали. На них можно было положиться. В Москве, бывало, договоримся куда-нибудь ехать, досылаем машину. Они уже стоят у подъезда. А если машина вдруг задерживается – никаких скандалов. Их покладистость меня иногда выводила из себя. Вот пример. Лифт в их доме в Марьиной Роще отключался в 12 ночи. Вешался амбарный замок, и они топали пешком на свой восьмой этаж, иногда и с кинороликами после выступлений, усталые. Однажды я, выйдя от Аллы, спустилась на лифте вниз, а выйти не могла и подняться наверх тоже. Хорошо, что откуда-то вернулся Николай, и через какое-то время меня вызволили из ловушки. Тут уж я их настропалила, написали они куда следует, и лифт таки перестали отключать. Не подтолкни их, не уверена, что им пришло бы в голову чего-то требовать в личных интересах. Аккуратисты невозможные! Все счета, квитанции оплатят в срок, без малейших возражений. Это я еще могу по своей натуре сказать, что нельзя так верить любой бумажке, с вас лишнее берут, а вам будто так и надо. Да ладно, машут рукой. Рыбников законопослушный до смешного. Кто-то, может, не поверит. Этой чертой он напоминал мне (и вообще напоминал) Папанова. Один и тот же человеческий типаж. Однажды на съемках в Сухуми я зашла к Анатолию Дмитриевичу в номер гостиницы «Абхазия», и он стал варить кофе. В этот момент в дверь постучали.

Наш всенародно любимый актер растерялся, как мальчишка, в испуге забегал с кипятильником: ведь нельзя!

…Сколько светлых воспоминаний у Светланы Аркадьевны связано с Аллой и Николаем, сколько забавных историй! Не очень забавных – тоже, но первых гораздо больше.

Она была свидетельницей сцены ревности, которую устроил Николай в ее квартире.

То, что Рыбников вспыльчив, было известно всем. А то, что он не любил ходить в гости, на всякие, как теперь их называют, тусовки, в разные компании, мало кто знает.

Павлова пригласила Аллу с Николаем на день рождения своего мужа. Алла приехала одна, сказала, что Коли не будет. Застолье было шумное, веселое. Среди гостей был один молодой человек, давно, как оказалось, влюбленный в Ларионову – безнадежно, на расстоянии, подобно Желткову из купринского «Гранатового браслета». Когда Алла вышла покурить в соседнюю комнату, она всегда много курила, он последовал за ней, сел у ее ног и стал читать наизусть реплики из ее киноролей, начиная с Любавы. И тут на пороге возник Рыбников! Нокаутировал вскочившего при его появлении бедного влюбленного, повернулся и ушел, хлопнув дверью. Повисла пауза.

Все сочувствовали ни в чем не повинному парню. Но и Колю можно было понять. А потом взоры всех обратились на одного из гостей, мужчину, и это многим было известно, по-настоящему увлеченному Аллой. Кто-то с намеком произнес: «Эх, не тому влетело!».

Напряжение было снято.

– Коля звал меня «радость моя», только так, – продолжает Светлана Аркадьевна. – У него такие интонации мягкие в голосе, приглушенные, абсолютно естественные. Об этом и по кинофильмам можно судить. Не зря женщины по нему с ума сходили. Алла, иногда мне казалось, недостаточно его ценила. Он же был к ней беспредельно великодушен, все заранее прощал. Я наблюдала, наблюдала и однажды сказала ему: «Хватит от Алки терпеть! Мой тебе женский совет: не поночуй хотя бы ночку дома. Пусть попереживает, ей же на пользу». Мы вошли в сговор, и я устроила ему эту «неночевку». Она тут же позвонила, видимо, плохо спала: «Коля ночевать не пришел! Ты не знаешь, у кого он может быть?». Я, конечно, не знала. А Коля тоже, видимо, плохо спал, явился утром, выдал «явку» и вообще все честно рассказал. Оставалось только всем нам посмеяться над этой историей.

А однажды, тогда у них в квартире шел ремонт, и все они были на взводе, случилась ссора. Он собрал чемодан и твердо сказал: «Все! Ухожу!». И ушел. В гостиницу «Северная». В те времена имеющих московскую прописку в столичных гостиницах не селили, но ради него это правило, конечно, было обойдено.

В тот же вечер он позвонил домой, а наутро вернулся.

И никаких выяснений, продолжали жить как ни в чем не бывало.

…Я слушала Светлану Павлову и думала: все-таки это лучше, правильнее, когда о таких хороших людях, «белых воронах»,

рассказывает и пишет кто-то другой, а не они сами. Не представляю, чтобы Ларионова, к примеру, написала: «Со мной было хорошо работать, дружить. В меня влюблялись все мужчины… Мы с Колей не умели копить ни обид, ни денег…».

К слову о накопительстве. В свое время Рыбников и Ларионова хорошо зарабатывали. Заветной кубышки, однако, не имели, деньги тратили на нормальную жизнь: на квартиру, машину, отдых, на, говоря словами Экзюпери, роскошь человеческого общения, немалые суммы давали в долг – не жались, в общем. Собственной дачи, правда, не заимели, да они и не стремились к этому.

Когда сегодня на страницах еженедельника «7 дней» и других глянцевых журналов я вижу дворцы-крепости, с престижными бобиками на английском газоне, охраняемые, как золотохранилище; позирующих перед камерой в интерьерах безлико-белых, как в кабинете зубного врача, современных кинозвезд, несравнимо менее известных, чем герои этой книги, мне хочется крикнуть: «Где вы, люди?».

Палаты каменные вижу, а человека не вижу. Помпезное гипсовое великолепие вижу, а вкуса… Впрочем, стоит ли его искать, если это вкус дорогого модного дизайнера? Умение вертеться – вижу. Что же касается таланта, то кому его недоставало, чтобы сыграть проститутку или подружку «нового русского», красиво держать бокал в руке с прямоугольными ногтями (впрочем, ныне в моду вроде опять вошли овальные), немного повизжать, когда ее насилуют, целиться из пистолета, держа его двумя руками и расставив полусогнутые ноги… Здесь никаких актерских подвигов не требуется, профессионализма, вхождения в образ…

– Вот смотрите, – говорит, как бы угадав мои мысли, Светлана Аркадьевна, – кого до сих пор приглашают на серьезные мероприятия, связанные с кино? Клару Лучко, Ларису Лужину, Людмилу Гурченко, Нонну Мордюкову, Надежду Румянцеву. Была бы жива Алла, приглашали бы ее. Каждая из этих актрис – индивидуальность. А новых, которых много, с фигурами моделей почему-то не приглашают, их почти никто не знает, они мало кому интересны, не впечатляют. Но я не о них.

Все, кого я назвала, были большими друзьями Рыбниковых. Конечно, не только они. Когда дочери кончали школу, Алла и Николай устроили там концерт, прямо как во Дворце съездов, шутила Алла, – кто из друзей мог, все в нем участвовали.

На Аллу и Николая, на то, как они относятся друг к другу, приятно было смотреть. Да, это была большая любовь, но они не выставляли ее напоказ. Не было прилюдного объяснения в

чувствах, сюсюканья, целования ручек, преданного заглядывания в глаза. Алла не требовала постоянных доказательств его любви к ней, не хвасталась перед другими, как иные глупые жены, мол, смотрите, как он меня любит, чего только он ни готов ради меня сделать!

Вот живем мы в Доме актеров в Сочи или в Пицунде, так, наверное, у многих складывалось впечатление, что Николай с Аллой в размолвке. На пляж приходили в разное время. Мы с Аллой вместе и в море и на берегу. А Коля обычно отдельно, знай книги читает – любимое занятие, помимо шахмат. В столовой долго не засиживался, опять-таки в отличие от нас. Некоторые даже обижались на него. Нонна Мордюкова спрашивала у Аллы, почему это Коля с ней, Нонной, не разговаривает? А она отвечала, что тоже могла бы предъявить ему подобные претензии. Что он вообще неразговорчивый, любит быть один, особенно на отдыхе. Коля мог, к примеру, не занять ей лежак или проявить какое-то невнимание. В другой семье непременно это стало бы поводом для скандала. У них – нет. При всей своей избалованности Алла на такие вещи не реагировала. Николай мог и серьезное замечание сделать своей Лапусе, не при посторонних, конечно.

Нонна Мордюкова (на снимке третья справа) на дружеской пирушке с коллегами-актерами.

Крайняя слева – актриса Алла Ларионова, с гитарой – Николай Рыбников

Больше всего на свете он боялся огорчить ее, старался, чтобы у нее было как можно меньше переживаний из-за него, ограждал ее от разных неприятностей.

Запускали мы в производство фильм «Дни хирурга Мишкина». Хотели взять на главную роль Рыбникова. Но он раза два явился на съемки «не в форме», и режиссер не захотел рисковать, пригласил Олега Ефремова. С Николаем явно что-то происходило, он не мог с собой справиться. «Ты только Алке ничего не говори», – попросил он меня.

Жили мы как-то с Аллой под Тверью. Я работала на картине «И снова Анискин», а она гостила у меня. Быть долго в разлуке с ней Коля не мог, и в первые же свободные дни решил нас навестить. Поехал на машине, тогда у них был «Москвич». Неподалеку от Твери произошла авария, машина перевернулась, и Коля, как выяснилось, сломал четыре ребра. К нам был послан человек, который рассказал о случившемся сначала мне, чтобы я как можно мягче сообщила обо всем Алле. Конечно, она очень встревожилась. Но Коля поспешил приехать сам, хотел показать, что с ним все в порядке. Какое «в порядке»! Ведь это такая боль! Он же собирался и сам машину доставить в Москву, вместо того чтобы побыть в больнице. Тут он и меня жалел: знал, что Жаров, игравший Анискина, с воспалением легких лежит в больнице, и у меня с ним хлопот по макушку.

Николай и к друзьям относился любовно. Был внимателен, замечал их настроение. Помогал, но в основном, так сказать, в коммунальных проблемах. А в делах, связанных с кино, где у него было имя, авторитет, – не мог: ни слов, ни тона для произнесения просьбы не находил. У иных актеров, менее известных и даже вовсе не известных, что-то где-то было «схвачено», контакты налажены, в знакомых – сплошь «нужные люди». Рыбников своим авторитетом не козырял, блатом пользоваться не умел. Даже ради других. Ради себя – тем более. Алла такая же была.

Последний раз я видела Николая незадолго до его смерти – мы случайно встретились в гостинице. Я работала тогда с делегацией американских кинематографистов. Вышла из лифта и вдруг услышала: «Здравствуй, радость моя!».

Коля сказал, что будет сниматься вроде в советско-американском фильме и был здесь как раз по этому поводу…

…К воспоминаниям Светланы Аркадьевны Павловой я еще вернусь, а пока ставлю точку.

После звездной поры

Рыбников и Ларионова продолжали сниматься в кино, но с годами менялся характер их ролей. Это было вполне естественное явление, но это не значит, что безболезненное. Особенно для Ларионовой с ее амплуа героини. Здесь многое зависело от того, как она сама переживет эту ситуацию.

Теперь, оглядываясь назад, можно сказать, что пережила она ее достойно.

Безгранично любимая мужем, окруженная поклонением, познавшая славу, она не позволяла себе почивать на лаврах. Ее щедро одарила природа, но в большой степени она сделала себя сама. Она не старалась мыслимыми и немыслимыми усилиями сохранить молодость, стремилась играть роли, соответствующие ее возрасту. Но всегда следила за собой, не позволяла себе распускаться, мол, и так сойдет, и такую будут любить.

Склонная к полноте, постоянно сидела на диете. Жизнь, ты знаешь, что это такое! Особенно при возможностях нашей страны, а не, к примеру, Франции. И добилась своего: была изящной и элегантной. Ее подруги худели по «диете Ларионовой».

Не удержусь, чтобы не привести ее здесь. Может, кому-нибудь она пригодится.

1-й – 3-й день. Промытый рис отварить без соли, обдать кипятком и подержать на пару. Есть в любом количестве и запивать натуральным яблочным соком.

4-й – 6-й день. Вареная нежирная курица, без кожи, без соли. Есть сколько хочешь, запивать чаем или кофе без сахара.

7-й – 9-й день. Творог, молоко или кефир.

10-й – 12-й день. Сыр и фрукты.

Ларионова не причисляла себя к храброму десятку, но машину водила лихо. Тем не менее, с ней не боялись ездить. Однажды, говорят, она везла на своей машине четырех лауреатов Ленинской премии: Бондарчука, Чухрая, Ежова и еще кого-то. Но это так, к слову. Тщеславием не грешила, в этом плане ей нечего было в себе исправлять. Никогда не хвасталась, хотя было чем, и не жаловалась, хотя было на что.

Человек искренний и открытый, научилась сдерживать себя. Без этого в актерской, как и в любой творческой среде, не проживешь. Здесь люди зачастую познаются в радости, а не в беде. Беде не завидуют, а счастье, успех рождают зависть и злобу.

Да, она всю жизнь лепила себя, но в ней не было ничего от расплодившихся, особенно в последнее десятилетие, «сделавших себя» женщин: ни их самоуверенности, ни бестрепетности перед

всем и всеми, ни презрения к «несумевшим», «недостигшим», короче – к неудачникам.

Одна актриса сказала: актерский характер имеет «локти». В характере Ларионовой, и актерском, и человеческом, «локтей» не было, и вообще никакой «сволочинки». Она не стремилась выбиваться из ряда, затмевать других, быть постоянно на виду. Ее победы были победами только над собой.

Вполне возможно, что из-за такой линии поведения она потеряла какие-то роли. Но то нам знать не дано.

Однажды, еще в начале своей кинокарьеры, Ларионова полушутливо подосадовала:

– Как жаль, что я не вышла замуж за кинорежиссера! Все приходится делать самой.

Какое счастье, скажу, что она не была женой режиссера!

Счастье для самой актрисы, потому что если ее выбирают на роль, то исходя из ее актерских данных, а не семейного положения, что честно и справедливо. Счастье для зрителя, потому что, если режиссер ищет актрису, а не берет одну-единственную, которая у него всегда под рукой, значит, есть возможность открытий, появления на экране нового лица. А новизна привлекает.

– С режиссерами у меня были абсолютно честные отношения, – говорила Ларионова в одном из интервью. – Это очень важно. На моих глазах многое происходило. Режиссеры снимали своих бездарных жен, любовниц. Мне повезло. Судьба дарила встречи с порядочными людьми.

«Повезло» – и вдруг, пусть шутливое, сожаление о том, что она не жена режиссера. Значит, как выражаются ныне, ее достали…

Муж-режиссер и жена-актриса, которую он снимает в своих фильмах (ограничусь, естественно, отечественным кинематографом), – здесь есть повод для размышлений, особенно в книге о киноактерах.

Подобный брачный союз отнюдь не «вещь в себе» и не всегда приносит пользу делу. Выходя за рамки частной жизни, этот творческий тандем, бывает, впрямую ущемляет интересы актрисы-«не жены» и – косвенно – зрителя.

Справедливости ради надо сказать, что известные режиссеры женятся, как правило, на актрисах талантливых.

И все же…

Григорий Александров всю жизнь снимал Любовь Орлову, свою жену. Несомненно, она звезда первой величины – красивая, яркая, пластичная, музыкальная. Невозможно представить какую-нибудь другую актрису в главной роли в фильмах «Веселые

ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Светлый путь», «Весна».

Алла Ларионова и Николай Рыбников. 1970-е гг.

Кинокарьеру Орлова начала не так уж рано – в тридцать лет. Шли годы, десятилетия, а муж продолжал снимать свою жену, и главное – исключительно в ролях молодых женщин. Фаина Раневская, дружившая с прославленной четой, однажды возмутилась: «Мы с Любой почти ровесницы, а Гриша предложил мне играть ее бабушку!».

Амплуа героини имеет возрастной предел, и актрисе надо иметь мужество смириться с тем, что настанет момент, когда она должна будет распрощаться с этим амплуа и перейти на характерные роли, на роли пожилых женщин – жен, матерей, быть может, даже старух.

Орлова же больше всего на свете страшилась старости. Она не хотела замечать того, чего не могли уже не замечать окружающие, те же зрители, к примеру, и продолжала играть молодых женщин в фильмах, поставленных Александровым. Другой режиссер вряд ли пошел бы на это, имея выбор.

В результате вышедший на экраны в 1960 году фильм «Русский сувенир», несмотря на участие в нем, помимо Орловой, Кадочникова, Гарина, Попова, Быстрицкой, успеха у зрителя не имел, был раскритикован в печати, короче, провалился. И дело не в том, как где-то писали, что после смерти Сталина можно уже было ругать его любимцев, а в несоответствии, что бросалось в глаза, возраста актрисы возрасту героини, которую она играла.

Более поздний фильм Григория Александрова «Скворец и Лира», где семидесятилетняя жена режиссера опять же играла молодую женщину, до зрителя просто не дошел: никакими ухищрениями не удалось скрыть возраст актрисы. Ситуация, использую образное выражение известного сатирика, «паровоза для машиниста». К тому же паровоза, на рельсы так и не ставшего.

На эту тему есть анекдот.

У режиссера новогоднего представления, мужчины очень в годах, имеющего под стать ему и супругу, актрису, спрашивают:

– А Снегурочку будет играть ваша жена?

– Разумеется! Не играть же ей Деда Мороза!

…Другая кинематографическая пара: Михаил Ромм и Елена Кузьмина. Прекрасная актриса! И фильмы, созданные этим режиссером с ее участием, выдающиеся. Недаром они вошли в историю отечественного кино, достаточно упомянуть один – из самых ранних – «Мечту».

Но вот, уже в наше время, смотрю передачу о кино, автор которой сочувствует Ромму по поводу того, что режиссеру в фильме «Убийство на улице Данте» не позволили снимать жену. А я, зритель тех лет, не знала об этом факте и искренне рада была появлению на экране талантливой молодой актрисы Евгении Козыревой. Была рада, хотя по-прежнему любила «Ромовую бабу», как одни ласково, другие, думаю, не очень прозвали Елену Кузьмину.

А вот еще ракурс темы «муж-режиссер».

Марина Ладынина снималась в главных ролях фильмов своего мужа Ивана Пырьева. Она прославила его, он – ее. Все шло хорошо, пока они были вместе. Когда же они расстались, Ладынина рассталась и с кино. Было же актрисе немногим за пятьдесят.

Не уверена, что кто-нибудь от души пожалел Ладынину (да и вряд ли ей была бы приятна жалость), – уж слишком много завистников и недоброжелателей поднакопилось у нее за годы, когда она снималась из фильма в фильм. За ней, все имевшей и все вместе с утратой статуса жены режиссера потерявшей, тянулся незримый шлейф ее счастливых десятилетий в кино, чего коллеги простить актрисе не могли. Она и замуж больше не вышла.

А Пырьев? Я училась на факультете журналистики МГУ вместе с его сыном от первого брака (с актрисой Адой Войцик) Эриком. Однажды, уже после окончания университета, я увидела в ресторане Дома кино отца и сына с их новыми женами. Причем – тогда это еще шокировало – жена сына была старше жены отца.

В данном случае, правда, мои интересы как кинозрителя не были ущемлены. Наблюдения же эти – к вопросу, стоило ли Ларионовой жалеть, что она не вышла замуж за кинорежиссера. Уж не надежнее ли «все делать самой» и не добавлять к одной из самых зависимых профессий еще и зависимость от мужа?

Конечно, были и есть режиссеры, которые свой профессиональный долг ставят выше семейного.

К примеру, Юрий Чулюкин в «Девчатах» снял в роли поварихи Тоси не свою жену Наталию Кустинскую, на эту роль, так сказать, законно претендовавшую, а Надежду Румянцеву. Просто снайперское попадание в роль! Невозможно представить себе на месте Румянцевой какую-либо другую актрису, тем более Кустинскую, с ее, не в обиду будь сказано, вяловатым темпераментом (вспомните одну из подруг, блондинку, в фильме «Три плюс два»).

Впрочем, насчет темперамента я, наверное, не права: он был проявлен в реальности. Узнав, что съемки начались и без нее, разгневанная супруга устроила грандиознейший скандал не оправдавшему ее надежд супругу.

…И намеренно не права в том, что придала такое большое значение фразе, скорее всего вскользь, под настроение, оброненной Ларионовой, – очень хотелось показать и эту сторону такого непростого кинематографического бытия.

На самом деле Ларионова ни разу не пожалела, что вышла замуж за Рыбникова. «Я счастливая женщина, – сказала как-то она. – Я снималась в кино, и меня очень любил Коля Рыбников».

Он же в день своего пятидесятилетия на вопрос корреспондента одной из газет «Самое значительное событие в вашей жизни?» ответил: «Встреча и знакомство с моей будущей женой – актрисой Аллой Дмитриевной Ларионовой».

Ларионову хвалили, когда она отказывалась от костюмных ролей в пользу ролей в современных фильмах. В те времена вообще нельзя было показаться «в свете», пред очи журналистов и критиков без этого желания – сыграть роль современницы(-ка), естественно, положительную. Потому большим везением посчитала Ларионова утверждение ее на главную роль, Варвары Княжич, женщины-геолога, в фильме «Дикий мед» по одноименному роману Леонида Первомайского. Ей предстояло сыграть героиню, начиная с семнадцатилетнего возраста и кончая семьюдесятью годами.

Задача для актрисы трудная, но увлекательная.

Ларионова много работала над гримом, чтобы изменить свое лицо, убрать красоту, постепенно себя старить. Играла без наклеенных ресниц, изменила походку. В результате Варвара

Княжич разительно отличалась от ее прежних пленительных героинь, отличалась настолько, что Ларионову в гриме никто не узнавал. Даже Тамара Макарова прошла мимо нее по коридору студии, удивленно кивнув на приветствие. Самое смешное, что и Рыбников, заехавший к ней на Мосфильм за ключами от квартиры, тоже не узнал ее!

Ларионова ликовала: значит, она может играть и такие роли!

Да, Варвара Княжич ей удалась, и то не ее вина, что фильм по большому счету не состоялся.

Этот фильм навел меня на грустные размышления. Меня огорчало именно то, что так радовало Ларионову, когда никто ее не узнавал. Зачем такие жертвы? Почему, думаю я, мы не ценим красоту наших женщин, актрис в частности? Почему в те, и более ранние годы особенно, мы избегали показывать в кино в ролях современниц красивых актрис, а если показывали, всячески прятали их красоту? Да что там прятали, попросту уродовали их. Одевали в какое-то тряпье, в бесформенные штаны, обували в сапоги, голову повязывали линялой косынкой, пачкали жженой пробкой лицо. Надо было обладать красотой наших женщин, чтобы при все этом выглядеть привлекательной.

Не знаю, где еще актрисе могли отказать в роли из-за ее красоты.

Ирина Скобцева рассказывала, как ее пробовали на роль Леночки в фильм «Карнавальная ночь». Она и пела, и танцевала, и чечетку отбивала. Всем понравилось, как она это делала, и сама она понравилась. Но самый большой киноначальник сказал: «Работница заводского Дома культуры не может быть такой красивой» – и Скобцеву «зарубили». Леночку, как известно, сыграла Людмила Гурченко.

А Ирину Скобцеву все-таки умудрились снять в каком-то фильме в роли крестьянки, изменив ее лицо до неузнаваемости, разумеется, в сторону «некрасоты».

В беседе с Людмилой Гладунко я затронула эту тему – в связи с ролью Варвары Княжич, которую сыграла Ларионова, и нашла в ней, к своей радости, союзницу.

Мнение Людмилы Гладунко тем более ценно, что она дочь киноактрисы, сама киноактриса, к тому же красивая женщина, и сыграла в кино более тридцати ролей, главным образом современниц. Так что эту проблему (а это проблема!) она знает изнутри. К тому же по наследству от матери, Риты Ивановны Гладунко, к ней перешла дружба и с Аллой Ларионовой.

Кадр из кинофильма «Дикий мед». 1966 г.

«Есть такие, кто хвалит Аллу Ларионову за исполнение роли Варвары Княжич в фильме „Дикий мед“. Да, роль эта сделана достойно, на высоком профессиональном уровне, – говорит Людмила Михайловна. – Но мне кажется, Ларионова вынуждена была согласиться играть в этом фильме, потому что она очень хотела работать, а предложений становилось все меньше и меньше. Потому радоваться нечему, хотя сама она дорожила этой картиной.

Актриса, которая могла бы, помимо „Двенадцатой ночи“, играть и в других комедиях Шекспира, и не только в комедиях, которая могла бы сыграть, к примеру, Элен в „Войне и мире“, почему-то должна, чтобы быть в работе, разбазаривать, иначе не скажешь, свой талант, индивидуальность, маскировать свою красоту.

Ларионова не сетовала, но однажды призналась, что теперь, десятилетия спустя, жалеет, что когда-то отказалась играть Ольгу Дымову в „Попрыгунье“. Отказалась по молодости, из нежелания после „Анны на шее“ повториться. Режиссер Самсон Самсонов ее уговаривал, и теперь она поняла, что была неправа. Я считаю, что роль у нее получилась бы не хуже, чем у Целиковской, потому что это была ее роль.

Остается сокрушаться о том, что долгие годы красота и яркая индивидуальность актрисы мало что были невостребованы, никому не нужны, а попросту отпугивали режиссеров. В ту пору была такая тенденция – я это сама помню, потому что уже начала

сниматься: как только появлялась более или менее красивая актриса, ее старались втиснуть в общий ряд, притушить, закамуфлировать, чтобы она выражала социальный тип. Больше режиссерам, ставящим фильм на современную тему, от нее, пожалуй, ничего не требовалось.

Я снималась в фильме „Русское поле“ с Нонной Мордюковой, с Людмилой Хитяевой и все время слышала: ох, ну ты слишком красивая для обыкновенной трактористки! Думаешь: боже мой, как стать некрасивой, чтобы тебя снимали. Красота вроде дефекта какого была.

А теперь мы понимаем, что красота – это великий дар, большая драгоценность. Люди во всем мире на красоте огромные деньги зарабатывают. Миллионы платят, чтобы иметь в кадре красоту.

И в этом была трагедия Аллы Ларионовой. Сниматься за границу ее не отпускали, даже скрывали от нее приглашения (Чарли Чаплина, к примеру), а на родине она радовалась роли Варвары Княжич, для которой ее уродовали так, что родная мама не узнала бы.

Ларионова могла стать символом русской красоты, России, как Мэрилин Монро стала символом Америки, а наши красивейшие женщины должны были приглушать, прятать свою красоту, чуть ли не стыдиться ее.

Сейчас мы вздыхаем и говорим: природа такого не повторит, такого дара божественной красоты. Уж не говорю о том, какой она была актрисой, это все понимали. Она обладала основными слагаемыми профессии: внешностью, голосом, умением перевоплощаться. Теперь остается только сокрушаться, что в полной мере не оценили ее, смотреть фильмы с ее участием – „Анну на шее“, „Двенадцатую ночь“ и другие, наслаждаясь ее неповторимой красотой».

…Я слушала Людмилу Гладунко, во всем была согласна с ней и порадовалась тому, что времена «эстетики некрасивости» в нашем кино ушли в прошлое.

Однако я не могу воспринять и современный «культ красивости», всех этих травленых блондинок с прямыми волосами, стандартными фигурами (в народе их прозвали «зубочистками»), сплошь на одно лицо – не различить. «Хоть бы метка в уголочке вышита!» – говоря словами Маяковского.

Мало того что все они убийственно одинаковы, они играют одинаково, одно и то же и одних и тех же. Ларионова ушла, сохранив свою тайну. В нынешних красотках и разгадывать нечего – так высветили их глянцевые журналы, перемололи сериалы, ток-шоу, телеинтервью, рекламные ролики. Если какая

из них и обладала индивидуальностью, то утратила ее во всей этой суете. Алла Ларионова отличается от них, как произведение искусства от штамповки.

Даже на пике своей славы ни Рыбников, ни Ларионова не выдвигали требований к режиссерам, типа: возьмете в картину жену (мужа) – буду сниматься, а нет – до свидания!

Их редко снимали вместе (разумеется, не только поэтому – уж очень разные у них были амплуа). На память приходят «Млечный Путь», «Дядюшкин сон», «Старый знакомый», один-два телефильма. Если и снимали вместе – картину «ставили» не на них, кроме, пожалуй, телефильма «Ведьма».

И вот в 1971 году на экраны вышел фильм Э. Бочарова «Седьмое небо», сценарий которого А. Галиев и М. Маклярский написали, имея в виду Николая Рыбникова и Аллу Ларионову как исполнителей главных ролей.

На одной из встреч с кинозрителями Рыбников сказал, что иногда придумывает своим молодым героям будущее, фантазирует, как сложилась бы их судьба в дальнейшем. Бригадир проходчиков Иван Мазаев, которого играл Рыбников в «Седьмом небе», можно сказать, с той же Заречной улицы, что вывела в жизнь сталевара Сашу Савченко.

Ксана, героиня Ларионовой, красивая, капризная, привыкшая к столичной жизни (первоначально фильм назывался «Московская жена»), не похожа на учительницу Татьяну Сергеевну из «Весны на Заречной улице», но драматургия взаимоотношений ее и Мазаева примерно та же, что и у героев «Весны». Это трудная любовь людей очень разных и к тому же зрелых, когда каждый несет в себе груз пережитого, «горчинку» душевного опыта, быть может, еще не осознанный страх одиночества.

Но эту сюжетную линию заглушает линия, так сказать, производственная. Излишне подробно показаны будни шахтопроходчиков. Тут и трудовой энтузиазм, и опасность, подстерегающая на каждом шагу, и авария (это непременно!), и орущий на всех бригадир, руководящий ее ликвидацией… Штампы, штампы, штампы. Действие в этих местах буксует, а эпизодически возникающие на экране сцены семейной жизни героев превращаются в иллюстрацию «положительности» образа Мазаева: работать умеет и любить тоже. Вот если бы «личная» линия «вынырнула» из-под «производственной», фильм получился бы много интереснее.

Людмила Гладунко, мать которой, Рита Гладунко, тоже снималась в «Седьмом небе», вспоминает, какими сложностями сопровождались съемки фильма:

«С самого начала сценарий „Седьмого неба“ не был прописан

как следует, и по ходу съемок он переделывался, от чего страдали все роли. Алла играла столичную красавицу – и только. Отсюда ее капризность, избалованность, нежелание жить в казахстанской степи, вдали от цивилизации, терпеть бытовые трудности. Рыбникову тоже нечего было играть – по большому счету.

Но больше всех пострадала мамина роль. Интересно заявленная, она практически сошла на нет. Мама играла женщину с необычной судьбой: она села в тюрьму вместо мужчины, которого любила. Завязку придумали, а потом сами же испугались – как это: в советском фильме о рабочем классе – и про тюрьму. Стали этот момент затушевывать, делать акценты на другом. Из драмы вынули зерно, из которого она взросла. Роль начала рассыпаться. Переписать ее заново не было возможности, а потому пошли по пути сокращений.

Роль, которую играл Рыбников, правда, не сокращали, а вроде даже дописали, но все равно она осталась схематичной. Обстановка на съемках был нервозная. Из-за этого и других причин в дружбе мамы и Рыбаковых возник некий холодок.

В конце концов картина получилась слабая. Хотели сделать хорошее для Ларионовой и Рыбникова – не вышло.

И главное, они сами понимали, что все не то и не так. Но начиналась безработица для актеров, они мечтали о картине и конечно, не могли от нее отказаться.

А с мамой они спустя какое-то время с радостью помирились и продолжали дружить».

Зрители хорошо встретили фильм, скорее всего, потому, что там играли любимые ими актеры Ларионова и Рыбников.

На Всесоюзном кинофестивале в Горьком (ныне Нижний Новгород), посвященном фильмам о рабочем классе, Николай Рыбников был признан лучшим исполнителем роли рабочего человека. Тогда это было вполне нормально – видеть в человеке его социальную функцию, а не характер во всей его сложности. Критика оценивала прежде всего идейное содержание картины, актуальность затронутых в нем производственных конфликтов, достоверность реалий общественной жизни. А то, что Рыбников явил нам с экрана повзрослевшего Сашу Савченко, в котором все всерьез и прочно, который умеет любить, но и сдерживать свои чувства, мало кто заметил и поставил актеру в заслугу.

Алла Ларионова и Евгений Киндинов на фестивале Сан-Себастьян представляют фильм «Молодые».
1971 г.

И все-таки хорошо, что этот фильм, «Седьмое небо», был в судьбе Рыбникова-киноактера. Иван Мазаев оказался завершающей его ролью – рабочего, бригадира. Плохо только, что это была точка (пусть логическая), а не многоточие, когда что-то ждало еще впереди.

Для Ларионовой и Рыбникова с начала семидесятых наступила полоса «размеренного творчества». Временная дистанция между фильмами, в которых они принимали участие, удлинялась, а роли укорачивались.

У Рыбникова в 1972 году была роль отрицательного плана в картине режиссера Б. Григорьева «Мраморный дом». Роль добавила какую-то краску в портрет Рыбникова-актера, но фильм этот мало кто видел.

В том же году он снялся в фильме «Круг». Съемки проходили в Сестрорецке, под Ленинградом. Неожиданно выпали свободные две недели, и, не умеющий радоваться в одиночку, Рыбников вызвал жену и друга к себе, и они незабываемо провели время в одном из домов отдыха на Финском заливе.

Николай и Алла очень любили Ленинград, его проспекты, Неву и каналы, разводящиеся мосты и маленькие горбатые мостики, похожие на театральную декорацию, его дворцы и

парки, Марсово поле. Приезжая в град Петра чаще по делам, они всегда находили время на посещение музеев, знаменитых пригородов, прогулок по Невскому. Покупали книги, в том числе, конечно же, по искусству. Домой возвращались обновленные, впечатлений хватало надолго.

Но однажды по дороге в Москву с ними случилась беда.

Они ехали на своей «Волге». Вела машину Алла. Николай потом рассказывал, что он с неохотой уступил ей руль: его мучило какое-то предчувствие.

Вечерело, накрапывал дождь. Шоссе было пустынно. Как пишется в таких случаях, «ничего не предвещало…». Вдруг вынырнувшая из-за поворота мчавшаяся на большой скорости машина ослепила их фарами. Алла не успела сориентироваться, крутанула руль, «Волга» перевернулась и упала в кювет вверх колесами. Рыбников выбрался из машины, он практически не пострадал и попытался вытащить из машины стонущую Аллу. Это оказалось невозможным: руль вдавился ей в грудную клетку, любое движение причиняло адскую боль, и она начинала кричать. Гудок заклинило, и он выдавал непрерывный, как сирена, сигнал. Сначала была надежда, что кто-нибудь проезжающий по шоссе услышит его, остановится и поможет. Но время шло, а помощи все не было. Николай выскакивал на шоссе, голосовал, но машины мчались мимо, а надолго одну Аллу он оставить не мог.

Наконец притормозил какой-то «Запорожец». Вдвоем с водителем им удалось высвободить Аллу. Ее довезли до ближайшей больницы. Затем пригнали подъемный кран, вытащили из кювета машину, отогнали на ремонт…

Так что можно считать, что эта ужасная история окончилась благополучно, в том смысле, что они оба остались живы, серьезно не покалечились и не потеряли веру в людей.

Водить машину Ларионова продолжала. И только когда «Волгу» сменили «Жигули», пыл к вождению у нее остыл: она так и не полюбила эту марку машины.

К периоду «размеренного творчества» оба они относились философски, понимая, что он неизбежен в жизни любого актера, и в том не прослеживается чей-то злой умысел.

Впрочем, для Ларионовой период этот быстро закончился – вместе с наступлением возраста, когда ее амплуа героини пережило себя. Начиная с 1977 года, она десять лет не появлялась на экране, затем снялась в небольших ролях в нескольких фильмах и вовсе покинула кинематограф. Она обрела другие ценности, находила, чем себя занять.

Рыбникову было труднее смириться со «щадящим режимом» работы. Он привык к большим нагрузкам, привык зарабатывать

деньги, быть кормильцем семьи. У него были силы, умение и опыт, не говоря уж о желании сниматься, а роли ему предлагали все реже.

Андрей Зоркий назвал Николая Рыбникова «человеком из оттепели». В статье, так и озаглавленной, опубликованной в журнале «Экран», кинокритик писал:

«Он пришел в середине 50-х – вместе с оттепелью, вместе с самым популярным своим героем Сашей Савченко. От „Тревожной молодости“ (1955) до „Девчат“ (1962) – меньше 10 лет. В этот срок вспыхнул, возник, промчался по нашему сумрачному небосводу и отсверкал этот звездный метеорит – Коля Рыбников, именно тот, тогдашний, молодой. Любимец публики, крещенный короткой майской грозой… Он был в ту пору поразительно похож на своих молодых героев. Простой. Открытый. С чуть усмешливым взглядом. С этой по-особому раскованной рыбниковской походкой.

Но странное дело: и то, что так полюбилось зрителям в его героях, что в общем-то приветствовалось и киноначальством в образах простых работяг, было неудобным, неприемлемым в самой личности актера, которому надлежало быть дисциплинированным „слугой народа“ и „верным помощником“ партии.

Николай Рыбников выламывался из подобного амплуа. Жил той разгульной, сумбурной, веселой и похмельной жизнью, которая вскоре откроет счет горьких потерь в нашем кино: Гурзо, Извицкая, Авдюшко’ Шпаликов…».

Он не сгорел, но как-то быстро, разом поседел как лунь. Звание народного артиста РСФСР он получил в 1981 году, когда талант и вся жизнь были уже на излете. Он не был членом партии, и именно это нечленство принудило его столь долго пребывать в незвании народного.

Да, что касается званий, то так оно и было: нечленам партии их присваивали в редчайших случаях. Но по поводу того, что Рыбников стоял в некой оппозиции к советской власти (мысль эта улавливается в статье), и его «разгульной жизни» хочется автору возразить.

Человек открытый, не двоедушный, Рыбников никогда не держал «кукиш в кармане». Даже знаменитый его розыгрыш в пору студенчества с «правительственным указом о снижении цен» не имел под собой никакой политической платформы, здесь было больше мальчишества, чем желания «насолить» власти. Да и власть в лице киноначальства в общем-то принимала Рыбникова таким, какой он есть, не принуждала к несвойственной ему роли «слуги народа» и «верного помощника» партии.

Рассказывают такую историю.

Как-то Рыбников, будучи уже всенародно любимым актером, оказался в составе группы кинематографистов на приеме у Никиты Сергеевича Хрущева, в то время первого секретаря компартии СССР, в подмосковном Архангельском. Встреча с творческой интеллигенцией протекала на лоне природы, в форме непринужденного общения, с обильной едой, выпивкой. Как полагается, в какой-то момент Хрущев вышел к микрофону для произнесения речи. Его слушали в полной тишине минуту, другую, пятую. И тут, в самый разгар партийных наставлений, раздался голос Рыбникова: «Никита Сергеевич, расскажите лучше про Кубу!». Говорят, Хрущев от неожиданности лишился дара речи. Пребывание кинематографической делегации в Архангельском было спешно свернуто. А Рыбников, вместе со всеми покидая прием, прихватил с собой, гласит предание, пакет раков.

…Никаких санкций, однако, не последовало. Благоволившая к Рыбникову Фурцева, министр культуры, сообщила актеру, что «в верхах» все улажено.

Пил ли Рыбников? Да, пил. Но, как говорится, в гранях цивилизации. Не по-черному. За столом, а не за столбом – есть такая поговорка в народе. Алкоголь стал проблемой в последние годы его жизни. (Головы, однако, он никогда не терял.)

Проблема эта была следствием другой проблемы, которая возникла у него гораздо раньше, чем у других актеров, – творческой невостребованности. Об этом, кстати, в свое время писал А. Зоркий. А в наши дни тот же вопрос затронул в передаче «Пестрая лента» режиссер Сергей Урсуляк.

«Николай Рыбников, – сказал он, – оказался одним из последних героев уходящей эпохи. Изменилось время, изменился и герой. Вся страна еще пела про старый клен и про девушку без адреса, но уже замаячили физики Смоктуновского и Баталова, уже открылся и работал театр „Современник“. И Рыбников, со своей жизненностью, простотой, стал казаться архаичным и примитивным, потому что изменилось представление о жизненности и простоте. Кого здесь винить?»

Пришли иные времена,
Взошли иные имена.

Министр культуры СССР Е.А. Фурцева, Н.Н. Рыбников, С.Ф. Бондарчук, В.В. Тихонов, Н.В. Мордюкова, А.Д. Ларионова, И.К. Скобцева и другие на загородной даче во время встречи руководителей партии и правительства с деятелями культуры и искусства.

1960 г.

…Все вроде так – и не так.

Я думаю, дело в том, что наступившим «иным временам» стал ненужным не Рыбников-актер, а Рыбников-человек. Как не нужны им оказались Владимир Ивашов, Валентин Зубков, Люсьена Овчинникова, Георгий Юматов, Леонид Харитонов, Муза Крепкогорская… Можно назвать имена еще не ушедших в мир иной актеров. Кого-то из отодвинутых на обочину жизни поразила болезнь, кто в пьянство, как в омут, бросился, что тоже болезнь, кто ударился в богоискательство.

Владимир Качан в книге «Улыбайтесь, сейчас вылетит птичка!» так пишет о невостребованных новой жизнью своих друзьях, и не только друзьях, – актерах, поэтах, писателях:

«Большинство тех, о ком тут рассказано, – люди с идеалами. Все, что теперь в цене, у них было не в цене. Даже деньги, и те были не в цене. А в цене были ум, талант, еще – сердечность… Ну

а еще, конечно, чувство юмора. Да и как иначе, если учителем наших персонажей была вовсе не жизнь, а лучшие образцы литературы. А это неверно и даже драматично для некоторых учеников, из которых выходят обычно идеалисты, рыцари, борцы за справедливость, поэты и влюбленные идиоты – мусор, который в сегодняшнюю жизнь вообще не вписывается.

Но странное подозрение смущает иногда мой несовершенный ум: вдруг выяснится, что в России и не было ничего лучше литературы и искусства».

Да, новая действительность отторгает таких людей, с их идеализмом и бескорыстием. Они же в ответ не могут принять ее.

Вот в чем суть.

Не могу согласиться с Урсуляком в том, что «у нас изменялось представление о жизненности и простоте». Понятия эти вечные. И если умеет актер создавать на экране жизненные и простые образы, то это великий дар, и архаичными, а тем более примитивными такие герои в восприятии зрителей не станут, какие бы времена ни пришли, и имена ни взошли. Ведь не кажутся нам сегодня отжившими свой век созданные в другую эпоху и выразившие ее киногерои Михаила Ульянова, Ивана Лапикова, Василия Шукшина, Нины Сазоновой, Нонны Мордюковой, да и те же физики Смоктуновского и герои молодого Баталова.

Автор процитированных Урсуляком поэтических строк об иных временах Евгений Евтушенко говорил и такое: «В искусстве не тесно».

Творческая невостребованность была для Рыбникова серьезным испытанием. А тут еще у него нашли что-то в легких. Положили в больницу. После исследования предложили одно легкое отсечь. Рыбников бросил курить, стал интенсивно лечиться, и надобность в операции отпала. Но он начал прибавлять в весе. Ларионова подыскала ему несколько вариантов диет, которым он следовал: надо было держаться в форме на случай «вдруг позовут». Ожидание этого «зова» было мучительным.

В 1985 году Рыбников снялся в фильме режиссера Виталия Мельникова «Выйти замуж за капитана» в роли Кондратия Петровича, партаппаратчика на пенсии, соседа главной героини. В лице этого персонажа Рыбников убедительно сыграл агрессивную, самодовольную посредственность. По результатам опроса «Советского экрана» он был признан лучшим исполнителем роли второго плана за 1985 год.

Едва ли не наравне с творческой «недогрузкой», если не больше, его угнетало другое.

– В прессе много писали о том, – говорит Алена Рыбникова, – что отец остро переживал свою невостребованность, и это его подкосило. Я жила с ним рядом, и у меня другое мнение. В кино он снимался до последних дней жизни. Правда, не так часто, как раньше, и не в главных ролях. В этом смысле он разделил судьбу многих киноактеров – винить тут некого, да он и не винил. Мама – тоже. Мне кажется, дело в том, что ему трудно было осваиваться в новом времени, с новыми нравами, решать проблемы, с которыми он никогда раньше не сталкивался и даже думать не мог, что они когда-нибудь возникнут. До него не доходил смысл перестройки, когда на глазах жизнь становилась все хуже и хуже. Пустели полки магазинов, культура приходила в упадок, было неясно, что принесет завтрашний день. Даже отношения между людьми стали смахивать на рыночные. Отцу все это было дико.

Николай Рыбников был из тех, кто не мог предложить рынку ничего, кроме таланта. Он мог быть только актером. В этом заключались и счастье его, и трагедия. Почему счастье – объяснять не надо. А трагедия потому, что дорога в общественные, в политические деятели, в коммерцию ему была заказана.

Последние годы они с Ларионовой трудно зарабатывали деньги. В группе других киноактеров продолжали ездить по стране с концертной программой «Товарищ кино», пока эти поездки не прекратились из-за отсутствия финансирования.

Низкая истина гласит: хочешь жить – умей вертеться. Вертеться они не умели. В перестройку не вписались. И, как многие люди, не нашли ответа на очень важные вопросы: в чем честному и трудолюбивому человеку надо было перестраиваться? В какой вине каяться? Какие блага несут искусству рыночные отношения?

Опору и Рыбников и Ларионова находили друг в друге, в семье, в друзьях.

Но прежде всего – друг в друге.

Ларионова уже много лет не снималась, но переживала это спокойно, находила, чем себя занять, не хныкала и не жаловалась. Он, конечно, тоже не жаловался. Но, как настоящий мужчина, работник, глава семьи, муж, не мог смириться с тем, что наступали времена, когда от него уже мало что зависело, и очень страдал от этого. Всю жизнь он оберегал свою любимую, убирал, как говорится, каждый камешек у нее на пути. Теперь больше она поддерживала его, не считая это подвигом, понимая, что с ним происходит. И мало кто знал, что творится у нее на душе. Крайне щепетильная в этом смысле, она не позволяла жалеть себя.

Об умонастроении Ларионовой в те годы можно судить по ее ответам на вопросы журналистки Татьяны Паниной в интервью, данном в начале 1990 года:

– Есть ли что-то в вашей судьбе, о чем вы жалеете?

– Жалею, что не было в наше время тех возможностей, какие есть сегодня не только у талантливых актеров и режиссеров, но даже у молоденьких девочек, нечаянно получивших корону на конкурсе красоты. Помню, в Венеции после кинофестиваля зарубежные продюсеры буквально засыпали меня предложениями, Кто знает, как могла сложиться судьба. Но тогда мысль принять предложение даже в голову не могла прийти, это считалось равносильным предательству. Варились в собственном соку. Отечественный кинематограф много от этого потерял. Сейчас начали понимать…

– Кстати, что вы думаете о конкурсах красоты?

– Зрелище смешное и грустное. Нет, девочки здесь ни при чем. Я не ханжа и не против конкурсов красоты. Но так много в этом деле безвкусицы, подражания западным образцам. Да и не ко времени это, поймите! Нашей замотанной женщине, которая не только красивой одежды купить себе не может, но даже элементарных средств ухода за собой – ведь ни косметики, ни крема, ни даже мыла теперь нет в продаже, – предлагают эталон, не обеспеченный жизнью.

Дивлюсь еще нашей способности довести любую идею до абсурда. Вот прочитала недавно, что в женской колонии – в тюрьме! – состоялся конкурс красоты… А за что сидит первая «красавица», умолчали.

– Алла Дмитриевна, чисто женское любопытство: что помогает вам держаться в отличной форме? Гимнастика?

– Никакой гимнастики. Спортом в молодости занималась. Сейчас – лишь диета. А движений, беготни и без гимнастики хватает нынешним женщинам. Я – не исключение.

– Что вас раздражает, мучает, причиняет боль?

– Нестерпимо больно, когда уходят из жизни близкие люди, друзья. Когда моя девяностолетняя мама лежит прикованная к постели в соседней комнате, и я ничем не могу помочь. Но она среди родных ей людей, детей, внуков. А сколько таких, как она, простых русских старух, некогда неутомимых тружениц, прошедших и войны, и голод, и репрессии, доживают в полном одиночестве на крохотные пенсии или умирают в казенных стенах. Говорим, говорим о прошлом, а в настоящем страдающих увидеть не умеем.

За плечами столько пережитого, выстраданного, потому, может быть, и чувствуешь глубже, и разумом можешь больше

понять. Хочется поделиться с людьми, хочется играть, но предложений, увы, не так много. Снялась недавно у Николая Губенко в его ленте «Запретная зона». Какой это был стимул! Жизнь снова обрела прекрасный смысл.

А с Рыбниковым зрители вновь встретились в фильме «Выйти замуж за капитана». Был там такой противный мужик в коммуналке, который пытался выжить свою молодую соседку из квартиры… Годы идут, герои наши меняются.

Съемочная группа фильма «Запретная зона».
1988 г.

Душа женская жива прежде всего своим состраданием, соучастием. Этим замечательны мои подруги: Нонна Мордюкова, Лариса Лужина, Майя Булгакова, Люся Гурченко, Муза Крепкогорская… Сегодня, когда авторитеты рушатся с легкостью, жизнь наша не устроена, остается то единственное, на чем может отдохнуть душа, – бескорыстие, соучастие, умение жертвовать

ради другого.

«…Наш разговор шел к концу, – пишет Татьяна Панина, – когда в дом вошел увешанный сумками, тяжело дыша – видно, что из очередей, – Николай Николаевич Рыбников. И я не решилась задавать ему вопросы об искусстве…»

Жить Рыбникову оставалось меньше года.

…Деньги не были для Рыбникова главным в жизни. Главным не были, но были необходимы как средство к существованию.

Но теперь даже на существование, не на нормальную жизнь, добывать деньги стало проблемой. Он не сдавался. Когда предлагали сниматься – не отказывался. Не отказывался от встреч со зрителями, от концертов, хотя понимал, что популярность его уже совсем не та.

«Я хорошо помню его в зрелом возрасте, – пишет Вячеслав Шалевич, – когда мы вместе работали в концертах. Он к тому времени уже изрядно полысел. И когда выходил на сцену и видел удивленные глаза зрителей, без тени смущения говорил: „Вы, конечно, хотели увидеть меня с той шевелюрой, а не с такой лысиной!“ – и буквально обволакивал публику своей открытостью и обаянием: зал взрывался аплодисментами».

Алла видела, что радость жизни уходит из него, и всячески старалась его подбодрить, отвлечь от тяжелых мыслей, от тяги к спиртному. Наконец на горизонте посветлело, замаячила обнадеживающая перемена в его актерской судьбе: Рыбникова пригласили сниматься в советско-американском фильме. Он ожил, стал готовиться к съемкам, учить английский… Но пришло сообщение, что по каким-то причинам проект не состоится.

Рыбников старался не показывать, как больно это ударило по нему. Попробовал продолжать жить. Поехал выступать куда-то в Подмосковье. На следующий день сходил в баню, за ужином немного выпил и лег спать. Уснул и не проснулся. Было это 22 октября 1990 года. Врачи установили время – 8 часов утра.

Весть о его смерти оглушила всех – настолько она была неожиданной. В прессе и по телевидению промелькнуло сообщение о кончине популярного актера кино, и до многих оно не дошло. Но печаль тех, кто услышал эту горестную весть, была искренна и глубока.

Перед похоронами Рыбникова Ларионовой было суждено пережить еще одно потрясение. Когда в Склифе врач-патологоанатом писал заключение о смерти, она спросила его про легкие. Он удивился и сказал, что было три определения, три причины, которые могли вызвать смерть, и что спасти его в этой ситуации было уже невозможно. Легкие же здесь абсолютно ни при чем. На них даже следов какого-либо заболевания нет. Она

пришла в ужас: ведь совсем недавно ему хотели одно легкое удалить!

Прощание с Николаем Рыбниковым проходило в Театре киноактера. Проводить поистине народного артиста пришли друзья, актеры, режиссеры, многочисленные поклонники его таланта, зрители разных поколений. Они отдавали последний поклон Федору Соловейкову, Саше Савченко, Николаю Пасечнику – уходящей эпохе нашего кино.

Похоронили Николая Николаевича Рыбникова на Троекуровском кладбище.

«Уже на похоронах, на кладбище, – рассказывает Ларин, – я сказал Алле: какой ужас – ну, понятно, когда люди болеют, мучаются и умирают, а тут вчера виделись, а сегодня нет человека. И она мне, помню, ответила: „Да что ты, Коля, я сама бы хотела умереть такой смертью. Он сам не мучился и никого не мучил“».

Помидоры, которые он закручивал, ели уже на его поминках. Сорок дней совпали с его официальным, по паспорту, 60-летием – 13 декабря. В день его рождения люди звонили, чтобы поздравить с круглой датой. Звонили не только из других городов, но даже из Москвы, не зная, что актера уже нет в живых.

Как ни трудны были для Ларионовой последние годы его жизни, когда он болел, метался, страдал от отсутствия настоящей работы, пил, похоронив его, она почувствовала себя, как бабочка, вылетевшая из кокона прямо на мороз.

До нее доходил смысл слова никогда.

Запас счастья позволил ей жить какое-то время. Не давали падать духом дочери, друзья. Она не могла уйти в свое горе, потому что отныне только на ее руках осталась больная мать. Чем дальше, тем отчетливее она понимала, что теперь, в большом и малом, она должна надеяться на себя.

Через два года умерла мать. Ларионова держалась. Она оказалась сильным человеком. В чем она ощущала острую необходимость, так это в работе. Не только ради денег, хотя жить на 500 рублей, пенсию народной артистки России (звание это ей присвоили в конце 1990 года), было невозможно, а чтобы вновь обрести жизненный стимул, почувствовать себя нужной людям.

Но работы не было и не предвиделось. Два фильма – «Оружие Зевса» и «Троцкий», в котором она сыграла Каридад Меркадер, удовлетворения, не говоря уж о деньгах, не принесли – их вообще мало кто видел: кинопрокат фактически прекратил свое существование. Это было следствием разрушительных процессов, происходивших в нашем кино. В таком положении, как Ларионова, оказались все наши киноактрисы.

Георгий Натансон в «Воспоминаниях об Аллочке» рисует безотрадную картину, которую представлял собой отечественный кинематограф того времени:

«Настало время перестройки. С фильмами добрыми, душевно чистыми, героическими было покончено. На экраны кино и телевидения стали выходить отечественные и американские картины, прославляющие бандитские разборки. Убийства, насилие, проституцию и унижение человека. Эти фильмы стали воспитателями нового поколения молодежи. Затем перестали ходить в кино. Кинотеатры превратились в магазины по продаже мебели и автомобилей.

Небывало увеличилась наряду со взрослой детская преступность. Убийцы и проститутки – дети. Такого еще Россия не знала. На престижных кинофестивалях в Каннах, Венеции, в Берлине российские фильмы из-за малой художественности часто не принимались на конкурсы. Многочисленные кинофестивали по городам России, несмотря на рекламу, еле собирали фестивальные залы. Известные режиссеры-постановщики России, чьи фильмы смотрели миллионы зрителей, – Т. Лиознова, С. Ростоцкий, А. Смирнов, Э. Лотяну, Э. Климов, да и ваш покорный слуга, – не были востребованы кинематографом… 11 лет. На нас были надеты намордники молчания. Не снимались и актеры-„звезды“, любимые зрителями многих поколений.

А мое поколенье в опале
И у времени, и у власти…

Эти слова произнес известный поэт Андрей Дементьев. Как он прав! Мы встретились с Аллой (Ларионовой. – *Л. П.)* в Кремлевском дворце на инаугурации президента Б.Н. Ельцина, куда были приглашены в числе деятелей культуры. Сели вместе, о многом говорили. Я по-прежнему восхищался ею. Прошло столько лет! Она все так же хороша. В перерыве церемонии Алла обратилась ко мне.

– Как ты мог, Жорочка, столько раз клявшийся мне в любви, став известным режиссером, поставившим такие замечательные картины, как „Старшая сестра“, „Еще раз про любовь“, „Посол Советского Союза“, ни разу не снять меня в своих фильмах?

Алла была гордым человеком и ни разу не обратилась ко мне с просьбой снять ее.

– Прости, Аллочка, я очень виноват перед тобой. Просто время нас разлучило. Да и у тебя были свои работы, принесшие тебе славу. Появились Татьяна Доронина, Юлия Борисова, они, на мой взгляд, очень подходили к ролям моих фильмов. Но я тебе

клятвенно обещаю снять тебя в большой роли в своей новой работе – фильме „Жизнь и любовь Михаила Булгакова“. Читай Булгакова и все о нем.

– Согласна, буду ждать! Хотя режиссерам верить нельзя. Вселят надежду, а потом – по своей или чужой воле – возьмут другую актрису, – заметила она.

Свое обещание мне выполнить не удалось, но не по своей вине. Более пяти лет мы с известным драматургом С. Алешиным писали сценарий. Часть музыки к фильму успел написать великий композитор века Георгий Свиридов. Сценарий был поддержан выдающимися деятелями культуры России, Министерством культуры РФ, принят киноконцерном „Мосфильм“. На главные роли подобраны звезды театра и кино. И все. Работа застопорилась – нет средств. Не откликнулись, не поддержали ни государственные структуры, ни олигархи. Горько, обидно и больно».

Слева-направо: Николай Рыбников, Клара Лучко, Элем Климов, Алла Ларионова, Павел Шпрингфельд и Константин Сорокин

Ларионова все это сама наблюдала и могла дать себе отчет в том, что с кинокарьерой покончено навсегда. В чем-нибудь другом искать себе применения она и не пыталась, потому что, как и Рыбников, владела лишь одной профессией – актерской.

Значит, надо было смириться с тем, как она живет, и не

строить иллюзий насчет будущего.

Возвращение к жизни

Спасение, иначе не назовешь, пришло неожиданно и с неожиданной стороны: Вячеслав Шалевич предложил Ларионовой роль в антрепризном спектакле Вахтанговского театра «Коварство, деньги и любовь» по «Голубой книге» Михаила Зощенко.

Народный артист России Вячеслав Шалевич был знаком с Николаем и Аллой давно – участвовал вместе с ними в программе «Товарищ кино». С Николаем пересекались их актерские судьбы.

– С Рыбниковым у меня была связана довольно смешная история, – рассказывает Шалевич. – Меня утвердили на главную роль в фильме «Девчата». И даже прислали телеграмму с поздравлением. Но потом режиссер по-товарищески сказал: «Слава, понимаешь, какое дело – Коля Рыбников умудрился за две недели похудеть аж на двадцать килограммов и теперь выглядит для этой роли просто идеально… Ты, ради бога, извини, но я буду его снимать!..». Этот Колин поступок для меня тогда был просто верхом героизма. Потом мы вместе снимались в картине «Хоккеисты». Рыбникову было очень трудно играть роль жесткого и несправедливого тренера. Его человеческая природа не очень соответствовала жесткости героя. Тем не менее, Коля справился.

На вопрос, почему именно на Аллу Ларионову пал выбор, когда возникла необходимость ввести новую актрису в спектакль «Коварство, деньги и любовь», Шалевич ответил:

– Вышла из строя по состоянию здоровья Людмила Целиковская. Мы долго думали над заменой. Ведь это должна быть актриса и красивая внешне, и с богатым внутренним содержанием и жизненным опытом, она должна быть и женственно-мягкой, и с огромной волей одновременно… Нам показалось, что такую героиню могла бы сыграть Алла Ларионова, и Целиковская сказала, что будет рада такой замене…

Шалевича очень удивило, что Ларионова никогда не играла на театральной сцене. Ему казалось, что такую актрису в Театре киноактера обязаны были использовать, меж тем как там все ограничивалось репетициями. Он видел, что Алла Дмитриевна поначалу побаивалась новой роли, но все – а это он сам, Марианна Вертинская и Михаил Воронцов – ее уговаривали и уговорили. Роль (а фактически три) она выучила буквально в течение недели, попутно шли репетиции, а через несколько дней состоялась гастрольная премьера в США, потом в других странах.

Ларионова ожила. У нее вновь была любимая работа, она опять ездила по свету, поправила, что немаловажно, свои

денежные дела. Она сама и все ее друзья, говорит Николай Ларин, были очень благодарны Вячеславу Шалевичу за то, что он фактически спас ее от прозябания, и творческого, и житейского.

Светлана Павлова помогла разменять квартиру в Марьиной Роще на две двухкомнатные, одна – для Арины, и Алла переехала в дом, в котором жила сама Светлана, в Банный переулок. А в доме рядом жила их третья подруга – Татьяна Ивановна Роговая.

Новая ее квартира была небольшая, но вполне приличная, кооперативная, которую она перестроила по своему вкусу и очень полюбила.

– Наша дружба с Аллой продолжалась, – вспоминает Светлана Аркадьевна Павлова. – А когда она переехала в мой дом, мы почти не расставались. Во время ремонта в ее квартире она жила у меня, я настояла. Алла никогда никого не утруждала просьбами. Но и без всяких просьб было видно, что ей тяжело, что нужно помочь.

Мы много с ней говорили, но это не было трепом обо всем и ни о чем. Она была искренним человеком, но в то же время достаточно закрытым. Необходимо было какое-то событие, толчок извне, чтобы возникла тема, какое– то воспоминание. К примеру, когда мы смотрели передачу Глеба Скороходова «В поисках утраченного», о киноактерах, в которой он рассказал историю ее взаимоотношений с Михаилом Кузнецовым, не назвав ее имени, она подтвердила, что да, между ними было большое чувство, что расставались они трудно, но иначе поступить не могли.

В другой раз зашла речь о том, когда и от кого Алена узнала, кто ее настоящий отец. Как только они с Рыбниковым поженились, рассказала Алла, у него с Переверзевым состоялся разговор. Николай расставил все на свои места. Ребенок, заявил он, которого ждет Алла, их общий законный ребенок и будет носить его фамилию. Родилась Алена. Они понимали, что это невозможно будет – скрывать от нее правду всю жизнь, и искали, когда она уже стала большая, подходящий момент для трудного разговора, чтобы не очень травмировать ее. «А я знаю, – сказала Алена, выслушав Аллу. – Какие-то слухи доходили. И вообще…»

…Конечно, думаю я, без доброхотов здесь не обошлось. На память приходит с болью и возмущением сказанное Олегом Чертовым: «Коля и Алла до поры до времени решили не говорить Алене об отце. И вдруг известный актер В., не испросив у них на то разрешения, во всеуслышание объявил, что она дочь Ивана Переверзева. Многие знали об этом, но только непорядочный человек мог позволить себе подобную бестактность».

С Аленой я на эту тему не говорила. Но по тому, как она рассказывала о своей семье, о маме и папе, с каким теплом их

вспоминала, поняла, что если правда, которую она узнала о своем рождении, и вызвала смятение в ее душе (а кого бы такое не взволновало?!), то трагедией это не стало, а потому я и написала о тайне, давно переставшей ею быть.

И еще одно великое дело сделали для Алены с Ариной родители: оставили им своих друзей.

Поездка в Иерусалим в начале 90-х стала важной вехой в духовной жизни Ларионовой: на Святой земле она крестилась, к чему душой была готова. «Прийти к богу, – сказала она, – никогда не поздно. Хотя трудное это восхождение, особенно для нас, лицедеев». Много лет назад в Аргентине ей подарили иконку Божьей Матери, с тех пор она возила ее с собой. Дома у нее было много икон, она ходила в церковь. Настоятель церкви Ильи-пророка был ее духовником.

Она не была уверена в том, что ее помнят, знают. Однажды в Кремле на праздновании Пасхи она хотела, но стеснялась подойти к Патриарху Алексию за благословением. Светлана Павлова осмелилась, представила ее как «бывшую красавицу советского кино, нашу гордость». Он узнал Ларионову, сказал, что она красавица и сейчас, благословил их, с ними была еще Светлана Дружинина, и все втроем они сфотографировались с ним на память.

Жизнь шла своим чередом. События, не только радостные, сменялись одно другим. Она тяжело перенесла смерть в 1996 году своей близкой подруги Риты Гладунко – был сердечный приступ. У нее всегда побаливало сердце, а последнее время оно все больше и больше давало о себе знать. Ей был поставлен диагноз: мерцательная аритмия. Она не придавала этому большого значения, лекарства принимала, но вела образ жизни здорового человека: летала на самолетах, как-то ей стало плохо в самолете, много курила, даже в больницу требовала сигареты, порой недосыпала, могла буквально падать с ног от усталости. На тему болезней говорить не любила, не любила никого собой обременять.

Алла Ларионова со своей лучшей подругой Нонной Мордюковой. 1980-е гг.

Силы она черпала в работе, в возвращении к тому ритму, в котором она привыкла жить. Она ездила на кинофестивали, посещала разные актерские тусовки, не отказывалась от выступлений. Большой поддержкой ей была любовь зрителей.

В одном из интервью Ларионова рассказала, как в день празднования 850-летия Москвы Лариса Лужина, Люба Соколова, Люда Зайцева и она ехали из Теплого Стана на метро, с огромными букетами цветов. Их узнавали, просили автографы, говорили добрые слова. А какой-то мужчина сказал, что Лужков должен каждой из них подарить «Мерседес», чтобы они не ездили городским транспортом, потому что они наша гордость, наша история. Актрисы посмеялись, поблагодарили его и пообещали при случае обязательно передать его слова Лужкову.

В 1999 году Ларионова была признана идеалом романтической женщины пятидесятых годов. А на одном из кинофестивалей в Сочи получила титул первой красавицы России XX века.

Виталий Вульф, готовивший выпуск своей передачи «Серебряный шар», посвященный Алле Ларионовой, поделился своими впечатлениями о встрече с ней:

«После огромной квартиры она жила в маленькой квартирке. Исчезли зрители, не было никаких надежд на кино. Она рассказала, как приехали каких-то два продюсера с Украины, она

снималась несколько месяцев. А потом исчезла лента, исчезли они, и никто не заплатил ни копейки. И не было никакой злости, она говорила об этом с легкостью, и не скажу, чтобы много курила. У нее было замечательное чувство юмора.

Мы заговорили с ней о Валентине Серовой, вспоминали трудные времена, которые переживала актриса в свои последние годы. „Вот вы говорите, – сказала Ларионова, – что я женственная. Не знаю. Вот Валентина Васильевна была символом женственности, я всегда завидовала ее пластике, ее манере…“ И вдруг прочла наизусть замечательное стихотворение Константина Симонова, которое мало кто знает, – о Вологде – „В деревянном домотканом городке“. Я обомлел. Спросил: „Вы что, читаете его с эстрады?“. Она ответила: „Да никогда! Просто я его запомнила. Валентина Васильевна подарила мне книжку „С тобой и без тебя“ издания 1942 года, синенькую такую, и это стихотворение из нее мне очень понравилось. Книжка, к сожалению, затерялась“.

Начали делать о ней передачу. Я спрашиваю: „Кинопленки у вас есть? Фрагменты из ваших фильмов?“ – „Моих, – отвечает, – нет. Не знаю, где они. Вот Колины – есть“.

Она хранила память о Рыбникове, берегла сувениры, свидетельствующие о его актерской популярности, напоминающие о фильмах, в которых он снимался: шахтерскую лампочку, каску строителя, макет парохода, хоккейную клюшку, футбольный мяч, исписанные автографами, очки сталевара… Но семейное счастье, ушедшее вместе с ним, не превратилось для нее в мучительные воспоминания. Она не позволяла себе все время смотреть назад.

„Чем старше я становлюсь, – говорила она, – тем яснее понимаю, что прошлым жить нельзя. Каким бы хорошим оно ни было. Оставаясь в прошлом, можно потерять связь с современностью. Я прожила интересную жизнь, мне есть что вспомнить. И память эта мне очень дорога. Но живу я сегодняшним днем. Я наслаждаюсь своим одиночеством. Отдыхаю. Я очень довольна своей жизнью“».

Есть разница между тем, чтобы жить одной – и быть одинокой. Она не была одинокой: ее окружали друзья, любили и опекали дочери. Были и романы – для поднятия духа, на уровне флирта, не больше того. У нее любил бывать художник Никас Сафронов. Хотел ее писать, но согласия не получил. Она по-прежнему была доверчивой и щедрой. Находились люди, которые пользовались этим: не возвращали долги или внаглую присваивали ее деньги. Она горевала, даже плакала. Но все равно не менялась и не меняла своего отношения к людям. Впрочем, никто до конца не знал, что она чувствовала на самом деле –

жизнь научила ее сдерживать свои порывы.

Однажды по какому-то поводу сказала: «Самое страшное в старости – быть смешной».

Как это ни удивительно, ее не оставили своим вниманием завистники и недоброжелатели. Казалось бы, теперь-то чему завидовать? По какой причине не желать добра? А все по той же: за то, что счастливо жила, была любима, благополучна. За то, что красива…

Как тут не вспомнить строки из стихотворения Симонова, опубликованного в уже упомянутом сборнике «С тобой и без тебя»:

Все, что сердцем взято будет,
Красоте твоей присудят.
Будешь нежной, верной, терпеливой —
В сердце все равно тебе откажут,
Скажут: нету сердца у счастливой.
У красивой нету сердца, – скажут.

И дальше почти что впрямую о ней, потерявшей мужа:

Как других, с ним разлучит могила —
Всем простят, тебя возьмут в немилость.
Позабудешь – скажут: не любила,
Не забудешь – скажут: притворилась.

Эту немилость она остро ощутила, тем более, что теперь, после смерти Рыбникова, она стала беззащитной – чувство, знакомое всем покинутым или овдовевшим женщинам, только многие не сразу «узнают» его в наступившей для них другой жизни.

Николай Ларин как-то спросил у нее, почему она не выходит замуж, ведь были мужчины, которым она нравилась, которые мечтали быть рядом с ней.

Она ответила, что не испытывает такого желания, чтобы кто-то был постоянно рядом. Что хочет побыть одна, разобраться в себе, почитать книги, поразмышлять. Другой раз, в откровенном разговоре, на его вопрос, кого, кроме Николая, она любила в своей жизни, ответила: «Ивана Переверзева и Михаила Кузнецова». А однажды с грустью призналась: «Ты знаешь, мне так не хватает Коли! Во всем, даже в мелочах. Вот приду в Дом кино, и никто с меня пальто не снимет. А потом не поможет надеть…».

Она тосковала по Николаю до последних дней. Никто не смог занять его место в ее душе. Надежда Румянцева так прямо и сказала: одна, без него, она не смогла жить.

День своего рождения, 19 февраля, в 2000 году она решила, вопреки семейному обычаю, отметить в ресторане Дома кино. Гостей было человек пятнадцать: дочери с мужьями, друзья.

Николай Ларин вспоминает:

– За столом царило праздничное настроение. Каждый хотел произнести тост, и я никак не мог дождаться своей очереди, чтобы поздравить Аллу. И тут она сама взяла слово. «В моей жизни, – сказала она, – было два Коли: Рыбников и Ларин, который сейчас сидит здесь и почему-то молчит». Дальше она столько хорошего наговорила обо мне, о нашей дружбе, проверенной десятилетиями, скрепленной общим прошлым и настоящим, что я был тронут до глубины души и лишь пытался остановить ее, напоминая, что это не мой, а ее день рождения. Она не слушала меня. А когда договорила, мы чокнулись бокалами, при этом пролили вино, смеясь, поцеловались. Дочь Аллы Алена успела сделать в этот момент несколько прекрасных снимков.

На следующий день мы созвонились. Я поделился с ней своими впечатлениями о дне ее рождения, сказал, что она отлично выглядела, что, как всегда, была хорошо одета, что люди собрались приятные, что был великолепный стол!.. «Коля, – остановила она меня, – ты уж слишком! Ведь мне исполнилось 69. В следующем году будет юбилей. Вот тогда и рванем!»

Союз кинематографистов планировал отметить эту дату официально. Она противилась. Нет, Ларионова не скрывала свой возраст – просто у нее не было настроения, она не любила быть в центре внимания, от похвал в свой адрес всегда испытывала чувство неловкости. В разговоре с Людмилой Гладунко, которую случайно встретила в Доме кино, пожаловалась, что ее уже замучили с подготовкой юбилейного вечера, тогда как ей ничего этого не надо.

Гладунко качала уговаривать ее не отказываться от официального торжества: покажут отрывки из фильмов с ее участием, будет повод поговорить о ее творчестве, она встретится с друзьями, с кинозрителями – это же замечательно! Может, появится возможность съемок, какой-то работы в кино.

Светлана Павлова, Алла была с ней, тоже стала ее убеждать, и не в первый, как выяснилось, раз. И Ларионова сдалась. Тем более что в запасе был чуть ли не год.

В апреле Ларин с другом и Павлова с приятельницей отправились в турпоездку в Египет. Очень хотели взять с собой

Аллу, но она категорически отказалась: боялась подвести Шалевича и вообще была настроена на работу.

Алла Ларионова и Николай Рыбников на съемочной площадке фильма «Седьмое небо». 1971 г.

Где-то в середине апреля Ларионова с группой кинематографистов поехала в Белгород. Вообще-то туда должен был поехать, рассказывала Гладунко, киноактер и режиссер Борис Токарев, ее муж, но по какой-то причине не смог, и Алла как бы заменила его. Вернулась она оттуда в двадцатых числах апреля. Прилетели обратно и египтяне, 24 апреля. Ларин хотел сразу же заехать к ней, чтобы вручить купленный за границей подарок. Но она отложила встречу на следующий день: пожаловалась на

усталость и неважное самочувствие.

Почувствовала она себя плохо еще в Белгороде: ныло сердце, поташнивало. Ей сделали кардиограмму. Спросили: не полежит ли она в больнице? В больницу она не легла, отложила это до Москвы. Решила, как всегда, обойтись лекарствами. Вроде стало легче, и она даже съездила в Подмосковье с выступлением. На вторник 25 апреля наметила посетить врача.

Понедельник 24 апреля получился суматошным. Было много звонков, как всегда после ее отсутствия дома. Из Египта вернулись друзья, жаждали встречи. Светлана Павлова привезла ей в подарок скарабея, которому она очень обрадовалась, потому что верила в чудодейственную силу амулета. Они зашли в гости к «третьей сестре» – Татьяне Роговой, немного посидели. Ела Алла осторожно, ссылаясь на то, что, наверное, отравилась чем-то в Белгороде или напринимала слишком много лекарств.

В тот день она решила пораньше лечь спать, предупредила всех, что отключит телефон. Полдвенадцатого ночи курила на балконе…

Утром 25-го в квартиру Светланы Павловой позвонили. То был зять Ларионовой, муж младшей дочери. Накануне они договорились, что он проводит ее к врачу. «Стучу, стучу к ней, – сказал он, – не открывает. Такое впечатление, что ее нет дома». Позвонили по телефону – безрезультатно. Может быть, отключен, а может быть, она действительно куда-то ушла. На всякий случай позвонили в поликлинику. Там ее нет, врач ждет ее к назначенному часу. Спустились на шестой этаж с запасным ключом. Оказалось, что дверь заперта изнутри и ключ не вынут…

Было страшно подумать о том, что произошло. Вызвали службу спасения, дочерей. Вскрыли дверь. Все происходящее записывалось видеокамерой. Алена попросила не делать съемку. Но ей объяснили, что в ситуациях, как эта, по инструкции положено все фиксировать на пленку.

Ларионова лежала в постели, свернувшись калачиком, будто спала. Врачи определили, что умерла она в 3 часа ночи, во сне. Было это 25 апреля 2000 года, на Страстной неделе, под Пасху.

Уже когда ее не стало, врач посмотрел кардиограмму, ту самую, что ей делали в Белгороде. Оказывается, у нее был инфаркт, а не отравление, как она полагала. Но как получилось, что белгородские медики проглядели его? А если не проглядели, то почему не поставили в известность об опасном диагнозе Ларионову? Она бы точно тогда легла в больницу, а не поехала в Москву, и может быть, в этом случае рокового исхода удалось бы избежать. Но что теперь гадать, что попусту сокрушаться?

… Прощались с Аллой Ларионовой в Белом зале Дома кино.

Проводить ее пришло очень много народа. Она утопала в цветах. Не только близкие и друзья, а просто люди, старые и молодые, не могли сдержать слез. Среди венков был венок от президента Путина. На Троекуровское кладбище, где рядом с Николаем Рыбниковым ее похоронили, проститься с ней приехала Наина Ельцина. Она положила на могилу огромный букет белых роз.

…После смерти Аллы Ларионовой в газетах и журналах появилось много статей и очерков, в которых говорилось о любви к ней, отдавалась дань уважения замечательной актрисе, красивейшей женщине, человеку редких душевных качеств.

Свои «Воспоминания об Аллочке» кинорежиссер Георгий Натансон, тот самый Жора Натансон, который познакомился с ней, когда она была еще старшеклассницей, и предложил ее Птушко на роль Любавы, закончил так: «Прости, дорогая Аллочка, что я не смог выполнить свое обещание – снять тебя в своем новом фильме.

Я всегда буду хранить о тебе добрую память. Ты сумела открыть во мне чувство преклонения перед Женщиной.

Великое за то тебе спасибо!».

В передаче, посвященной памяти актрисы, Вячеслав Шалевич сказал:

– Ларионова первый раз вышла на театральную сцену практически восемь лет назад в нашем спектакле «Коварство, деньги и любовь». Она играла в трех новеллах три разных образа: Антонину, затем старуху, в гротесковом рисунке, абсолютно преображаясь, и – мамашу в «Свадьбе». Она у нас пела, хотя заверяла всех, что не умеет петь. Умела, и хорошо. Перед выходом на сцену всегда очень волновалась. И радовалась, когда видела, как ее принимает зритель. Она никогда его не разочаровывала и всегда уходила с овациями.

В воскресенье 23 апреля, когда я ей позвонил, она только что приехала с гастролей из Белгорода. Я попросил ее сыграть в Нашем театре имени Рубена Симонова в маленькой новелле за одну актрису, которая никак не могла играть в этот день. Она с радостью согласилась. Это был действительно трудовой подвиг.

Она была чудотворно легкий человек. Играя с ней в спектакле, мы каждый раз вновь и вновь убеждались в ее поистине звездной популярности. Я уже не говорю о России, я говорю о тех, кто отошел от России и помнит до сегодняшнего времени Аллу Дмитриевну Ларионову, живя в Алма-Ате, Ташкенте, Бишкеке, о русских людях в Австралии, Канаде, Израиле. Вместе с ней и мы пережили чудные мгновения жизни.

В проникновенных словах выразил чувства многих людей Василий Лановой:

– Ее знал весь народ. Ее звали просто «Ларионова» – профессора, академики, а в деревнях – «наша красавица».

Это ли не есть вершина отношения к человеку, звезда он или не звезда? «Наша»! У нее была державная российская красота. Державная. Ни одной западной полузачуханной даме и не снилось то, что излучало ее лицо. То был иконный лик в сочетании с поразительно открытым добрым началом, которое изливала ее душа. Немногие актеры вызывают такое чувство. Особенно сегодняшние «миллиметровщики», которые пришли в кинематограф на прагматических началах и не понимают, почему их не принимают так, как до сих пор все принимают Аллу Ларионову. Она была редким созданием природы. И – ушла… Мне вспоминаются замечательные строки поэта Василия Жуковского:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были.

…На этом фоне как пощечина, как несмываемое оскорбление памяти актрисы воспринимается статейка, опубликованная примерно месяц спустя после ее смерти.

Зачем, кому понадобилось порочить умершего человека? Впрочем, вопросы излишни. Зачем? Чтобы газетенка раскупалась обывателем, падким на небылицы про известных людей. Кому? Бойкому сочинителю этих небылиц Владимиру Скворцову. Имени на такого рода матерьяльчиках, правда, не сделаешь (всю жизнь работаю в журналистике, а ни о «золотом», ни о «ржавом пере» Скворцове слыхом не слыхивала), а деньги, сегодня, очень даже сделаешь. Тем более что Скворцов свято верит в то, что они не пахнут.

Присутствовавший на похоронах Ларионовой репортер подслушал, в чем без всякого стыда признается, болтовню двух кумушек. Пересказывать, что эти два грифа несли, а третий гриф, Скворцов, в клюве принес в родную редакцию, нет нужды. Я вообще сомневаюсь, что те кумушки существовали в реальности. А был то ловкий репортерский прием: можно настрочить все, что в голову придет, а в случае чего – спрятаться за бабские юбки.

В статейке все факты перевраны, к тому же издевательски интерпретированы. Написана она скороговоркой глотающего слюну завзятого сплетника.

Гильдия актеров и друзья семьи Рыбниковых направили письмо в редакцию газеты, опубликовавшей сие сочинение. Ответ

был в том духе, что в эпоху гласности каждый имеет право на свою точку зрения… Короче, отмазали своего автора. Вместо того, чтобы как следует вмазать ему. (Это моя точка зрения – имею право.) Резвись, Скворцов, не знай печали!

А хорошим людям посоветую: ни в радости, ни в горе не пускайте скворцовых, коих сейчас много развелось, на порог, чтобы они не испакостили вам все своим «собственным мнением». Ведь даже маленький комок грязи может принести боль.

Разухабистая статейка эта давно забыта. Но я намеренно напомнила о ней здесь, в книге. Редакция не осудила своего автора. Не привлекли Скворцова и к суду по статье за клевету. До того ли было убитым горем дочерям?

Но безнаказанность развращает. И есть нравственный суд – в него не надо подавать никаких заявлений. Оболгать умершего человека, который защитить себя не может, женщину, которая при жизни, как мало кто другой, натерпелась от сплетен и клеветы, собирать «жареные факты» для статьи, стоя у ее гроба, – по законам нравственности преступление.

– О таких, как Алла Ларионова, – говорит Людмила Гладунко, – надо писать на достойном их имени уровне. А не на том, на котором сегодня пишут. Откровенности наших эстрадных див неловко читать. Но это их личное дело. А защитить память Ларионовой – дело общее. После нее должны оставаться легенды! На страницах же печати – сплошь сплетни и пересуды. Не только, конечно, о Ларионовой. Печально, что так разительно изменились понятия о чести и достоинстве человека, о его порядочности.

Светлана Павлова рассказала, что, когда они были с Ларионовой на юбилейном вечере Всероссийского театрального общества, к ним подошла какая-то женщина. «Вы Ларионова?» – спросила. – «Да». – «Скажите, это правда, что у вас с Вертинским был серьезный роман? И про министра культуры Александрова и ванны с шампанским – тоже правда?»

Подумать только! С того времени минули десятилетия! Какие события сотрясали страну, какие удары! Ожесточенная борьба за власть. Перестройка. Распад СССР. Разруха. Войны… А этой женщине все эти годы не давало покоя одно: было или не было? Но вот он, момент истины! Сейчас она получит ответ на свой «гамлетовский» вопрос!

Что с вами происходит, люди? Всегда считалось стыдным смотреть в замочную скважину. Сегодня же даже наше телевидение превращается в большую, размером с экран, замочную скважину. С одной стороны – прильнувшие к ней телезрители («Не стесняйтесь своих желаний!» – призывает их шоумен), с другой – больные люди, склонные к публичному

самообнажению. Страницы печатных изданий заполнены пикантными подробностями из жизни звезд, альковными сенсациями, откровенной порнографией.

Все на продажу! Все ради золотого тельца и рейтинга! Ради этого и соврать можно там, где можно было и не врать.

Читаю в одном журнале:

«Пять лет учебы Рыбникова-сына и пять лет сомнений и нервов его отца: вплоть до выхода первого значительного фильма с участием Николая он сомневался в удачном актерском будущем сына. Отец сам был достаточно известным артистом, играл в Малом театре, в середине 30-х годов получил звание народного.

Впрочем, поводов для волнений за сына всегда находилось множество».

Отец Рыбникова – артист?! Откуда автор статьи это взял? Хотел подправить биографические данные Николая, сделать их «покрасивше»? А ведь это оскорбительно для памяти Рыбникова, любившего и уважавшего своего отца, железнодорожника по профессии. Он погиб на войне, на которую ушел, когда сын был еще подростком, так что пяти лет сомнений и нервов по поводу его учебы в институте и множества других поводов для волнений за сына быть не могло. Рано осиротев, Рыбников сам воспитал себя. Можно ли так небрежно относиться к этому драматическому факту его биографии?

В той же статье приводятся, даже в подзаголовок вынесены, якобы слова Рыбникова: «Как им удалось превратить меня в засаленного работягу?!».

Я читала эту фразу многим, близко его знавшим. Реакция была мгновенная и одна: не мог он так говорить! Рабочего человека он любил и понимал, о чем можно судить по его ролям. А двоедушие ему не было свойственно.

Где-то промелькнуло сообщение, что Ларионову не на что было хоронить. Неправда это! Деньги, может, друзья и собирали, у нас так принято, – на венок, на цветы, на другие расходы. Но умерла она не в нищете, всеми забытая. Деньги были. Родные и близкие достойно проводили ее в последний путь. И памятник уже стоит на ее могиле. В сооружении его Союз кинематографистов никакого участия не принимал – сделан он был на средства родных и на деньги, оставшиеся от Аллы. Желание иных доброхотов вызвать жалость к ней исходит отнюдь не от искренней любви, а чтобы скрыть зависть, убедить себя и других в том, что не такая уж она была счастливая. От этого им легче жить.

Уже после смерти Ларионовой в Доме кино состоялся вечер, посвященный 70-летию со дня ее рождения. Все заботы о нем

взяла на себя Светлана Аркадьевна Павлова, хотя это был святой долг Союза кинематографистов и Никиты Сергеевича Михалкова как его руководителя. Павловой самой пришлось думать о программе вечера, решать сложные организационные вопросы, искать спонсоров. Одним из спонсоров была фирма, в которой работал ее внук.

Не могу не рассказать истории, с ним связанной.

Летом 1975 года Рыбниковы и Павлова отдыхали в Сочи. Как-то она задержалась на пляже и, войдя в номер, увидела торжественные лица Николая и Аллы. «Здравствуй, бабушка!» – приветствовали ее они. От них она узнала о рождении внука.

Мальчика назвали Иннокентием. В семье Рыбниковых его любили, он рос, как говорится, у них на глазах. Когда Ларионова умерла, Иннокентий написал слово прощания, в котором с грустью признавался, что все свои годы прожил рядом с ней и не догадывался, какой она редкий человек, какая актриса. Сожалел, что поздно понял это.

Если он, молодой человек, так чувствует и говорит, значит, земная жизнь ушедших продолжится. Человек жив, пока живет память о нем. Вечная истина.

Николай Рыбников и Алла Ларионова прожили счастливую жизнь. Они были счастливы в главном – в любви, в семье, в работе. И еще – в друзьях. Друзья – это больше, чем родственники. Родственников не выбирают. А друзей выбирают, и они становятся родными. Это тоже особый талант, когда встреченные на жизненном пути люди становятся близкими тебе, а ты – им. Сколько дружб просто не возникает, сколько их ненастоящих, мимолетных, как обделяет судьба тех, кто не умеет дружить…

Друзья Николая и Аллы верны им и по сей день.

Алена Рыбникова считает Николая Яковлевича Ларина самым родным для себя человеком. Вроде дочери стала она Светлане Аркадьевне Павловой и Татьяне Ивановне Роговой – двум «сестрам» из когда-то трех. Олег Исаакович Чертов сказал, что со смертью Николая и Аллы он осиротел, и признался, что, когда очень уж тоскует по ним, набирает номер телефона Алены и слушает голос Аллы – она записалась на автоответчик незадолго до своего ухода. Лариса Лужина, с которой Ларионова сдружилась в последние годы, с грустью вспоминает свои поездки в гости к Алле на Банный. Она и теперь бывает в том доме, у Павловой. Клара Лучко задумала при переиздании своей книги «Виновата ли я?» дополнить ее главой о Николае Рыбникове. Людмила Гладунко, как я уже писала, много страниц задуманной ею книги о матери, Рите Гладунко, посвятит ее подруге Алле

Ларионовой. Даль памяти о киноактерах освещается кино, этим поистине «волшебным фонарем», лучи от которого все уверенней пробиваются сквозь плотные слои киномакулатуры в основном закордонного происхождения, и видится не случайным, что в последнее время фильмы с участием Рыбникова и Ларионовой нередко демонстрируются на телеэкране.

Отрадно это нарушение закона перспективы: чем дальше – по времени создания – эти фильмы, тем ближе они нам становятся и необходимее. Потому что возвращают нам нравственные ориентиры, не дают забыть о том, что есть красота. Они духовно возвышают, врачуют душу, уставшую от «чернухи» и «порнухи», от сцен насилия и жестокости, от пошлости, бесстыдства, игры на низменных инстинктах. В тех давних фильмах, повторю слова Г. Козинцева в письме А. Зархи по поводу «Высоты», мы видим «человеческое, про людей».

Говоря о Рыбниковых, все на разные лады повторяют, какая это была счастливая пара! Я тоже не удерживала себя от восклицаний, хотя, конечно, их жизнь состояла не сплошь из мирных дней… были, были и драматические моменты, и «пограничные» ситуации. Но в их отношениях было то важное, что стояло выше всех ссор, недоразумений и размолвок, – любовь и что-то такое, что больше любви.

Герцен писал:

«Страшные события, жгучее горе все же легче кладутся на бумагу, чем воспоминания светлые, безоблачные, святые. Разве можно рассказывать счастье?».

Эта книга – попытка о нем рассказать.